БЮЛЛЕТЕНЬ

ЛАБОРАТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

ВЫПУСК 7

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ ВГУ

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛАБОРАТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

ВЫПУСК 7

Редактор-составитель Д. С. Дьяков

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2020

УДК 070
ББК 7601
Б98

В выпуске использованы материалы из фондов Воронежского областного литературного музея имени И. С. Никитина

Бюллетень лаборатории региональной журналистики.
Б98 Выпуск 7 / ред.-сост. Д. С. Дьяков. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – 296 с., ил.

Седьмой выпуск «Бюллетеня лаборатории региональной журналистики» посвящен 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В истории воронежской журналистики суровые и героические годы той войны явились одним из важнейших периодов. Однако этот период изучен еще недостаточно, деятельность местных писателей и публицистов во время войны еще не получила полного и всестороннего освещения. Поэтому основная задача выпуска – показать, насколько многообразной, самоотверженной и подлинно героической была работа воронежских журналистов в годы войны, какой огромный опыт был накоплен ими за это время, – опыт, легший в основу не только публицистических, но и литературных произведений, созданных в последующие годы.

УДК 070
ББК 7601

В оформлении обложки использовано изображение центральной фигуры памятника фронтовым корреспондентам (скульптор Л. Е. Кербель), установленного в 1993 году в Москве, перед входом в Центральный дом журналиста на Никитском бульваре

© Дьяков Д. С., составление, 2020
© Факультет журналистики ВГУ, 2020
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2020

ИЗ РЕКИ
ПО ИМЕНИ ФАКТ

Посвящается
светлой памяти профессора
Льва Ефремовича Кройчика (1934–2019),
стоявшего у истоков создания
лаборатории региональной журналистики ВГУ

Дмитрий Дьяков

ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ ВОЙНЫ

Так выпьем за победу,
За свою газету,
А не доживем, мой дорогой –
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой!

К. Симонов
Корреспондентская застольная

И через 75 лет после Победы Великая Отечественная война по-прежнему остается основным нервным центром отечественной истории XX века. В этом есть своя логика: вся советская эпоха четко рассечена той войной – почти четверть века до нее и почти полвека после. Кроме того, война 1941–1945 годов оказалась в самой середине такого мрачного явления, как сталинская эпоха, отмерив по дюжине лет до (конец 1920-х – начало 1940-х) и после (середина 1940-х – середина 1950-х) нее. Эта «магическая симметрия» роковым образом проецируется и на саму историческую логику советского времени: весь процесс рождения, развития, расцвета и упадка СССР оказался неразрывно связанным с войной.

Неслучайно именно Великая Отечественная резко и четко определила абсолютно новый тип переживаний, находящихся в публичном культурном пространстве по сию пору. И вполне логично, что весь набор этих эмоций и настроений наиболее точно зафиксирован и отражен именно в военной публицистике – области литературы, сыгравшей важнейшую роль в мобилизации и нравственных, и физических сил жителей страны, разом оказавшихся в экстремальной ситуации. Вот почему тексты фронтовых корреспондентов остаются незаменимым источником познания природы эмоций, привнесенных в наше общество войной: через образы и формы статей и очерков тех лет можно наиболее точно понять логику большинства современных процессов.

Обычно, едва разговор заходит о публицистике времен войны, сразу вспоминают про известный пример о «гремящих пушках» и «молчащих музах». На самом деле такая фраза имеет риторический характер: война – это, конечно, не только пушки, но и музы. Именно их совокупностью определяется специфика военной публицистики, да и вообще всё то, что можно обозначить как культуру войны.

Само понятие – культура войны, – несмотря на шокирующее смысловое несоответствие двух этих слов, наиболее точно обозначает совокупность текстов, жанровые грани между которыми во время Великой Отечественной войны демонстративно были разрушены. Еще Илья Эренбург, к слову, не только один из самых популярных в годы войны публицистов, но и наиболее последовательный теоретик батальной журналистики, писал по этому поводу в военном 1944 году: «Пора оставить деление на рубрики и на категории. Неужели если статья создана в виде драмы или в виде поэмы, она становится высокой литературой, а если она написана прозой, она только газетная статья для рубрики “Агитация”?»[1]. И действительно, лишь форма подачи отделяет, к примеру, появившиеся во время войны стихи К. Симонова или пьесы А. Корнейчука от публицистики того же И. Эренбурга, а эту публицистику – от передовой статьи «Правды» или «Красной звезды» тех времен.

Причины возникновения столь уникального в истории культуры синтетического стиля в изображении событий Великой Отечественной кроются в резкой перемене пропагандистских задач, поставленных перед СМИ уже на раннем этапе той войны.

Если еще в сентябре 1941 года провозглашалось, что в мобилизации народных масс на борьбу с гитлеровскими полчищами решающая роль принадлежит большевистской партии, что «партийные организации являются вдохновителем и организатором боевых подвигов на фронтах и трудового энтузиазма масс в тылу»[2], то уже к зиме в пропаганде возобладала иная идеологическая линия, согласно которой авторы текстов «должны всемерно… разъяснять самым широким массам трудящихся всенародный, отечественный характер войны против немецких захватчиков»[3].

Автор новой пропагандистской установки – Александр Сергеевич Щербаков – сосредоточил в годы войны в своих руках огромную идеологическую власть. Недаром Сталин называл его своим «маршалом пропаганды». Собственной карьерой Щербаков был обязан сестре, которая стала женой А. А. Жданова – человека из ближайшего сталинского круга. Именно по желанию Жданова кадровый аппаратчик Щербаков в 1934 году стал первым секретарем Союза писателей СССР. Формально Союз возглавлял М. Горький, но все административные, хозяйственные и политические вопросы там решались Щербаковым. В годы большого террора он последовательно руководил Восточно-Сибирской, Донецкой и Московской партийными организациями, где активно участвовал в репрессиях, возглавляя печально знаменитые «тройки». Но пик его карьеры пришелся именно на военное время, когда Щербаков одновременно был секретарем ЦК, начальником Главного политического управления РККА, председателем Совета военно-политической пропаганды, начальником Совинформбюро и заведующим отделом международной информации ЦК ВКП (б). Иными словами, безраздельно руководил всей пропагандистской и контрольно-политической машиной Красной армии. Такое доверие Сталина к Щербакову отчасти объяснялось характером последнего: он постоянно по своим

каналам пытался раздобыть оперативную информацию на фронтах и доложить ее Сталину первым, в обход Генштаба. К тому же, как свидетельствует Н. С. Хрущев, Щербаков «и сам глушил крепкие напитки, и других втягивал в пьянство в угоду Сталину»[4]. Умер «маршал пропаганды» 10 мая 1945 года, на следующий день после капитуляции фашистской Германии, от сердечного приступа после сильного запоя. Позже, в начале 1950-х, его смерть была использована властью в пропагандистских целях – Щербакова объявили первой жертвой «врачей-убийц».

Тем не менее именно этот абсолютно безнравственный человек уже на начальном этапе войны поставил перед отечественными литераторами в высшей степени нравственную идеологическую задачу, согласно которой ключевым словом пропаганды вместо слова «партия» стало слово «отечество». На достижение этой цели были отмобилизованы все СМИ страны.

А чтобы регламентировать работу многочисленных военных журналистов, которыми стали и писатели, и сотрудники гражданских изданий, т. е. люди, не имевшие опыта работы в военных условиях, ЦК ВКП (б), по инициативе того же Щербакова, принял постановление «О работе на фронте специальных корреспондентов» (9 августа 1941 года) и чуть позже – «О работе на фронте специальных корреспондентов центральных газет и ТАСС» (13 августа 1942 года)[5]. В этих программных документах в категоричной форме утверждалось, что корреспонденты большую часть времени проводят при штабах фронтов и армий и очень мало бывают непосредственно в частях и соединениях, а свои материалы пишут по рассказам раненых и очевидцев. Некоторые командиры и политработники не учитывают значения информирования населения о боевых действиях Красной армии. Корреспонденты не получают необходимой помощи для передвижения по фронту и связи со своими редакциями. Имеются факты, также указывалось в постановлениях, когда командированные на фронт корреспонденты центральных газет «прикрепляются» политорганами к фронтовым или армейским газетам, в результате чего страдает снабжение военной информацией

Сталинский «маршал пропаганды» товарищ Щербаков

центральной печати. Корреспондентов и фотокорреспондентов, которые не бывают в частях, околачиваются около штабов фронтов и армий, предписывалось немедленно откомандировать к прежнему месту работы с подробной характеристикой их поведения…

Для исправления указанных недостатков, по решению ЦК ВКП (б), на весь период войны из 39 центральных газет, выходящих в начале 1941 года, было оставлено менее половины – 18. Перестали выходить такие ведомственные издания, как «Черная металлургия», «Животноводство», «Машиностроение», «Текстильная промышленность» и др. Их сокращение не было механическим актом: функции закрытых газет передавались оставшимся. Происходило как бы их

объединение. Так, «Социалистическое земледелие» возникло на базе «Совхозной газеты» и «Животноводства», «Литературная газета» была объединена с газетой «Советское искусство»: новое издание имело название «Литература и искусство» (к слову, ее лично редактировал секретарь Союза писателей СССР А. Фадеев) и т. д.

Сокращалась сеть республиканской и местной прессы. Были закрыты все молодежные и комсомольские газеты (включая воронежские «Молодой коммунар» и «Будь готов»), кроме «Комсомольской правды» и «Смены» (Ленинград). Была уменьшена сеть ведомственных и научных журналов: их содержание тоже перестраивалось на военный лад. Сократились тиражи, периодичность и объем этих изданий. Республиканские, краевые, областные газеты стали выходить пять раз в неделю на двух полосах, районки – еженедельно на двух полосах малого формата. Перед редакциями была поставлена задача по экономии газетной площади, в связи с чем стала использоваться более плотная верстка текста.

В результате проведенных мер к 1942 году в стране осталось 4 560 газет (в 1940 году их было около 9 000) с общим тиражом 18 млн экз. (было 38 млн).

Закрывались и литературные журналы. Так, в 1941 году прекратился выход «Молодой гвардии», «Литературного Воронежа», «Сибирских огней», «На рубеже», «30 дней», в 1942-м исчезла «Красная новь», а в 1943-м – «Интернациональная литература».

В таких условиях художественные тексты стали перемещаться на страницы центральных партийных и военных газет. Отныне здесь печатаются не только корреспонденции и очерки, но и пьесы и рассказы, повести и романы, стихи и поэмы… В «Правде» почти одновременно публикуются поэмы В. Инбер «Пулковский меридиан» и А. Твардовского «Василий Теркин» (1942–1943), пьесы А. Корнейчука «Фронт» и К. Симонова «Русские люди» (1942), поэма «Киров с нами» и «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, повести «Непокоренные», «Письма к товарищу» и «Алексей Куликов, боец» Б. Горбатова (1942), «Они сражались за Родину» М. Шолохова (1943), «Взятие Великошумска» Л. Леонова (1944). «Известия» печатают

повесть В. Василевской «Радуга», а «Комсомольская правда» – роман «Молодая гвардия» А. Фадеева, и это, разумеется, далеко не полный перечень крупных художественных произведений, появившихся в годы Великой Отечественной войны на страницах газет. Кроме того, центральные газеты, получив в свое распоряжение в качестве военкоров множество профессиональных поэтов, в трижды большем количестве, чем до войны, публикуют стихи.

Все эти публикации выполняли важную задачу. Люди на фронте и в тылу, работавшие на спасение страны, нуждались в нравственной поддержке и в создании некого смыслового пространства, благодаря которому переносимые ими страдания получили бы объяснение. Такие смысловые пространства в сознании общества всегда формировали кино и литература. Однако, несмотря на невероятную популярность кино в годы войны, эстетически ведущую роль в данный период всё же заняла литература. Это вполне объяснимо: в отличие от кино, симфонической музыки или оперы для создания и восприятия художественных текстов не требовалось значительной материальной базы (стихи же на войне и вовсе писались буквально «на коленке»).

С другой стороны, в военных условиях произошло коренное изменение самой организации творческого процесса в редакциях, что заметно укрупнило статус художественного текста. Опубликованное, скажем в «Правде», литературное произведение могло приобрести не только пропагандистский и образцово-нормативный, но и установочный характер. Самый яркий пример тому – пьеса Александра Корнейчука «Фронт». Опубликованная в «Правде» 24–27 августа 1942 года, в наиболее критический момент войны, эта пьеса знаменовала новую политику власти по отношению к «военным кадрам». Конфликт между генералами Огневым и Горловым во «Фронте» отражал поворот, происшедший на вершине власти. И об этом повороте население было извещено посредством пьесы А. Корнейчука и в виде интерпретации пьесы в специальной «искусствоведческой» редакционной статье «Правды» за 29 сентября 1942 года «О пьесе Александра Корнейчука “Фронт”».

ПРАВДА

Александр КОРНЕЙЧУК

ФРОНТ

ПЬЕСА

Александр Корнейчук со своей второй женой Вандой Василевской осенью 1941 года побывал в Воронеже; публикация пьесы «Фронт» в «Правде»

Кстати, в истории создания этой пьесы есть и воронежский след. А. Корнейчук приехал в наш город накануне октябрьского парада 1941 года, проводимого в Воронеже командованием Юго-Западного фронта. Вскоре после этого драматург начал работать над пьесой. Как отмечает современный воронежский исследователь, «мои земляки могут гордиться, что в нашем городе… был задуман и начат знаменитый “Фронт” А. Корнейчука – он вошел в золотой фонд отечественной драматургии. Это поистине уникальный случай прямого вторжения литературы в стратегические военные сферы»[6]. Любопытно, что, по одной из версий, ситуация, описанная Корнейчуком в этой пьесе (командарма назначают на место командующего фронтом, отстраненного от должности по неспособности), имеет сугубо воронежскую историческую основу. Именно под Воронежем 25 июля 1942 года командир 18-го танкового корпуса генерал-майор И. Черняховский принял командование войсками 60-й армии, в которую входил его корпус. До этого во главе армии стоял генерал-лейтенант М. Антонюк – опытный военный,

начавший службу еще в Первую мировую. В годы Гражданской войны он командовал полком, стрелковой бригадой, в межвоенный период вырос до командующего войсками Сибирского военного округа, а в 1940 году стал начальником пехоты Красной армии, заместителем генерал-инспектора пехоты РККА. А вот с началом Великой Отечественной войны в должности командарма действовал неудачно.

Не складывались у него отношения и с Черняховским, который был моложе на 11 лет. Антонюк ходатайствовал перед вышестоящим командованием о снятии командира танкового корпуса с должности. Но получилось наоборот…

С началом войны вместо закрытых специализированных газет и журналов были созданы новые – сугубо военные – издания. Их флагманом на протяжении всего военного времени оставалась ежедневная общественно-политическая газета «Красная звезда», издаваемая Наркоматом обороны с 1924 года. С 11 декабря 1941 года и до конца войны она выходила под лозунгом «Смерть немецким оккупантам!». В редакции «Красной звезды» в тот период работали К. Симонов, А. Сурков, В. Гроссман, П. Павленко, Б. Лапин, сотрудничали с газетой М. Шолохов, И. Эренбург, А. Платонов, А. Толстой, В. Вишневский, Н. Тихонов и др. Семнадцать корреспондентов газеты погибли на фронте, выполняя редакционные задания[7].

Публикации «Красной звезды» имели установочное значение в разработке и освещении важнейших вопросов тактики и стратегии военных действий, оперативного искусства, использования родов войск в ходе войны, в вооружении боевым опытом офицерских кадров, их политическом воспитании и идейной закалке.

Помимо «Красной звезды» была сформирована целая сеть военных газет, которые подразделялись в соответствии со структурой воинских подразделений на фронтовые, корпусные, бригадные, армейские и дивизионные. Уже к 1942 году издавалось 4 центральных, 13 фронтовых, 93 корпусных и армейских, 600 дивизионных и бригадных газет. Общий тираж такой прессы составлял более 3 млн экземпляров. Фронтовые газеты имели четыре полосы малого фор-

мата, бригадные, армейские и дивизионные – две. 64 военные газеты выходили на языках народов СССР. На восьми языках издавалась газета 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец», на семи языках – газета 3-го Украинского фронта «Советский воин».

Сеть военных изданий включала самый популярный массовый журнал «Красноармеец» с тиражом 250 000 экземпляров; издания для отдельных родов войск: «Артиллерийский журнал», «Военно-инженерный журнал», «Журнал автобронетанковых войск», «Связь Красной армии», а также журналы: общественно-политический – «Война и рабочий класс», литературно-художественный – «Фронтовая иллюстрация», сатирические – «Фронтовой юмор» (Западный фронт), «Сквозняк» (Карельский фронт), сюда же входила и некоторое время издававшаяся в Воронеже «Громилка» (Юго-Западный фронт)[8]…

Коренное изменение структуры печати в военный период требовало качественного кадрового наполнения. Вот почему более 1000 советских писателей стали военкорами на фронте. Половина из них была награждена боевыми орденами, 16 человек получили звание Героя Советского Союза[9], 275 (каждый четвертый) – погибли.

«Сражающая литература» – такова была официальная формула, определившая характер всей художественной публицистики периода войны. Объективности ради стоит упомянуть, что подобным образом советская литература позиционировала себя задолго до 1941 года. Так, еще в 1934 году, на Первом съезде писателей, поэт Алексей Сурков с трибуны мечтательно говорил о времени, «когда стихи со страниц толстого журнала должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек»[10].

Когда же такое время пришло, то неожиданно остро встал вопрос о «долговечности» написанного писателями в дни сражений.

* * *

Рассуждать о войне всегда сложно. Война с ее жестокостью и насилием выходит за рамки рационального мышления. Она иррациональна, несмотря на все политические и стратегические цели. Война делает человека объектом, обычной мишенью, подвергаемой

если не убийству, то манипуляции, жертвой не только государственной пропаганды, но и собственных эмоций, которые в определенной степени тоже могут быть внушенными. Значит, если хочешь говорить о войне, надо подчинять требованиям рациональности то, что находится за ее пределами.

Как мы знаем со школьной скамьи, поведение человека на войне – одна из глобальных тем отечественной классики. Русской литературной традиции известны описания неконтролируемых чувств страха и растерянности солдата на поле боя – в первую очередь в «Севастопольских рассказах» Льва Толстого и отчасти в прозе Всеволода Гаршина. Бессмысленная жестокость и разгул животных инстинктов во время Гражданской войны стали предметом изображения и эстетического анализа в прозе Артема Веселого, Исаака Бабеля, Бориса Пильняка, воронежцев Владимира Бахметьева и Августа Явича. Вот и для авторов, писавших в годы Великой Отечественной войны, едва ли не самое большое значение приобрело отражение того нового самоощущения, которое появилось у человека именно на этой войне. Подобный интерес обнажал связь авторов не только с властью (что было обычно для советской истории), но и массами. В результате произошло «очеловечивание» художественного творчества, появление новой миссии советской литературы, адекватной военной реальности.

И эта реальность смогла преобразовать даже старые лозунги и положения. Так, к примеру, когда И. Эренбург берется рассуждать о природе фронтовой публицистики, то начинает повторять традиционные и идеологически выверенные установки партийной литературы о том, что «писатель – это не человек, занимающий должность, а творец и учитель», что он «не репродуктор, и за книгой всегда стоит живой человек», что «писатель должен всей своей жизнью отвечать за написанное», что «писатели не хористы», что «писатель, не понимающий своей ответственности перед народом, это – недоросль» и что «наш долг не только отображать – рождать отображение, не только описывать – предписывать»[11]. Но в условиях войны это уже не звучит как политическая пропаганда, потому что все эти слова вдруг обрели совершенно иное значение.

В этой связи знаковым представляется спор о «долговечности» написанного в годы войны. В нем едва ли не впервые отразилась новая проекция времени, поскольку советская литература всегда знала ответ на вопрос о своем предназначении: она творилась для вечности, и потому всё, что ею создавалась, проходило по разряду «советской классики». И вдруг – критерий вечности перестает быть актуальным, уступая это право сугубо публицистической сиюминутной правде жизни. В такой ситуации появились авторы, доказывающие, что создаваемое сейчас – это всего лишь агитационная публицистика, она нужна, но она – не вполне литература, она неполноценна и отойдет вместе с войной, а для создания «Войны и мира» нужна дистанция. Их оппоненты, напротив, были убеждены, что продолжается создание «советской классики», что эпическая литература (иными словами, «Война и мир») создается уже сегодня, а все написанное во время войны войдет в «золотой фонд» советской литературы.

Самым яростным сторонником первой точки зрения был все тот же Илья Эренбург. «Пусть строки, написанные сейчас, будут забыты через день или через год, не забудется то, ради чего они написаны, – размышлял он в перерыве между сочинением фронтовых корреспонденций. – Если в дни войны мы и не создадим литературы, мы ее отстоим… Могут сказать: где же те прекрасные и нетленные книги, которые покажут потомкам нашу эпопею?.. Великие книги о великой войне будут написаны потом… Разглядывая большое полотно, мы отходим от него на несколько шагов. Эпопея требует отдаления, а это отдаление несовместимо с ритмом войны… Да, перед нами не бессмертные тома, не мрамор – скорее, воск: живой голос писателя»[12].

Эренбургу активно возражали. «Многое ли выживет из созданного во время войны? Вопрос не только праздный, но и вредный. Советские писатели думают не об этом… Раньше говорили, что “пафос дистанции” нужен писателям, чтобы иметь возможность издали охватить все значение великих событий. Советские писатели доказали, что эту дистанцию можно сократить до минимума. Они создают значительные произведения в ходе самих событий и по горячим сле-

Фронтовой корреспондент Илья Эренбург

И. Эренбург (спиной) в гостях у генерала И. Черняховского. Воронежский фронт. Зима 1942 года

дам»[13]. Еще определенней выразил эту позицию «главный маяковед» (специалист по творчеству В. Маяковского) страны, литературный критик Виктор Перцов: «Мы не удобрение, мы – почва, на которой взойдет хлеб для трудного настоящего и для счастливого будущего нашего народа и человечества. Есть вещи, которые никто не скажет лучше нас на этой войне. Есть вещи, которые, кроме нас, никем не могут быть сказаны и, стало быть, без нас они не будут существовать в искусстве. Они нужны сегодня для победы и будут нужны завтра, всегда, как неизгладимая память о ней в столетиях». «Эренбург ошибается, – заключал В. Перцов. – Художественные произведения, написанные для войны, не обесцениваются, и в том числе не обесцениваются настоящие агитационные стихи… Отечественная война – рост искусства, а не его упадок»[14].

Сам характер подобного спора свидетельствует о той роли, которую играли газеты военного времени и в жизнях конкретных писателей, и в судьбе всей советской литературы и публицистики. Недаром, подводя итог дискуссии, Алексей Сурков указал, что именно война «учила и научила определенную группу людей от литературы, попавших в армейскую, фронтовую печать, реалистическому отношению к событиям, реалистическому отношению к тому, что происходит каждый день там, где история делает свои основные шаги». Более того, подчеркивал автор культовой военной песни «В землянке», «война научила нас говорить тогда, когда это нужно и когда это вызвано са-

А. Сурков в редакции газеты «Красноармейская правда». Западный фронт. Сентябрь 1941 года

мим характером развивающейся борьбы, прямо и жестко». Именно это, по его мнению, и является «основным выношенным, выстраданным тезисом». И, наконец, главное признание: «До войны, – свидетельствовал А. Сурков, – редко кто из нас мог себе представить, что людям, носящим на пилотке или на фуражке красную звезду, можно сказать, что не все они герои, что есть среди них трусы. Война научила нас тому, что людям, которые очень часто обливались кровью, своими жизнями загораживая дорогу на восток, можно и должно прямо и в лоб говорить о старухах, женщинах, ребятах, которые провожают их молчаливо, провожают их, уходящих на восток, скорбными и негодующими взглядами. Война научила нас реалистическому отношению к тому, что происходит в жизни, и тем открыла нам путь к сердцу читателя»[15]. Перед лицом смертельной опасности, вторил ему в 1943 году К. Симонов, «готовясь умирать, навек забыли мы, как лгать»[16].

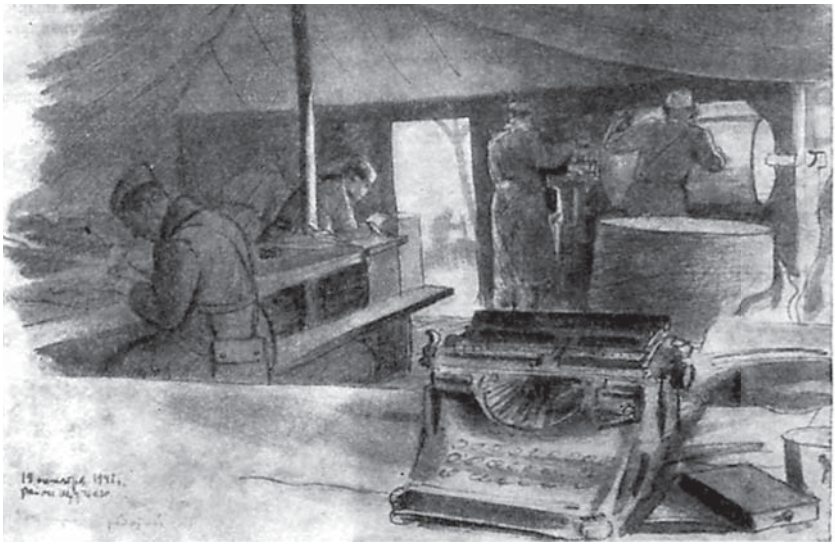
Естественно, что при такой эмоциональной мотивации оставались востребованными и профессиональные навыки: корреспондент должен узнавать о событиях первым, не придумывать их, а проживать эти события вместе с солдатами.

Ответственный редактор газеты «Красная звезда» в 1941–1943 годах генерал Д. Ортенберг вспоминал: «В редакции ревниво относились к тому, как ведет себя писатель, журналист на фронте. Нам не безразлично было, из каких материалов делается газета. Она должна была дышать боем. А чудес, как известно, не бывает. Материал из третьих рук – не материал. Нужно было отправиться на линию огня и писать то, что видишь своими глазами. Это понимали наши писатели, наши журналисты. Они понимали, что газету надо делать чистыми руками. Чтобы иметь моральное право поставить над своими очерками и корреспонденциями заголовки “Ни шагу назад”, “Смерть или победа”, чтобы звать людей к самопожертвованию, надо жить одной жизнью с солдатами, делить с ними невзгоды и опасности»[17].

Столь высокие этические требования к профессии позволяли выносить на страницы газет всё: горечь поражений в начале войны, первые успехи на фронтах, битвы за Москву, Одессу, Ленинград,

Севастополь, Воронеж, Сталинград, прорыв блокады, продвижение советской армии на запад, штурм Берлина. Военные очерки, дневниковые записи в той же «Красной звезде» скрупулезно фиксировали путь советских войск к Победе: трагические заголовки первых двух лет – «Москве угрожает враг» (А. Н. Толстой), «Школа ненависти» (Борис Полевой), «За каждую пядь земли» (Ю. Яновский), «Небо Сталинграда» (Борис Полевой), «Ленинград в боях» (В. Вишневский) – меняли свою тональность: «Наступление продолжается» (И. Эренбург), «Чувство движения» (Б. Горбатов), «На берегу Черного моря» (В. Кожевников), «В Северной Норвегии» (Г. Фиш), «Уличные бои в Берлине» (В. Вишневский)…

При этом будем помнить, что для писателя, ставшего в одночасье корреспондентом, ломался привычный ритм жизни. Автор текстов тоже оказывался в сложной ситуации: война ведь меняет



Редакция за работой. Рисунок (тушь, перо) Ю. Ворогушина – художника газеты 64-й армии «За Родину». Сталинградский фронт, район Щучьего. Октябрь 1942 года

всё и всех. Ученик М. Горького Василий Ряховский, в годы войны работавший в газете «Красный черноморец», вспоминал об этом так: «Писатель на фронте делал все, за исключением своего писательского дела, составлял газету, правил материалы, ходил или ездил за информацией в три строки, дежурил ночи в типографии, до потемнения в глазах читая гранки и полосы, ходил на кораблях в походы, летал на боевых самолетах, сутками выдерживал огневые и воздушные налеты врага, притаясь вместе с бойцами в окопе или полуобсыпавшемся блиндаже. Свои газетные – надо подчеркнуть – газетные, то есть глубоко оперативные, рассказы, очерки, стихи и заметки он писал на коленке, у капонира самолета под дождем и снегом, в укрытии возле башни корабельного орудия. Писал, твердо зная, что каждая его строка завтра будет читаться бойцами, будет заряжать волей к победе, будет звать их вперед»[18].

Отчасти по этой причине подавляющее большинство публицистических текстов периода Великой Отечественной войны можно отнести к жанру «исповедальной» прозы, ибо авторы их старались честно рассказать о том, чему были свидетелями. Сегодня все вместе эти «исповедально»-публицистические заметки, очерки, статьи составляют панораму эпохи – пристрастную и одновременно объективную, дробную в своей тематике и при том объемную. И в то же время тексты военной публицистики можно отнести и к документальной литературе: ибо жанры публицистики не позволяют фантазировать; они точны в своем восприятии и вполне естественно могут считаться документом.

Этот двойной эффект восприятия достигается, по словам И. Эренбурга, потому, что «война не допускает нюансов, она построена на белом и на черном, на подвижничестве и на преступлении, на отваге и на трусости, на самозабвении и на подлости. Тот, кто вздумал бы усложнять психологию врага, выбил бы винтовку из рук своего защитника»[19].

Что ж, вряд ли кто-либо точнее понимал и формулировал культуру войны, эстетику батальной публицистики, чем данный автор. При этом Илья Эренбург оставался одним из немногих писателей, осознанно творивших и военную поэтику.

«Война – это исключительное состояние и народов, и каждого отдельного человека, – писал он. – Это исступление, накал ненависти и самозабвения. Война не только рассекла пополам судьбу каждого, она не только изменила одежду или образ жизни миллионов, она переплавила сердце человека. Война без ненависти безнравственна, как сожительство без любви. Говоря “исступление”, я не думаю, конечно, об истерике, об аффектации. Я только хочу еще раз напомнить, что истребление врага – это нечто исключительное. Когда мысль, чувства, воля сосредоточены на одном на уничтожении, тогда меняется и природа сердца. Снайперу нужна выдержка, хладнокровие, но чтобы стать снайпером, чтобы считать убитых немцев, помечая в книжке “67 фрицев”, для этого необходимо исступление. Когда война становится бытом, она разлагается, умирает. В этом приговор бытовикам, которые хотят описывать войну, как успехи ударника или свадьбу в колхозе. Война требует не столько, чтобы ее описывали, сколько, чтобы ее поддерживали: долг писателя – раздувать огонь негодования, тревоги, жертвенности»[20]…

Эти слова имеют универсальный методологический характер и могли бы быть взяты за образец журналистами любой из воюющих сторон в любое военное время.

* * *

История воронежской печати периода Великой Отечественной войны исследована достаточно полно. Дабы убедиться в этом, можно вспомнить серию очерков «Перо и штык» известного знатока провинциальной культуры Олега Ласунского в его книге «Волшебное зерцало» (1981) или сборник «Не пожалевши молодость свою…» (1995) профессора факультета журналистики ВГУ Георгия Антюхина (он же является и автором учебника «Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области. 1917–1945» [1976], где указанному периоду посвящен самостоятельный раздел). В этих работах не только описаны структура и тематика воронежской «Коммуны» в военные годы, но и подробно рассказано об эвакуации в наш город целого ряда украинских изданий и, соответственно, ве-

Здание Воронежского музыкального колледжа имени Ростроповичей, где в годы войны размещалась редакция фронтовой газеты «Красная армия», и мемориальная доска, посвященная ее сотруднику Александру Твардовскому

дущих «письменников» этой советской республики; о пребывании в Воронеже белорусского литературного десанта; о размещении в столице Черноземья одной из лучших фронтовых газет страны – «Красной армии», где ведущую роль играл знаменитый автор «Василия Теркина» Александр Твардовский…

Однако до сих пор вне обсуждений оставалась связь воронежской военной публицистики с культурно-историческими переживаниями страны и края и, как следствие, отражение в текстах региональных авторов-фронтовиков травматического излома массового сознания под воздействием нашествия врага.

Между тем исследования подобных рефлексий представляются важными, поскольку они позволяют максимально точно зафиксировать новый тип переживаний, с которым столкнулись на войне советские граждане, и публицистическое отображение его в текстах непосредственных участников событий.

К таковым относятся и воронежские литераторы, оказавшиеся в действующей армии на различных журналистских должностях. Так, корреспондентами фронтовых газеты были Борис Песков и Семен Борзунов, в армейских газетах служили Николай Романовский, Михаил Аметистов и Ольга Кожухова, редактором дивизионной газеты состоял Петр Прудковский, там же, в дивизионной печати, работали или сотрудничали с ней Алексей Шубин, Григорий Рыжманов, Михаил Домогацких, корреспондентами военных газет стали политруки Митрофан Умывакин и Иван Сидельников… Наконец, на полях сражений набирали материалы для будущих художественных и публицистических текстов Юрий Гончаров, Валентин Ющенко, Федор Волохов, Всеволод Климов, Владимир Евтушенко, а также профессора ВГУ, создатели факультета журналистики Борис Кривенко, Горислав Колосов, Георгий Антюхин, их коллеги с университетского филфака Анатолий Абрамов, Яков Гудошников, Борис Удодов…

Их военные тексты или послевоенные воспоминания содержат попытку осмысления того катастрофического опыта, в котором оказались и страна в целом, и каждый ее гражданин в отдельности. Да, во многом этот опыт приобретался под воздействием пропагандистской установки, что все страдания, принесенные войной, оправданы или, во всяком случае, оплачены грядущей победой. Но все те лозунги отвечали искренним убеждениям огромного количества людей: им хотелось верить, что их и чужие муки заранее оправданы будущим торжеством справедливости и возмездия.

«Да, мы из Воронежа, – читаем во фронтовой корреспонденции Михаила Аметистова. – Из старинного русского Воронежа, ещё в давние времена ставшего форпостом против врагов земли русской. Как и тогда враги не могли пройти дальше Воронежа, так и сейчас наш вековечный враг немец дальше не прошёл!

Эта картина заслуженного художника УССР Давида Шостака (1923–2010) имеет длинное название – «Товарищи по оружию. Осень 1941 года, Воронеж». На ней изображены белорусские, украинские и русские литераторы, работавшие в нашем городе в первую военную осень: (слева направо) К. Крапива, А. Корнейчук, А. Довженко, П. Бровка, В. Василевская, Е. Долматовский, М. Бажан, Л. Первомайский и А. Твардовский. Ноты на доске – свидетельство того, что действие картины происходит в музыкальном училище. Написана она в 1982 году. В марте 2020 года была продана на аукционе за 9 548 гривен (приблизительно 25 тысяч рублей)

Когда проклятые немцы топтали воронежский асфальт, мы были далеко, на другом участке фронта. Болью отзывались в наших сердцах несчастия родного города. Ненавистью наполняли наши сердца рассказы о муках земляков, об осквернении нашего прекрасного города.

Родной Воронеж! Мы уходили на призывные пункты мимо изумительных по красоте домов, по зеленым проспектам, мы уезжали на фронт в эшелонах, оставляя в дымке синего тумана громады зда-

ний, трубы заводов социалистического Воронежа. Таким мы помним тебя. Таким сохраняем в сердцах. Таким ты предстаешь перед нами в минуты тихих бесед у фронтового костра.

Ты не таков сейчас. Разрушенный варварами, израненный, измученный… Но тем крепче наша любовь к тебе, к твоим ранам и мукам. Тем тверже наша решимость полной мерой воздать врагу. За всё, за всё мы квитаемся с ним: за убийства детей в Пионерском саду, за ужасы Песчаного лога, за село Сторожевое, дотла спаленное немцами, за руины Коротояка.

И нет предела нашей ненависти!»

Тема ненависти к немцам во многом определяла пафос военной журналистики первой половины Великой Отечественной. Герой напечатанного в дивизионной газете рассказа воронежского писателя Алексея Шубина старый дед Гарнизон – «гневом зашелся». «Поднялся, прикладом оземь стукнул. И от гнева почувствовал в себе решимость и силу. Шагнул к мертвому бойцу и, как у живого, спросил:

– Покажь, товарищ, подсумок – патроны-то есть еще?

Патронов по точному подсчету нашлось в подсумках и в карманах сорок три штуки».

С таким нехитрым запасом герой рассказа А. Шубина начинает держать оборону родного села, побеждая врага исключительно за счет ненависти.

Однако к концу войны в текстах писателей-фронтовиков появились иные акценты. Как записал 12 июня 1944 года редактор журнала «Знамя» Всеволод Вишневский, «мы, писатели, в 1941–1942 годах дали народу чудовищный заряд ненависти к врагу… Но у нас есть уже предощущение гуманистическое… Конец войны, мир будет ознаменован не истреблением, не призывом “Убей его!”, а мудрым практицизмом и гуманностью»[21].

Это строки из дневника писателя-воина, который тот вел все военные годы. Вообще, фронтовые дневники – уникальный жанр. Официально на войне их вести было запрещено, но тем не менее такие дневники были практически у всех литераторов. Ежедневно туда заносились записи для очередных очерков и корреспонденций,

равно как для будущих произведений. По свидетельству военного корреспондента воронежца Семена Борзунова, «в суровые годы войны не было на фронте военного журналиста, который не вел бы записок просто так, “для себя”, на всякий случай. Был и у меня блокнот. Потертый и повидавший виды, испещренный беглыми карандашными пометками, он сохранился по сей день».

Эти полулегальные записки выполняли огромную роль – фиксировали психологическую правду о человеке на войне. Вот, к примеру, портрет воина из сохранившихся записей погибшего на фронте воронежского писателя Бориса Пескова:

«Убит Пятин – командир второго батальона, человек яркой индивидуальности… Нежно-розовое маленькое лицо капризного мальчика-баловня, длинные женские ресницы сероватых веселых глаз. Низенькая, плотная, подвижная фигура, своя особенная походка, своя особенная манера держать голову и торс, туго перехваченный командирскими ремнями. Голос резкий, властный, с подчиненными строг, с начальством находчив, самостоятелен, упрям… Война теперь – его профессия. Он хорошо знал свои обязанности и выполнял их спокойно и уверенно, как стахановец на производстве.

Он не отличался безрассудной храбростью. Наоборот, был очень осторожен… Говорил:

– Кто со мной пойдет – не пропадет. Держись около…

Ему 31 год и трое детей было у него».

Однако ценны фронтовые дневники не только набросками портретов сражающихся и погибающих воинов. У этого уникального вида публицистического жанра была и другая миссия. Фронтовые дневники отразили процесс радикальной переоценки всей жизни общества. Новые ощущения авторов записей, как и сама кардинально изменившаяся структура повседневной реальности, дали толчок к поиску неизвестных доселе смыслов человеческого существования, подтолкнули к размышлениям, в которых в довоенный период не было необходимости.

Вот, к примеру, строки из дневника медсестры, воронежской писательницы Ольги Кожуховой:

«Я гляжу в лицо солдата, понимая и не понимая, что с ним произошло. Понимаю, что умирает, что умер у меня на глазах, но не могу этого постигнуть: как? Зачем? Почему? Что случилось в его распростертом обессиленном теле, отчего перестали двигаться легкие, перестало работать сердце? Почему не помогла операция, не подействовала введенная мною камфара, кислород, перелитая кровь?

Остановившимся взглядом я смотрю и смотрю на серое обескровленное лицо с бесцветными бровями, с рыжеватыми, давно не стриженными прядями волос на висках. И вдруг вижу – лицо, шея, грудь солдата внезапно будто бы зашевелились.

Точно какая-то серая пленка задвигалась у него на щеках, на губах, на веках, на лбу, на бровях.

Я в ужасе оглянулась… Может, это лампочка к утру ослабела накалом, или глаза мои от усталости уже ничего не разбирают… Что это такое на нем?!

И тут меня осенило: да это же вши! Целые полчища вшей покидали остывающий труп, тянулись к живому телу от мертвого… Как же, как же! Живое – к живому…

Я вскочила и бросилась на мороз, заплясала, отряхиваясь…».

Вряд ли можно представить подобные сюжеты в довоенных текстах. В годы же Великой Отечественной они фиксировались со скрупулезностью летописца в дневниках сотен литераторов, познавших фронтовые будни. Вот почему столь актуальным был призыв Константина Симонова – «что касается писателей, то, по моему мнению, сразу же как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Что бы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили читатели, все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они сделали на войне за войну, окажутся именно их дневники»[22].

В этом выпуске «Бюллетеня…», помимо фронтовых корреспонденций (М. Аметистов, М. Умывакин), мемуарных очерков (И. Сидельников, С. Борзунов, Б. Кривенко) и страниц из дневников (Б. Песков, Н. Романовский, О. Кожухова), представлены и военные рассказы писателей-фронтовиков. Фронтовая юмористи-

Воронеж. Проспект Революции. Военный корреспондент снимает руины освобожденного города. Январь 1942 года

ческая проза Алексея Шубина (его сборники издавались массовыми тиражами и отправлялись непосредственно в окопы для поддержания духа бойцов), ностальгическое рандеву с самим собой в рассказе Петра Прудковского о сражении за город, где прошло детство писателя и, наконец, фрагмент из военно-приключенческой повести будущего известного журналиста-международника Михаила Домогацких. Присутствие этих текстов в сборнике неслучайно. Публицистический дух, которым все три автора наделяли свои произведения, приближает их литературную основу к документальной прозе.

«Утром мы зарыли в братской могиле то, что осталось от товарищей...

И опять мы пошли на восток. Нас осталось двадцать девять человек.

Мы шли несколько часов без отдыха, не думая о еде и почти не сознавая, куда ведут нас ноги. Только опыт помогал почти механически двигаться на восток, навстречу солнцу.

Мы напились из прозрачного лесного ручейка, умыли обожженные, потрескавшиеся лица. Холодная вода сняла оцепенение, и мы почувствовали, что дальше идти невозможно. Нервное напряжение спало, и организм отказывался подчиняться рассудку. Через силу доели мы последние остатки жесткой, крепко соленой лошадиной шкуры, не чувствуя ни запаха, ни вкуса, запили холодной водой и, измученные, повалились спать.

Сон освежил и подкрепил нас. Надо было начинать новый этап. Жизнь требовала своего». (Михаил Домогацких. «Повесть о десантниках»).

…Почему-то считается, что публицистика быстро устаревает: газетные и журнальные статьи вообще живут в другом времени. Но фронтовые корреспонденции, очерки военных газет и мемуарная публицистика о тех годах выдержали испытание временем. Потому что публицистическая летопись войны углубляет понимание истории. И еще потому, что благодаря авторам-фронтовикам наше знание о прошедшем времени окрашено пафосом героической борьбы всего советского народа: и тех, кто был на фронте, и тех, кто был в тылу.

И, конечно, тех, кто старался рассказать об этом по горячим следам.

В 1966 году, открывая двухтомник «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны», выпущенный Академией наук СССР, писатели-фронтовики К. Симонов, А. Сурков и Н. Тихонов обратились к читателям со следующими словами: «Разумеется, сейчас, через двадцать лет после окончания войны, через десять лет после XX съезда партии, мы на многое смотрим другими глазами, чем тогда, во время войны, и о многом в состоянии написать глубже, шире, исторически справедливее. Но это не уменьшает, а, наоборот, увеличивает ценность искренних свидетельств того времени с их сумятицей первых непосредственных впечатлений, с их невольными преувеличениями и приуменьшениями и даже заблуждениями и с их – и

это самое главное – верой в народ, в армию, в партию коммунистов, в непременную, несмотря ни на что, победу над фашизмом»[23]…

Прошло еще 55 лет. Много чего случилось за это время. И, конечно, о той войне сегодня можно написать еще «глубже, шире, исторически справедливее». Но это уже тема другого сборника.

А в этом сборнике мы тоже решили собрать «искренние свидетельства того времени», оставленные потомкам журналистами и писателями нашего города, прошедшими военные дороги. Пусть, собранные под одной обложкой, они расскажут современному читателю о той страшной реальности, в которой однажды едва не погибла наша страна.

Да и весь остальной мир – тоже едва уцелел.

---

[1] *Эренбург Илья.* Слово-оружие // Новый мир. 1944. № 1–2. С. 212.

[2] Усилить партийно-политическую работу (Передовая) // Пропагандист. 1941. № 17. С. 1.

[3] *Щербаков А.* О некоторых задачах пропагандистской работы // Пропаганда. 1942. № 1. С. 11.

[4] *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть : Воспоминания : в 4 кн. Кн. 2. М., 1999. С. 41.

[5] Русская журналистика в документах : история надзора / [сост. О. Д. Минаева] ; под ред. Б. И. Есина, Я. Н. Засурского. М. : Аспект Пресс, 2003. С. 342.

[6] *Ласунский О.* Волшебное зерцало : Разыскания. Исследования. Этюды. Воронеж, 1981. С. 85.

[7] В годы Великой Отечественной войны погибли сотрудники «Красной звезды» А. М. Анохин, К. Я. Бельхин, М. С. Бернштейн, Л. В. Вилкомир, Л. Р. Иш, П. Т. Крылов, Б. М. Лапин, П. М. Олендер, Е. П. Петров, А. Ф. Поляков, М. К. Розенфельд, С. Т. Сапиго, Я. Х. Сиславский, А. Я. Слуцкий, Л. М. Фокерман (Лось), З. Л. Харцевин, А. М. Шуэр (Огин).

[8] Подробнее о фронтовой печати см.: *Коган А., Цейтлин М.* Писатели во фронтовой печати (1941–1945) // История русской советской литературы. М., 1961 ; «В редакцию не вернулся…». М., 1964 ; Журналисты на войне. М., 1966 ; Литературное наследство. Т. 78, кн. 1–2. М., 1966.

[9] Героями Советского Союза стали литераторы Хусен Андрухаев, Сергей Борзенко, Антон Бринский, Петр Вершигора, Малик Габдуллин, Генрих Гофман, Иван Зайцев (Рачада), Муса Залилов (Джалиль), Григорий Збанацкий, Владимир Карпов, Борис Котов, Ирина Левченко, Григорий Линьков, Дмитрий Медведев, Борис Тихомиров, Яков Чапичев.

[10] Первый Всесоюзный съезд советских писателей Стенографический отчет. М., 1934. С. 515.

[11] *Эренбург И.* Слово – оружие // Новый мир, 1944. № 1–2. С. 211.

[12] *Эренбург И.* Слово – оружие // Новый мир. 1944. № 1–2. С. 212.

[13] *Аникст А.* Наша литература // Знамя. 1945. № 4. С. 124.

[14] *Перцов В.* Писатель и его герой в дни войны. Статья первая // Октябрь. 1943. № 6–7. С. 196.

[15] *Сурков А.* Творческий отчет на заседании военной комиссии Союза советах писателей 12 июля 1943 года // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 1. М., 1966. С. 331–342.

[16] *Симонов К. М.* Собр. соч. : в 3 т. М., 1952. Т. 1. С. 91.

[17] *Ортенберг Д. И.* Доблесть // Литературное наследство. Т. 78, кн. 1–2. Кн. 1. М., 1966. С. 276.

[18] Цит. по кн.: Президентская историческая библиотека. 1941–1945. Победа. V. Публицистика. М., 2020. С. 14–15.

[19] *Эренбург И.* Долг писателя // Новый мир. 1943. № 9. С. 114.

[20] *Эренбург И.* Коричневая вошь // Эренбург И. Война (июнь 1941 – апрель 1942). М., 1942. С. 33.

[21] *Вишневский Вс.* Собр. соч. : в 6 т. М., 1958. Т. 4. С. 586–587.

[22] *Симонов К. М.* Собр. соч. : в 11 т. М., 1982. Т. 8. С. 5.

[23] *Симонов К., Сурков А., Тихонов Н.* Предисловие // Литературное наследство. Т. 78, кн. 1–2. Кн. 1. М., 1966. С. 8.

ПОРТРЕТ
НА ФОНЕ ГАЗЕТЫ

Борис Песков

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

ПЕСКОВ
Борис Глебович
(16.8.1909, Тамбов – 16.9.1944, близ местечка Тырва, Эстония)

Прозаик, очеркист. Из рабочей семьи. В Воронеже с 1929 года. Преподавал в железнодорожной школе № 1. Окончил литературное отделение Воронежского государственного пединститута (1932).

В 1931 году были опубликованы первые его рассказы. Печатать их взялись некоторые воронежские газеты, а также журнал «Подъем», в котором Песков работал после окончания института. В 1934 году его произведения были включены в воронежский «Альманах молодых писателей». Спустя два года там же, в Воронеже, была издана первая книга его рассказов.

Работал в газетах «Будь готов!» и «Молодой коммунар», где некоторое время был ответственным секретарем. В июле 1937 года подвергся идеологической проработке, был исключен из ВЛКСМ и Союза советских писателей. Два года жил в сельской местности. В 1940 году идеологические обвинения с него были сняты. Работал директором писательского Дома творчества (усадьба «Эртелево» близ станции Графская Ю.-В.ж.д). Помимо воронежского журна-

ла «Подъем», печатался в столичных изданиях «Красная новь» и «30 дней». Автор вышедших до войны книг «Страсть» (1933, 1935), «Рассказы» (1936) и «Сердце бьется» (1941).

Осенью 1941-го Б. Г. Пескова призвали в действующую армию. Сначала он служил солдатом-пехотинцем, затем был направлен в армейскую газету в качестве военного корреспондента. На фронте продолжал заниматься литературным творчеством. Свои произведения отправлял в Воронеж, где в 1943 году вышла в свет очередная его книга «Из фронтового дневника». Впечатления, полученные на войне, стали основой задуманного им романа «Грудь четвёртого человека», который он не успел завершить.

16 сентября 1944 года в Эстонии, выполняя очередное задание редакции, Борис Песков погиб. Это произошло в районе Тырвы. Там же он и был похоронен. Посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

В представлении к награде, подписанном ответственным редактором газеты «За Родину!» полковником Д. А. Чекулаевым, сказано: «Капитан Песков Борис Глебович участвовал в Отечественной войне с первых ее дней – сначала в качестве политработника, агитатора полка, а затем в качестве работника красноармейской газеты. Во фронтовой газете "За Родину!" Песков работал с первых дней ее существования. На страницах газеты капитан Песков выступал систематически со многими статьями, очерками, корреспонденциями о героях нашего фронта, об опыте боев. Выполняя задания редакции, т. Песков непрерывно работал в частях фронта. Он участвовал в боях при прорыве обороны противника на реке Великая, в боях за Остров и Тарту. В этих боях он всегда проявлял мужество и бесстрашие, в срок выполняя все задания редакции, несмотря на опасности и трудности боевой обстановки. В начавшемся сейчас наступлении наших частей т. Песков одним из первых был послан в действующие части. Здесь, выполняя задание редакции, он погиб смертью храбрых».

После окончания войны воронежские литераторы собрали произведения Б. Г. Пескова и издали четыре книги – «Рассказы» (1946), «Избранное» (1951), «Годовые кольца» (1955), «Два товарища» (1956). В 1968 году в первом номере журнала «Подъём» были опубликованы фрагменты незавершённого романа писателя «Грудь четвёртого человека».

1941 год

Соскино.

11 декабря. Сзади сожженные деревни, впереди – неприятель. Днем налеты вражеской авиации. На восходе солнца десять легких бомбардировщиков прошли над нами. Мы – в дыму пожарищ, с нами обоз, машины. Раздались окрики: «Не бежать!» Попадали в снег. Вот самолеты разворачиваются, как гульбище ястребов. Сейчас начнут. Только лошади спокойно стоят у повозок, да молочный дым по-прежнему лениво поднимается к ясному, морозному небу.

Наблюдаю: самолет штопором пошел вниз, от него отделился камешек. Слышу взрыв, другой, третий... Воздушные хищники меняются местами. Пострадали санчасть и обоз второго батальона. Погибла девушка-врач.

В еловом лесу, в снегу, закутанная в платок (мороз добрый), она неутомимо и проворно делала свое дело. Мне рассказывали про нее. Белый пуховой платок спущен на глаза, на длинных ресницах дрожат пушинки инея...

И вот ее нет. Прощай, скромная героиня великой освободительной войны! Клянемся помнить о тебе и отомстить!

Так вот, Соскино... Из леса через долину (Истринское водохранилище) наши минометы бьют по деревне. Она стоит перед лесом на опушке. Я осматривал ее с нескольких сторон. По лесу рвутся проклятые мины. У пулемета – горка стреляных гильз, на них весело играет морозное солнце. Встречаются свежие пни – деревья срезаны пулеметными очередями. И гигантские ели держат на своих лапах подушки снега. От снега тесно в лесу. В голых кустах, неторопливо чиркая хвостом, порхает синица. Видимо, минометная канонада ее нисколько не тревожит.

Над лесом постоянно летают самолеты, то вражеские – черные, то наши – голубые, с большими звездами. Под густыми елями – обоз пулеметчиков. На одних санях раздают хлеб, на других – вскрывают патронные ящики и набивают пулеметные ленты.

На дороге встретился боец с белыми пальцами. Утром наши повели батальоны прямо на село, понесли потери. Боец, раненый,

упал руками в край незамерзающего озера и до вечера, прижатый огнем, не мог шевельнуться.

Быстро темнеет. Идем на линию огня. Прямо по опушке еловая аллея. Здесь станковые пулеметы, бойцы ходят группами. Только что принесли и раздали водку. Командовать третьим батальоном назначен молодой парень, начхим. К нему подошел полковник, командир кавалерийской части.

– Назначаю наступление на Соскино в 18:00, прошу поддержать огнем. Выдвиньте легкие пулеметики вон туда, на лесной отрожек, где опрокинуты машины (показал на опушку, на том берегу водоема).

Я посоветовал комбату послать еще и автоматчиков и вызвался пойти сам.

Была дымчато-розовая заря, синели низины. Среди белых кустов и сугробов впереди чернели и дымили бревенчатые остатки хутора, их окружали горбатые яблони и кусты ягодника. Пошли гуськом, согнувшись. Встретились с группой бойцов в передовом охранении. Они сидели глубоко в обгоревших погребах, в раме тлеющих остатков срубов. Зашикали на нас, замахали руками, дескать, уходите, не маячьте. Пошли дальше. И вдруг вихревой огонь – пулеметный, автоматный, всюду вокруг начали рваться мины…

Стоят удивительные морозы. Под окном за маленьким столом сгрудился штаб. Из всей деревни уцелело три дома: один занят для раненых, другой заминированный и в третьем штаб. Серые квадраты пепла обведены красными линиями горящих нижних бревен сруба. Вокруг огня тесным строем стоят бойцы в плащах, как средневековые воины, сумрачные и молчаливые.

Все смотрят, как маленькая женщина в черном пальто носит лопатою снег и прикрывает им место, где раньше был порог кухни. Снег тает.

– Зачем вы это делаете?

Она что-то пробормотала.

А я догадался. В этом месте что-то зарыто, и вот она спасает от жара снегом.

К комбригу входит боец с донесением. Пока он овладевает своим языком, чтобы сказать, штык его винтовки делается белым, точно сахар. Также белеют пряжка ремня и – особенно интересно – затылок рукоятки у револьвера, что торчит из кобуры.

Все нервничают. Где-то в лесу застрял батальон, чуть ли не перед самым носом неприятеля. Измученный, почерневший и похудевший начполитотдела закрывает глаза. Громко всхрапывает и один из командиров штаба.

– Удивительно, как спят! – ворчит комбриг.

Я вышел на мороз. Сгоревшая деревня посылает к мутно-молочному небу клубы седого дыма. Внизу на земле между ног бойцов тлеют головешки.

Черными квадратами вздымаются кузова грузовых машин. Всюду снег испещрен красными отсветами и черными тенями. Холод такой, что кажется: гигантские ледяные ладони взяли тебя голого и тискают, жмут, перевести дыхания нельзя…

В огромном сарае – типичный двор подмосковной деревни, богатой лесом, – ворота закрыты. И там, в удушливой атмосфере, среди дымных костров, закутанные в плащи, стоят и лежат бойцы. Среди них – женщина-врач. Мне казалось, что многие не выдержат таких ночей. Но женщина весело разговаривает с санитарами. Огонь золотит локоны ее темных волос, выбившихся из-под тугого серого красноармейского подшлемника. Глаза блестят от слез, вызванных адским дымом. Весь сарай вообще похож на ад.

Великий русский народ! Несгибаема твоя воля.

Буханку хлеба разрубили на мелкие кубики. Ложка горячих щей, кусочек мерзлого хлеба во рту тает. Иногда от холода ломит зубы. Жители рассказывают – они видели, в легковой машине сидит сердитый немецкий офицер. Лошади цугом тянут его машину по снегу. Немцы отступают.

Чудная картина. Только что выпала снежная пороша. На поляне одна-одинешенька стоит ножная швейная машинка. Оказывается, пепелище скрыто снегом. Жители, спасая вещи от пожара, относили их далеко в сторону. Теперь здесь ни души, пусто. Одинокая швейная машинка!

Я видел: на соломе, укрытый шинелью с головой, глубоким сном спал длинноногий боец. Портянки развернулись, и из продранных носков торчат голые пятки. Хорошенькая белокурая девушка с иголкой в руке осторожно стала чинить носки.

– Смотри, не уколи, – предупреждает ее мать.

– У него пятки бронированные, да и спит крепко, не почувствует, – засмеялся я.

И долго любовался старательной девушкой.

Подмосковные детские ясли. Бойцы ночуют. Детское ружье, голубые стены. Жаркая печка. Хороший мороз за окном. От деревьев удивительные синие тени. Младший лейтенант взял да и рассказал о сибирской кошке, тепле и первом поцелуе.

Схватка с немцами. Гранатой убит солдат.

Вернулись наши, просят младшего лейтенанта продолжать свои воспоминания (написать рассказ).

Видел, как мерзлую буханку хлеба распиливали пополам двуручной пилой. Почти так же долго пилили, как дерево…

Самое благородное и большое наслаждение в жизни человека заключается в сознании того, что он свое дело сделал хорошо.

22 *декабря.* В первой и третьей ротах минометного батальона провел по одной беседе, на тему: «Учесть опыт боя при селе Алферово».

А в первой роте беседа была посвящена памяти политрука Селебина.

Проведена мною беседа о бдительности на фронте и о международных делах в пулеметной роте второго стрелкового батальона. Проводили в овощехранилище на полу. Свечка – на куполе каски. Все залеплено каплями воска.

Первичный санитарный пункт. Единственная избенка среди пожарищ и осиротелых деревьев. Метет метель, сумрачно и ветер.

Сени разрушены. Нагромождение балок. Перешагнув через балку, едва не поскользнулся. Перед маленькой дверью – яма – остатки погреба. С трудом удалось взобраться в избу.

Маленькая черная комната, выбитые окна заткнуты соломой. Только у одного окна, на верхнем переплете, торчат осколки стекол. Трещина, как лучи звезд, и дырка с зубчатыми краями – след пули – довершает обстановку в санпункте. У темной русской печки ютятся девочки и старухи. Где-то на полу, на соломе, стонут. Воет вьюга, веет снегом в разбитое окно. Всюду вокруг избы взрывы мин. И девочки, и раненые, и санинструктор, и я привыкли к ним, как привыкают к тиканью часов. Спросил, скоро ли приедет подвода за ранеными. Из темного угла ответил фельдшер. Снова вышел на обезображенную улицу Путятино. Темнеет. Вокруг на горизонте потоки огня – обычное зрелище…

В Щекино, в штабной избе напряженная тишина. Вниманием всех овладел генерал-майор. Не торопясь, с сознанием собственного превосходства, генерал тихо говорил:

– Непременно он пойдет из Ивановского на Михайловское. Нужно только организовать переправу для танков – вот здесь, – и он сделал черточку красным карандашом на карте.

И вдруг среди почтительной тишины с печки раздался голос старухи-хозяйки:

– Сроду не идти ему на Михайловское, пойдет враг прямо на Лобачево.

Генерал боком посмотрел на печку и… захохотал.

Вмешательство старухи рассмешило всех, а потом заставило призадуматься.

От банки мясных консервов ножом отрезали донышко с небольшим бортиком. Из ватной фуфайки вытянули клочок ваты и свернули фитиль. В коробку наложили кусками масло и зажгли.

Хожу по великолепному дому Волоколамского техникума. Один кирпичный остов и всюду мерзость запустения: солома, кой-

ки, немецкие патроны и гранаты, каски, бутылки, обрывки немецких газет и коробки от сигареток, кое-где трупы.

Всюду стены изранены осколками и пулями. Иногда зияют огромные пробоины. Все препараты, чучела животных, аппаратура свалены в одну комнату. Нигде ни одного стеклышка. Свистит ветер по коридорам и аудиториям.

Перед главным подъездом, составив ружья, бойцы долбят грунт кирками; готовится братская могила. Трупы возят на розвальнях. Кажется, они сцепились в драке и застыли со стиснутыми зубами, с ожесточенно подмятыми кулаками. Смотрю из дыры, пробитой снарядом в стене, на парк: милые березки запушены инеем, равнина снежная, далекий лес.

26 декабря. Убит Пятин – командир второго батальона, человек яркой индивидуальности. Я с большим удовольствием и радостью наблюдал за ним в течение нескольких дней.

Нежно-розовое маленькое лицо капризного мальчика-баловня, длинные женские ресницы сероватых веселых глаз. Низенькая, плотная, подвижная фигура, своя особенная походка, своя особенная манера держать голову и торс, туго перехваченный командирскими ремнями. Голос резкий, властный, с подчиненными строг, с начальством находчив, самостоятелен, упрям. Где-нибудь в овощехранилище или в избе без окон и дверей ночью, среди грохота орудийной канонады, на соломе, среди своих штабных, еще более молодых, чем он сам, бывало то и дело слышишь:

– Чтобы связь у меня сейчас же была. Понял?

– Под арест хочешь? Спи, – дело другим поручи!

– Я кому говорю, передай дела Иванову. Начштаба тоже: связи до сих пор нет. О чем думаешь?

Война теперь – его профессия. Он хорошо знал свои обязанности и выполнял их спокойно и уверенно, как стахановец на производстве.

Он не отличался безрассудной храбростью. Наоборот, был очень осторожен. Берег себя и своих людей. Тех, кто находился с ним, никогда не покидала уверенность, что у него в батальоне зря, случайно не погибнешь.

Он знал это и говорил:

– Кто со мной пойдет – не пропадет. Держись около.

Ему 31 год и трое детей было у него. Передо мной его образ в движении, я слышу его посапывание, резкий голос с едва заметной хрипотцой, вижу уверенный властный взмах руки, задорные, строгие глаза и длинные, загнутые женские ресницы.

Комбриг Ячменьков сказал о Пятине: все сколько-нибудь серьезные операции, проделанные нашей бригадой, были осуществлены вторым батальоном под командованием Пятина. Из него бы вышел талантливый командир.

Был на огневой позиции, у артиллеристов.

Сегодня мне рассказали: где-то у Владычино немцы взяли с собой в качестве проводника женщину с ребенком. В кустах нашли пять немецких трупов и эту несчастную. Ребенок, видимо, долго плакал и замерз на груди у матери.

31 декабря. Приказ не выполнен. Тяжелое настроение у всех. Пехота подобралась к сараям Захарино, но без поддержки танков продвинуться невозможно. А между тем светает. Пришел командир полка Кожушко.

– Зачем пришел? – набросился на него полковник, командир дивизии.

Гробовое молчание.

– Сам ляжь, а Захарино взять. Где батареи? Пусть прямой наводкой бьют...

И вдруг обессилев встал, согнулся с папироской перед коптилкой, выпрямился, старое лицо дрогнуло, махнул рукой, коптилка погасла.

– Кожушко, сынок...

Зажгли лампу.

У полковника блестели глаза. Эти два слова – «Кожушко, сынок» – он произнес так трогательно, отечески нежно, что я не мог сдержаться... И все молчали.

Снег глубокий, танки не проходят. Хоть бы моторы загудели, и то пехота приободрится. На этом и согласились.

Комбриг распорядился из миндивизиона сформировать стрелковую роту и идти на поддержку.

1942 год

1 января. Всю ночь готовили вторую атаку на Захарино. И вдруг утром приказ от генерала Ремезова отвести войска в Михайловское и занять западную и юго-западную оборону.

Старший лейтенант вел батальон на Михайловское. Немцы зажгли село с надеждой, что дым уйдет к ним в тыл и пожар осветит подступы. Вышло наоборот, дымовая завеса помогла нашим бойцам прорваться в село. Прочищали село всю ночь, вытаскивали немцев из подвалов.

Книга Бориса Пескова, присланная им с фронта и вышедшая в Воронежском книгоиздательстве в 1944 году

2 января. Сегодня было совещание политработников. Самое интересное – было заключительное выступление комбрига Ячменькова. Я проникся к нему уважением. Для меня в нем обнаружился понимающий и глубоко чувствующий человек. Жаль, что не смогу теперь записать всю речь (заседание шло в темноте). Ему удалось полно и образно представить картину недостатков в боевой работе бригады. Взять такой вопрос – сбор оружия. У нас оружие должно быть. Спросят, куда дели? Нет документов о выходе из строя пулеметов, винтовок. И опять: куда вы деваете боеприпасы? Вы стреляли? А где это видно, что вы стреляли? Где документы? Товарищи, учет всему строжайший!

Командир отделения должен вести учет людей до боя и после боя. И еще о командирах. Немало мы их уже потеряли. Правда, они молодые – сами шли во весь рост и людей за собой вели.

Командир должен беречь себя и людей, мы уже многое вынесли из опыта боев. Нужно выдвигать из своей среды командиров. Война – тяжелый труд. Пора учесть опыт, научиться.

Очень важно, чтобы в момент подъема бойцов в атаку впереди их оказался командир или комиссар – это очень важно. Бойца пронизывает чувство коллективности, чувство локтя, уверенность, что он со всеми и все с ним. Как только это есть, – командир выполнил свою задачу, ему нечего делать впереди…

И еще – замечено, что не слышно голоса приказов в момент сближения с противником. По странному недоразумению боятся себя демаскировать, шепотом отдают команду. А за километр – ходят во весь рост… Нужно, чтобы звучал голос командира громко, грозно. Разве вы не знаете, что это может устрашающе действовать на врага и действует? Когда враг на конце штыка – больше шума и крика…

Не хватает зимней смазки. Кто тут виноват? Пулеметы работают на керосине и бензине, автоматы – тоже. У нас есть оружейники, начальники снабжения, неужели командир бригады должен ехать за смазкой? Не может быть места вялости, работе «на авось», нерасторопности. От этого зависит жизнь вверенных нам людей.

И последнее – о наших тылах. Машины по снегу не пройдут. Наша надежда – на лошадь и сани. Внимание к лошади должно быть исключительное.

И многое другое говорил в том же духе.

Михайловское взято 27 декабря в 18 часов. Комиссар Шабанов, командир, старший лейтенант Жангелло.

Коржикова Надежда Григорьевна, 1924 года рождения, из города Сураж Орловской области. Восемь лет училась. Санинструктор. 31 декабря на подступах к Захарино ее ранило в спину. Ходила в Волоколамск, там сказала врачам: «Пойду лечиться на огневую позицию». Раньше была в минометном дивизионе, теперь в стрелковом батальоне. В армии добровольцем с 17 июля.

3 января. На улицах разрывы мин и снарядов. Лежу в блиндаже, затихло, задумался. Где-то застучал жестянщик: вероятно, мастерил печурку. Повеяло таким миром, бывало, вечерами сосед донышки в ведра вставлял, постукивал…

Стоят чудесные ночи. Легкая яркая луна взлетает на чистое небо. Большие плакучие березы, белые, пушистые, никнут вокруг высоких хат. Безобразия жестокой войны скрыты снегом. Можно забыться, только нет-нет да и чиркнет светящаяся пуля в нашу сторону.

Яркие дни. Все окна забили толстыми досками. Осколки несколько раз влетали в помещение – доски должны предохранить. Целыми днями горит бензин в коптилке, вокруг тьма, прыгают лохматые тени. А выйдешь на резное крыльцо красавицы-избы – белая яркая зима; глаза слепнут: лес, небо, солнце, всюду иней – чистота.

Перед глазами лошадь, красный замерзший круг – немцами отрублена филейная часть, и около в снегу груда всякого лома. Потом опять ничего не видишь, долго-долго глаза осваиваются со светом.

Разведчик говорит: «Отсюда молчала вся тишина».

4 января. Беседовал с бойцами на тему: «Героические традиции русского народа». Приводил пример – геройский поступок Чепенко. Вижу, производит впечатление. Нащупал тему для бесед: «Не так страшен черт, как его малюют». Противник захирел, готов сорваться, чтобы лететь. Нужно турнуть.

Встречи здесь молниеносны, мелькнуло лицо и пропало – встретишь ли еще?

Пришлось ночевать у старика, а у него полный дом взрослых дочерей. У двух – грудные детишки. Молодые женщины, видно, интеллигентные. Довольно симпатичны. Легли на сундуки у люлек, а на полу, как сельди в бочке – бочком-бочком друг к другу, тесно – бойцы… Я проснулся и слышу тихий говорок из кухни. Лейтенант разговаривает с одной из женщин. Оказывается, она потеряла мужа на войне, голос печальный. Говорят о том о сем. Пауза. Он выясняет, что она собирается делать. Ей очень тяжело.

Он говорит о своей симпатии к ней. Видимо, она печально усмехается…

– Ну, не может быть, чтобы мы больше не встретились, – говорит он. – Кончится война – приеду к вам, обязательно.

Она печально говорит: «Да»…

Все это под аккомпанемент здорового храпа бойцов. Я понимаю лейтенанта.

И вдруг кто-то пришел и закричал:

– Встать!

На полу зашевелились тела… Из-за разбитых и заткнутых мешками окон донеслось фырканье автомобилей. Снова в путь по еловым лесам, по опасным дорогам, к Волоколамску…

Остащенко Анатолий Михайлович, разведчик, принес исчерпывающие сведения об обороне Тимково.

5 января. Провел беседу в батальоне связи «Героические традиции русского народа».

Сведения о мальчиках, ушедших в разведку. Блохин Владимир Васильевич, 1924 года рождения, Вторая Брестская, 34, кв. 14, в седьмом классе учился.

Комолов Владимир Матвеевич, Грузинский Вал, 14, кв. 21, год рождения 1924, средняя школа № 117, седьмой класс «а». Оба одноклассники.

7 января. Старуха-хозяйка: мне 120 лет. Надо подождать, чем война кончится, а тогда и умирать можно.

Положение нашей бригады довольно рискованное. Вклинились в оборону неприятеля на 3 километра и с небольшими силами. Дежурил, ходил проверять оборону. Нашел непорядки. Часть пулеметов не работает автоматически. Доложил майору. Зашевелились.

8 января. Утром майор сказал: «Писателю за дежурство объявить благодарность. Распоряжался, как кадровый командир».

Фронтовые дороги военных корреспондентов. А. А. Сурков и К. М. Симонов в районе прорванной обороны немцев на Ржевском направлении. Фото В. А. Темина. Калининский фронт, лето 1942 года

Илья Волков и Надежда Кожокина – депутаты Михайловского сельского совета.

Сегодня утром начполитотдела Грачев, комиссар штаба Меркулов и я пошли по селу искать актив, чтобы восстановить советскую власть в Михайловском. Остановили на улице женщину и начали ее расспрашивать. Она сказала, что один из депутатов, Самсонов, вернулся домой. Мы попросили женщину проводить нас к нему.

У порога лежат трупы немцев. Часовые пропустили нас в хату. Всюду ящики, смерзшийся хлам, солома, навоз, каски, коробки от пулеметных лент и, конечно, обязательно патроны, которые разбросаны всюду, куда ни упадет случайный взгляд. Потом выяснилось, что хозяина дома нет. Я вышел.

Мимо шла девушка с приятным беленьким лицом и живыми понимающими серьезными глазами. Стали ее расспрашивать об учителях, колхозных бригадирах, депутатах. Решили идти к ее отцу.

С Меркуловым прошли на двор. В крыше, покрытой финской стружкой, зияют дыры. Дыра над печной трубой, всюду бревна изранены осколками. В темном углу двора лежит корова и пережевывает жвачку. Мирно в хлеву раздаются эти звуки. Закрываешь глаза и на какое-то время забываешь, что тебя окружает.

Вернулись в сени. Пришел хозяин дома. Высокий, здоровый мужик оброс густой темной бородой. Пожаловался: семья большая – с ним жены сыновей, ушедших в армию. Нас окружают девочки разных возрастов.

– Спрашивали немцы, где сыновья? – задает вопрос Меркулов.

– Спрашивали. Сказал – в тюрьме.

– За что – в тюрьме?

– За хулиганство, – усмехнулся мужик, – да ведь и нельзя сказать правду – издеваются, сволочи.

Оказалось, по соседству живут депутат сельсовета Надежда Кожокина и бригадир колхоза Илья Волков, только что вернувшийся домой после отгона скота в тыл. За ними послали.

Пришла Кожокина – маленькая старушка в овчинном полушубке, приятное, морщинистое, скорбное лицо. Я почувствовал, что все трое, не договариваясь, поняли сразу, что она не подойдет для роли председателя в такое время, когда немцы от Михайловского в полутора километрах.

– Что, мамаша, надоели немцы? – спросил батальонный комиссар Кожокину.

Она не отвечала, после долгой паузы послышались ее рыдания.

– У дома моего много убитых было наших… В подвале у меня завалилось трое, пощупала – наши пиджаки. У немцев таких нет.

Пришел Илья Волков, снял шапку. Он сразу понравился нам, пожилой, но крепкий, энергичное лицо обветрено до красноты. Рыжие усы по-запорожски, концами свисают вниз. Ему объявили, что он до собрания депутатов вместе с Кожокиной должен возглавлять местную власть.

– Что вам надо делать в первую очередь? – сказал Меркулов и ответил: – Учесть население в Михайловском, убрать трупы людей и лошадей. Учесть всех трудоспособных граждан.

– Возьмемся. Только, может, подождать, пока пульки летать перестанут?

– Да нет, поосторожнее начинайте теперь же, – предложил батальонный комиссар.

– Верно, Илья, – вмешивается в разговор хозяин дома, – начнется оттепель – нельзя оставлять мертвых…

– В одну могилу? – спросил Волков.

– Только наших.

Я предложил для общей могилы красноармейцев выбрать лучшее место. Придет время, оградку поставим, цветник будет. Жители села стали обсуждать, где лучше похоронить. В этом приняли участие и девочки. Решили, на холме среди березок.

После этого Волков и Кожокина пошли с нами в штаб. Там им посоветовали учесть все, что осталось от колхозного добра… Представителей власти снабдили бумагой и карандашами. Так началась снова советская власть в Михайловском.

Отослал в газету «Известия» очерк «Восстанавливаем нашу власть» с препроводительной бумажкой от депутата Верховного Совета СССР нашего комиссара Немченко.

10 января. С утра началась артиллерийская подготовка. Ночевал в Волоколамске. Видел, как на всем протяжении до Михайловского над снежными полями среди бела дня вспыхивают молнии огня.

Была вещательная станция. Проиграли марш, затем – обращение к немецким солдатам. Видели, как из блиндажей вышли немцы и слушали.

Представитель армии – лейтенант – второй вечер приводит добровольцев-разведчиков из комсомольцев-москвичей, старшеклассников для отправки их за линию фронта. Их одевают в белые

халаты, и разведчики уходят за линию обороны в снега и ночь, на территорию, занятую неприятелем.

Среди них была девочка. Разбились на три партии. Говорят, девчушка вела себя смелее мальчуганов.

Вчера один вернулся, принес ценные сведения. Рассказал: их часто водили в комендатуру. Они объясняли, что они – москвичи и идут к родным, называли соседние деревни. В одном месте видели, как немец по снежной целине тащил салазки с грузом. Увидел ребят, позвал их и велел везти. Один парнишка обессилел, упал. Немец стал бить его кулаком.

11 января. Первая гвардейская заняла Захарино. Согласно приказу наша бригада к вечеру вошла в это село и организовала оборону. Комбриг послал политотдельцев проверять оборону. Мне дано время с двух до пяти часов.

Здорово поработала наша артиллерия. Немцы прятались в блиндажах, образцово оборудованных. Земляные стены обшиты тесом, пол деревянный. Хороший стол, нары, печка, плотно пригнанная дверь…

В одной из крайних хат, на сорном полу – патроны, бутылки от ямайского рома, немецкие сапоги и одеяла. Их много. С грязной, ободранной осколком печи свисает дорогое плюшевое одеяло. Кто-то полез на печку и сбросил оттуда горжетку из песца.

Организовали вывоз наших раненых, пришли сани. Соломы нет. Вынесли и постелили одеяла, награбленные немцами.

У печки, перед коптилкой, налаживают связь. У ног, в хламе, связист нашел коробку немецкого шоколада в порошке. Как много всякого хлама… Вдруг – взрыв! Из окон повыскакивали тряпки и пучки соломы. Двое застонали. Оказывается, в темном углу наткнулись на какой-то сюрприз.

– А вот вам подарок! – еще в дверях крикнул начштаба батальона лейтенант Павлинов. К столу шагнул молодой, с ребяческими чертами лица, тощий немец.

– Сопли утри! – весело закричал на него комбриг.

У стола сгрудились командиры штаба. Долго его расспрашивали. Отвечает охотно и – как мне кажется – правду. Смотрю на лицо врага… У него есть мама, папа в Берлине владелец обувного магазина. Сказал, что Гитлер ему доводится родней. Но очень отдаленной. Сам он Гитлера ни разу не видел.

– Зачем пришли к нам? – спрашивают его.

– В Берлине теплей, а здесь очень холодно. Не знаю, зачем сюда пришли… – отвечает он, и что-то вроде виноватой улыбки дрожит на его совсем детских губах.

– Хотите жить?

Та же улыбка, только чуть-чуть побагровело лицо. Хоть бы заплакал. Мальчишка третий год в армии… Его угостили папиросами. Он жестом, красноречиво, попросил позволения у комбрига…

– Кури, кури, – закричал Ячменьков.

С утра две атаки выдержали наши в Захарино.

Немцы наступают.

Группа наших автоматчиков придается танковому подразделению. Посадят на танки и поедут в Ильинское. Приказ: сильным огнем давить неприятеля. Выбрали самых проворных и отчаянных.

Вчера опять послали нас проверять оборону в Захарино. Мое время с двух ночи до пяти. Решили идти все вместе. В лесу я пробовал пистолет.

За день дорога во вновь занятую деревню так укаталась танками и санями, что идти легко и приятно, а ведь вчера тонули в снегах, теплая одежда неприятно охватывала потное тело… Всюду стоят танки, связисты крутятся вокруг проводов. Через головы летят трассирующие пули. Иногда где-то близко рвутся мины со своим характерным сухим треском. Только звезды, как и тысячу лет назад, синеют, зеленеют, блестят в вышине спокойно и красиво. Решил не заходить в командный пункт батальона и проверить всю систему обороны. Проверили бой легких пулеметов.

Утопая в снегу, прошли по огородам дальше.

Я вдруг увидел на горизонте, будто вулкан начал извергать огненные шары. «Это катюша, – сказали бойцы, – сейчас услышите, – заиграет». Верно, раздалось рокотанье грома. Скоро шары опустились. Мы все повернулись в сторону неприятеля, где-то упадут снаряды? И вот стали возникать фонтаны искр один за другим на окраине Спас-Помазково. Наше русское изобретение – оригинальное, могущественное. Разве не гордостью наполняется сердце!

14 января. Послали меня в Малое Исаково. Через ручей – Большое Исаково. Там немцы. Кое-кто отстал от нас. Дорогу, метров 800, я прополз, придавленный взрывами мин и одиночными выстрелами. Встал и побежал к кирпичному домику. Маленькая комната, восемь окон без рам. Влез через окно. Немцами оставлены нары, сколоченные наспех. Стол посередине. Теснота и холод. У стола – командование двух батальонов и политотдельцы, младшие командиры, бойцы. Мины рвутся то и дело. Наш пулемет потрескивает под окном. Комнату окружили танки, тарахтят. Я смотрю на лица. Измученные, почерневшие… Задача – дождаться темноты, построить мост и с танками взять Большое Исаково. Отдали команду «Заделать окна!». У Генина на ремнях снаряжение и на спине застыли брызги крови. Рассказал, что рядом с ним стоял боец и ему осколком разбило голову…

Близко ударил снаряд, другой. И вдруг оглушающий взрыв. Что-то рыжее в глазах, взметнулся щебень и кирпичи. Раздались крики. Мы начали призывать к спокойствию, по очереди выпускать людей на улицу. Вдруг слышу, зовут меня. Ранен Генин. Разорвали индивидуальный пакет. И тут же выяснилось, что ранен Шабанов и Теранидзе. Бросился искать лошадь. Уложили раненых на сани.

15 января. Стрелковый батальон нашей части сегодня при поддержке танков захватил Большое Исаково.

Дано задание: овладеть Кобылино. 50 человек оставлены для обороны Большого Исакова.

Был в Б. Исаково. В одной из хат, пустой и холодной, девочка сидит на лавке. Где ее родители, бог ведает! Руки обморожены, в бе-

лых волдырях. Носик обложен болячками. Бойцы дали ей булку, она просит пить. Кто-то сказал, что пить ей много нельзя. Стали отбирать кружку. Она расплакалась.

Взятие Большого Исакова – одна из отличных операций, проделанных нашей бригадой. Проволочные заграждения по берегу ручья, разрушенный мост, возвышенное место, на котором стоит село. Кажется, все подступы обстреливаются превосходно.

Николаев Григорий Николаевич, 60 лет, у него семь сынов и дочь. Надежда Васильевна – жена его.

Пять сынов в армии: Козьма, Николай, Василий – летчики, Алексей – шофер, Виктор – танкист.

Николаев Г. Н. зверски убит фашистами в селе Рождественское. Видел горе семьи. Сердце обливается кровью.

Члены семьи – старуха, дочь, внуки, зять – больной парень, обнявшись, плакали навзрыд. Я стоял в уголке, смотрел, и все во мне переворачивалось. Хотя и было странно, как можно – вокруг такая масса смертей, мимо которых проходят торопливо, – плакать по поводу смерти старика, одного старика... Вошел майор, увидел родственников убитого и, повернув ко мне побледневшее лицо, резко, с болью в голосе сказал:

– Сколько горя!

Давно хотел записать. В Ивановском кустарник в палисаднике настолько ободран и избит пулями, что кажется: зацвел белыми цветами – это пятна ободранной древесины.

В Здежневе. Рота автоматчиков и взвод стрелков на трех танках двинулись на село. Заслышав танки, немцы (400 человек) подняли руки. Но увидев перед собой горстку храбрецов, открыли автоматный огонь и залегли, а потом ушли. Деревня была взята нашими.

18 января. В Лобанове рассказали мне: части наши напали на село внезапно. Перебили всех поджигателей. Население устроило встречу: чушку зарезали, ведро молока, картофель, гармоника...

Старуха-хозяйка рассказала о встрече Рождества. Поставили елку, украсили бумажками от конфет, зажгли. В комнате электричество. Генерал, майор, два ординарца, пригласили и ее. И вот впятером – около елки. Генерал начал петь, остальные подтягивали. Потом выпили по рюмке вина.

Наша часть участвовала во взятии станции Шаховская.

Начальнику политотдела принесли узелок окровавленных партийных билетов. На поле боя собирали оружие – собрали и партийные документы. Тяжелый узелок!

Развертывал его на коленях начальник политотдела, смотрел на фотографии. Страницы билетов, склеившиеся кровью, отрывались с треском. Были билеты простреленные.

Чем больше живу с Ячменьковым, тем тверже убеждаюсь в его жизнерадостности. Он знает людей, особенно их слабости, и бьет по слабостям силою логики, насмешкой. Темные глубокие глаза его загораются, прищуриваются. Он всю жизнь в армии. Карьеру начал с рядового в Гражданскую войну. Знает свое дело. Видимо, особенно – штабное. Спит мало. Долгую зимнюю ночь просидит один на один с работником штаба. Убедит его, что он не так работает, а потом расскажет, как надо. Делает это с удовольствием.

Нравится мне в нем одна черта до чрезвычайности. Он никогда не хвастает. Наоборот, весело, с видимым удовольствием рассказывает, как он спит да ест. И это в тот момент, когда вокруг мины рвутся и общее положение довольно тревожное.

Почти всегда подчеркивает насмешливо, вернее как-то бесшабашно: «Я смерти боюсь». В суждениях резок. И начальство не пощадит. Я сколько раз слышал… Что-то от мужичка есть в его характере. И партизанское, может быть, осталось.

Он сколько раз говорил, что останется жив, какие бы опасности ни приходилось ему переживать в эту войну. «А после уйду в председатели колхоза» – говорил он.

Старуха рассказывает, удивляется, как это чудесно деревня их осталась цела.

– Бог помог! – сказал майор.

– Не бог, а солдат, – поправила старуха серьезно.

Все рассмеялись. (Солдатом она называет красноармейца.)

21 января. Второй день стоим в Вишневках. Маленькое село среди полей и еловых лесов. Политотдел получил избенку в три окошка. Хозяйка выскребла наросты немецкой грязи. Столы накрыли платками. Поставили радиоприемник. Достали фотоаппарат, книги, бумагу, затопили печку. Стало чисто и уютно. На стену повесили фотогазету с изображениями разрушений в Ясной Поляне… Музыка ударяет по нервам.

Вчера наши разведчики в селе Якшино в пустующем сарае нашли трех немцев. Один из них поразил меня своим видом. Его посадили перед столом майора и комиссара. Я все время смотрел на руки. В тепле они начали покрываться инеем, как железо или камень, принесенный с мороза в теплую хату. Немец держал руки на коленях и исподлобья смотрел на командиров.

25 января. Сегодня ездил в стрелковый батальон фотографировать вступающих в партию. Устроили митинг по поводу изгнания немцев из Московской области. Построили бойцов. Встретил товарищей своей пулеметной роты. Все они стали командирами.

28 января. Вчера ездил в армию на совещание инструкторов. Собрались люди в тесной комнатушке. Докладывали. Получали наказы.

В Вишневку пошел пешком. С одной стороны – бледный месяц, с другой стороны – розовая, словно припудренная заря. Морозно. Тихо. Ели, в белых платьях, освещаются зарей и луной. Всю дорогу шел и отдыхал. Думал. Люблю думать. В кювете немец, закинул руки за голову, лицо засыпано снегом. Привык я. Он не нарушил моего душевного состояния.

Наша земля красива, и я счастлив, что нахожусь в числе людей, отвоевывающих последовательно дорогу, куст, овраг, эти чудесные

ели, канавы, поросшие березняком, деревни с людьми, способными выстоять, перенести все на свете…

29 января. Два полнокровных дня. Реализуем в массах директиву о живом слове. Лично побеседовал с 40 человеками – отличными бойцами. Они войдут в массу нового пополнения с целью овладеть сердцами и умами молодых. Это сила! Нужно только держать ее под контролем, направлять, учить. Займусь этим с увлечением. Какой народ у нас! Хотят победить. В глазах огонек появился. Теперь не удержишь, пойдут!

Поговорили о гибели Шкурина. Прочитали письмо матери к нему. Мать пишет живому сыну. Трогательное письмо. Я решил тут же написать ответ.

2 февраля. Ночью продвижение в Никольское… Вдалеке громыхает фронт… Граница Московской области.

В беседах Жидких Тихон Павлович, пулеметчик, рассказал: в Андреевке с чердака бил автоматчик. Приказали его подавить. Строчили по чердаку «вдоль и поперек». А немец все сидит. Приказали продвинуться. Жидких привязал к ноге хобот пулемета и, запахивая козырьком каски снег, пополз на новую огневую точку. Кончили немца они уже гранатами. После двух – немец замолчал.

3 февраля. Старший лейтенант, комбат, рассказал, как поздней осенью выходили наши из окружения. Много бойцов часто кашляли. Чтобы не открыть себя, боец ложился, его накрывали шинелями, палаткой, одеялом, он кашлял под этой одеждой, глухо, в кулак… Потом шли дальше…

За армией путешествуют книги… Я вхожу в хату, где были бойцы. Они ушли, книгу оставили. С жадностью хватаю ее, беру с собой. Где-нибудь в следующем селе оставлю. Она попадет в третьи руки и т. д. Так прочитал Тютчева, рассказы Тургенева, стихи Пушкина и Лермонтова. Среди грохота, когда, кажется, совершенно забываешь

о существовании таких вещей, как музыка, солнце, стихи, вдруг – книга Лермонтова. Потрясает всю душу.

Молодой стройный осинник, словно дождь, стоит стеной! Ехал верхом по лесной дороге. Яркое солнце, сильный мороз. Стрелял из пистолета по дереву. Подъехал, посмотрел – пуля отскочила от мерзлой древесины. Мне тепло в моей одежде.

Смирная артиллерийская лошадка, удобное седло. Широкая расчищенная дорога, разглаженная шинами автомобилей, и по сторонам бесконечная темень высоких елок, испещренных пятнами снега. Видимо, снег так тяжел, что ели в изнеможении опустили свои белые рукава в сугробы. А в темной чаще резкие золотые пятна света…

8 февраля. Барсуково. Я в гостях у артиллеристов. Замечательные ребята. Как-то не приходилось бывать у них ранее. Пели какую-то песню. Растрогали до слез…

В селе две братские могилы. Холм. На нем узкая доска – шина, взятая из санвзвода. На ней надпись… Могилы у обломленных снарядами берез… Стоял, думал и твердо решил написать: «Против смерти». Такая будет книга!

10 февраля. Пришла женщина, прилично одетая. Сын ее был у родных в этом селе. Пробиралась из Москвы. Ни сына нет, ни родных. Среди головешек нашла сгоревший детский велосипед… Плакала над велосипедом.

11 февраля. Хорош комиссар третьей батареи артподразделения. Он одессит. Токарь. У него двое детей. Жена тоже работала на одном заводе с ним. «Она в первой смене, я – во второй. Бывало, встану утречком, пойду на базар, приду, обед приготовлю – и дети и жена сыты»… У него образцовый порядок, каждый день выходит стенная газета. Сейчас рассказал: «Заболел комбат – напек ему блинов».

Удивляюсь, как в условиях блиндажной жизни можно печь блины! Боже мой, как много хороших людей!

14 февраля. Пришло пополнение. Живем в лесу. Своих кадровых выпроводили из землянок. Новичков пустили ночевать.

Пришли просить временно занять помещение санитарного пункта. Все стали возражать. Рассерженный врач сказал: «Причем здесь временно. Мы знаем, как временно. У нас голова на плечах и то временно!» Все ахнули в восхищении.

– Вот так сказанул!

Доктор сказал: чем больше сидишь в блиндаже, тем боязней выходить. Эго психологическое состояние подмечено верно.

18 февраля. Сегодня у нас праздник. На нашем участке началось наступление. Всюду вижу возбужденные, радостные лица

И утро праздничное. Безветрие. Вечно счастливое солнце впереди себя выстилает золото, восходит торжественно. Могучие снега багровеют, а в оврагах и лесах – синеют… Началась артподготовка. Нашему артродразделению приказано выбросить два «быка». С бревен блиндажа сыплется сор… Кажется, вся наша многострадальная русская земля, рассердившись, изрыгает гнев свой потоками огня и металла. Команду с наблюдательного пункта выкрикивают так энергично, что мы на расстоянии слышим ее из телефонной трубки.

Какое счастье, что у нас есть снаряды, орудия и замечательные люди!

Пошел в третий батальон. В снегу пробита узкая дорожка. Тянутся два провода. На тропе частые капельки крови. Встречаю раненых. Едва узнал Подопригора. На рукаве шинели золотые полоски капитана и кровавый бинт.

– Жгут наложили? – спросил я.

Что-то ответил мне серьезным, озабоченным тоном. Потом узнал: он вышел на поляну перед немцами, осколок вместе с часами влетел в кость, погнутые шестеренки, осколки стекол вынимали вместе с кусками кожи и кости.

В мелколесье в снежных ямках залегли бойцы. Встретил комбата. Нравится мне этот парень. Каждая жилка в нем бьется энергично до чрезвычайности. Мужественный размах бровей над маленькими сердитыми глазами. Говорит он отрывисто, улыбается молодо, искренне. Когда улыбается, кажется, вся у него душа нараспашку. Из него будет толк, способный.

Попросил его рассказать обстановку. Я было пошел вперед.

– Вернись, – крикнул он мне, а потом – ну, пойдем вместе.

Он в халате похож на бедуина. Пригнувшись, подошел к опушке, я за ним. Тут следы боя. Два трупа, винтовки. Пулеметные ленты.

– Смотри немцев! – шепнул он мне.

Я никогда так близко не пленных врагов не видел. Головы немцев маячили над краем барьера, сложенного из комьев снега.

– Неужели их нельзя подавить? – удивился я.

– Пробовали. Людей потеряли.

Подобрали пулеметные ленты, винтовки, пошли назад. Думал, будут стрелять, нет – молчат.

А через полчаса… началось!

Мы сидим в снегу: комбат, комиссар, политрук, я, инструктор политотдела. Начался шквальный огонь. Я вытянулся на снежной дорожке, на меня свалились двое. Раздались взрывы, одна близость которых способна свести с ума. Тремботов застонал. Кричу ему: «Ранен?» Новые взрывы. Противно запахло спичками, про которые говорят: сначала – вонь, а потом – огонь. Прекрасный солнечный лес окутался рыжим дымом. Голова моя оказалась между двух валенок. Кому принадлежат эти ноги – не знаю. Вижу, в валенке дырочка, и оттуда капает кровь. Ощупал рукав Тремботова.

Спустя час Копанев заметил дыру на спине моего полушубка. В густой овчинной шерсти запутался осколок снаряда. Кусочек металла был настолько горяч, что овчина съежилась, стала твердой. Предохранила ватная фуфайка.

Вспомнил комичного коменданта второго батальона. Колоритнейшая фигура! Чарли Чаплин на армейский лад.

– Мой отец – еврей, а мать – армянка. Я метис! – заявил он мне как-то с гордостью. Он рассказал:

– Сидели в окопах под Киевом… Нн-у! Началось… Мины градом. Я сел, съежился, укрыл лицо воротником шинели и пою тихо: «Тучи над городом вьются, в воздухе пахнет грозой», пою себе вполголоса. А когда кончилось, посмотрел кругом, сосед мой брюнет, такой хороший брюнет был (покрутил рукой у головы) – седой сделался.

Под селом Татищево. Поехали за продуктами. Лейтенант говорит:

– Стой, ребята. Мы когда отступали, пушки здесь оставили. Давай заедем, посмотрим.

Послали. Сколько было радости, лейтенант прыгал. Подцепили пушки и прямо в бой.

Мозговой долго рассказывал о какой-то статье, напечатанной в газете за 1927 год. Я усомнился.

– А ты поинтересуйся, – говорит он мне запальчиво, – если жив останешься, покопайся в архивах. Газеты должны все сохраняться.

У юноши К. в нагрудном кармане гимнастерки и партийном билете хранится письмо от девушки, в котором она дает клятву, что примет его, даже безрукого и безногого. Любовь вечна.

На фронте гвоздей нет. В расщелины бревен, в избе, втыкают винтовочные патроны и вешают одежду.

С 25 февраля – новое в жизни. Я в редакции армейской газеты.

1 марта. Выезд с парткомиссией в артполк. Подполковник, симпатичнейший седой красавец с орденом Красной Звезды и медалью. Сидит, две толстые книги перед ним – Пушкин.

– Удивительно умно написано! – говорит он, посасывая трубочку.

У него спокойствие во всем: в жестах, в речах – как дома!

2 марта. В Середе гитлеровец погнался за девушкой. Она, говорят, студентка четвертого курса техникума. Училась, бегала зиму в летнем пальто. Отец на нее молился. «Корову, – говорит, – надо продать – шубу сделать». Да… гитлеровец стал стрелять ей вслед и убил. А на мосту его самого застрелили. За шею привязали провод и оттащили его за двор.

4 марта. Только сейчас узнал, кто такой Строков, мой начальник, батальонный комиссар, низенький человек, блондин, с большим лысеющим лбом. Из всех фраз, сказанных им в первую минуту знакомства, запомнилась одна.

– Я никогда, никого не кусал. И не жалею об этом.

Простяк… Но это только на первый взгляд.

А сегодня разговорились. Оказывается, он заведующий филиалом Академии наук, автор тридцати работ по археологии. Руководитель раскопок в Новгороде.

– Мы докажем, что Рюрик совсем не ставленник варягов.

– Почему не ставленник?

– Потому что нами открыто, что вещи и оружие, которые приписываются варягам, появились на Руси не вместе с Рюриком в X веке, а раньше, они встречаются по раскопкам в VII веке.

– Когда меня мобилизовали – думаю, что взять из дома? Взял самое ценное – свою докторскую диссертацию. Она была переплетена в кожу, в типографии оттиснули название, сотни чертежей и фотографий в ней. Сколько труда! Но мне всю жизнь везло. Я копал как раз там, где находились самые интересные вещи.

Когда нашему полку поручили защищать Калинин… Что это была за война… Я был командиром взвода. Восемь человек у меня осталось от взвода. Ни у кого уже не было рубашек: все изорвали на перевязки. Я видел, что калининские казармы, где осталась моя диссертация, горят…

Потом рассказал мне, как долго возился с автором картины «Александр Невский». Ломал голову над костюмом Черкасова. Ночи напролет сидел, искал: была ли в тринадцатом веке дуга или нет?..

На привале. Фронтовые репортеры в районе Смоленска. Слева направо – Оскар Курганов, Константин Симонов, Евгений Кригер и Павел Трошкин. Западный фронт. 1941 год

Наш писарь П. маленького роста, на самом кончике носа – очки. Он был учителем литературы. Его бойцы привыкли видеть с двумя папками подмышкой и с винтовкой на плече. Винтовка кажется на нем необычайно длинной. Однажды он узнал, что ему не доверяют ночных дежурств. Он пришел к командиру.

– Я ничем не хуже и не лучше других!

Он добился своего. Пришел с дежурства в два часа ночи, в землянке спали. Он не нашел места, постеснялся тревожить и просидел на пороге остаток ночи – едва не замерз. Он был писарем при зам. нач. командира части по снабжению. Составил отчет за квартал. Этот отчет потом целый квартал разбирали.

– Понимаете, вы меня посадите на скамью подсудимых! – говорит человек со шпалой, его начальник.

– Ну что вы, Василий Петрович, разве я к вам так плохо отношусь? – удивлялся он.

У него стали спрашивать, куда он девал оправдательные документы.

– Подождите, я вспомню, в какую папку я их положил.

Начинает искать.

– Наверное, они остались в Чесменах. Нет, они остались в сгоревшей машине.

О нем забывали. Ему не нашли места. Потом он был послан на курсы младших лейтенантов.

Но я верю: когда он будет командовать взводом, а дивизия будет брать гору, он пойдет против горы и победит.

Бой шел за Подъяблоньки. Место открытое. Дело было на пашне. Политрук Владимиров был там. Танк шел вперед, вокруг него немцы в рост, рассыпанным строем. Танк прет прямо на пулеметчика, чтобы раздавить.

– Бросай гранату! – крикнул Владимиров.

С четырех метров просто сунул гранату под гусеницу. Танк завертелся.

До боя Ганжа подал заявление в партию. (Рассказал красноармеец Болотов.)

Боец носит в кармане гимнастерки веревочку. Она у него заветная. Уезжая на фронт, он снял ею мерку с сына. Вытягивает веревочку между рук: «Вот он какой большой». Веревочка для него все равно, что фотография.

17 марта. Ездил в командировку на левый край. Несколько дней сряду мороз и пурга, дороги занесены. Лошади не ходят. Пешком, по снежной целине, задыхаясь от ветра, шел от села к селу. Вернее, от пепелища к пепелищу. Угли погребены под снегом. Только кое-где торчит обгорелый кол – признак бывшего жилища – яблони да гнезда грачей на березах. Население угнали немцы.

В лесу, в просторной деревянной школе, в большой зале, заложив руки за спину, ходит огромный, осанистый, суровый подполковник. По краям стен несколько парт, на них горят свечи, так как окна забиты бревнами.

– Ну и нога у вас, – не выдержал, удивился я, – вот таким, должно быть, был Маяковский!

Он ответил:

– Маяковский – не знаю, а Петр Первый был выше меня на 32 сантиметра.

Я мысленно приложил к нему еще 32 сантиметра и представил себе Петра – богатырь! Русский народ – народ богатырей.

Траншеи занесены снегом. Пришлось на виду у немцев идти во весь рост. Меня обстреляли. Взвизгнули пули. Лег. Пополз…

В комнатушке десять политработников. Все измучились за день. Почти друг на друга легли – так тесно. На двуспальной кровати – молодая женщина с грудным ребенком. Он всю ночь кричал. Я не спал, не спали и другие. Ворочались, вздыхали, и ни одного звука недовольства!

Николай Романовский

ЗАПИСКИ ФРОНТОВОГО ЖУРНАЛИСТА

РОМАНОВСКИЙ
Николай Владимирович
(6.12.1909, село Коденцово Острогожского уезда Воронежской губернии – 13.1.1944, город Речица Гомельской области БССР)

Прозаик, литературный критик, литературовед. Окончил литературное отделение педагогического факультета ВГУ (1931), учился в аспирантуре Воронежского пединститута, в котором преподавал на кафедре русского языка и литературы (с 1934 года). Литературную деятельность начал в 1927 году. Член бюро Воронежского общества крестьянских писателей (1929). Активно участвовал в местной литературной и общественной жизни, много работал с молодыми авторами. Выпустил книгу рассказов «Статуй» (1933).

Незаконно репрессирован (был арестован и находился под следствием в 1938–1939 годах). Освобожден из-под ареста. С осени 1939 года доцент ВГПИ, автор книги «Владимир Маяковский» (1940).

Участник Великой Отечественной войны. Корреспондент газеты «Слово бойца» 48-й армии Брянского фронта. На фронте вел дневник, страницы из которого были опубликованы после По-

беды. В 1942 году награжден медалью «За отвагу». В представлении к награде ответственный редактор полковник Н. И. Пысин писал: «За время работы в редакции (с апреля 1942 года) тов. Романовский показал себя настоящим журналистом-бойцом. Помимо проявления инициативы по улучшению качества газеты, он участвовал непосредственно в бою под Дишней 26–28 августа, где проявил мужество и отвагу. Тов. Романовский храбрый и стойкий командир-журналист. При выездах в командировки он всегда бывает на переднем крае и часто под огнем противника беседует с бойцами, подымает их боевой дух и организует материал для газеты. В работе дисциплинирован, показывает пример другим литературным сотрудникам редакции».

Погиб на фронте. После войны выходили его книги «Единство» (1945, 1954), «Избранное» (1950), «По фронтовым дорогам» (1958, 1971).

1942 год

Я ЕДУ РАБОТАТЬ В АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЕ

Март–апрель. Всю ночь с 12 на 13 марта через Верхний шли войска с фронта. Я еще ничего не знал, но догадывался, что произошли какие-то крупные изменения в дислокации войск. Утром я узнал от проходивших бойцов, что наши дивизии уходят на отдых. Но мы, газетчики, как обычно, продолжали работать над очередным номером. Только вечером редактор сказал нам:

– Номер, который мы выпустили, последний. Группа наша ликвидируется. Нам приказано явиться в политуправление фронта в полном составе. Подготовьтесь к отправке.

Ох, как было жаль покидать работу, с которой уже свыкся, людей, к которым привык. Медленно подготавливал я к перевозке радио, потом свои вещи, все еще надеясь, как на чудо, что мы останемся в прежнем составе, на старых местах.

Пятнадцатого мы прибыли в политуправление. Нас зарегистрировали. Выдали талоны в столовую, сказали, что придется обождать несколько дней, пока определится – куда нас нужно послать.

Я не имел воинского звания. Редактор газеты, в которой я работал, подал аттестационные листы Военному совету фронта, представляя меня к званию техника-интенданта первого ранга.

В моей характеристике указывалось, что я бывал на линии фронта, выполнял особые задания, добросовестно работал. Но ответа из Военного совета фронта еще не было.

Политуправление фронта решило направить меня и еще двух товарищей в Москву, в резерв Главного политического управления Красной армии.

Меня это обрадовало. Я надеялся, что мне удастся проездом через Воронеж повидать своих родных, сказать им несколько слов, посмотреть на них.

Собираться нам долго не пришлось, известно, какие у нас – солдат – пожитки! Мешок за спину, чемодан в руки и поехали.

Было это 22 марта. Ехали мы на грузовике до Ворошиловграда. Дорога, по которой мчался автомобиль, была когда-то заасфальтирована, но теперь появились выбоины и, налетая на них, машина высоко подбрасывала нас.

Мы мчались через шахтерские городки, прикорнувшие у подножия огромных терриконов. Мертвые шахты, мертвые провода электропередач – вот что с болью запоминалось…

Вечером приехали в Ворошиловград. Остановились на Транспортной улице, неподалеку от вокзала.

Наш старик-хозяин служил в железнодорожных мастерских, и видел я его только один раз. Его жена уступила нам свою большую широкую кровать. Одну ночь она переночевала в комнате дочери, а потом уехала за мукой в Тарасовку. Хозяйничали в доме дочки: Аня и Ната. Муж Наты – фотограф, больной туберкулезом, по-хорошему любопытный человек, как видно, много читал, хорошо понимал события. Смотрел он на всех внимательными, большими глазами, словно боясь, что вот пропустит что-то важное и умрет, не увидев это важное. Он мне очень понравился.

Выехали мы из Ворошиловграда 25 марта утром и, по моему плану, поехали на Лихую, а не на Миллерово. Я рассчитал так: поезд

Ростов – Москва идет из Ростова переполненным. В Лихой посадка небольшая, а в Миллерово большая.

Расчет мой оправдался. Правда, от Лихой до Миллерово мы всю ночь занимали «мягкие места» в коридоре вагона, на своих вещах, но от Миллерово ехали уже сидя, а от Россоши – лежа на верхних полках.

Ехали мы, не предполагая, что нас подстерегают на пути приключения совсем не веселого характера.

В вагоне было светло от лунного света. Ехали мы быстро. Кто-то пел песню, кто-то рассказывал о боях – о том, как героически сражалась «Червона Украина», отбиваясь от десятков вражеских самолетов.

Неожиданно, заглушая стук вагонных колес, над нами прошумел самолет, и как раз против нашего вагона, слева и справа, вспыхнули два ярких клуба пламени и раздались сухие взрывы. От взрывной волны слева высыпались стекла. Поезд мгновенно остановился.

Мы поняли, что нас бомбит немецкий самолет. Раздались крики. Люди вскакивали с мест, бросались к выходу. Я выглянул в окно и увидел, как от поезда, от черной полосы полотна железной дороги, по белому, сияющему под луной снегу, бежали люди, не думая о том, что на снегу они видны лучше, нежели темный поезд на черном полотне.

Машинист начал медленно подавать поезд вперед. Вновь над нами прошумел самолет. Я видел, как мелькнула его тень на снегу, так он был низко. Слышалась пулеметная стрельба. Это немцы из пулемета стреляли по бегущим в поле людям. Я успел увидеть в окно длинные огненные полосы – следы трассирующих пуль.

Поезд остановился, затем быстро пошел назад. Он шел задним ходом все быстрее и быстрее. И вдруг неожиданно стал. Раздались два взрыва. Вздрогнул весь состав. Люди выпрыгивали и бежали, карабкаясь по крутому откосу, в небольшой лесок, тянувшийся вдоль железной дороги.

– Все из вагонов! Ложись!

Это командовал начальник поезда.

Мы тоже выскочили из вагона. Вновь появился над поездом самолет и начал стрелять трассирующими пулами из пулеметов.

Я быстро поднялся на откос, но не побежал в лес, а, наоборот, повернул в сторону, полагая, что немцы будут обстреливать именно лесок. Я лег в снегу вдоль тени, отбрасываемой телеграфным столбом. По моим следам бежала женщина с грудным ребенком.

– Ложись! – крикнул я, но она ничего не понимала и продолжала бежать, плача и задыхаясь, пока не упала обессилев.

Отсюда, где я лежал, хорошо было видно, как горело что-то позади, на станции Сагуны. Огонь поднимался высоко, распространяясь все шире и шире.

Впереди нас был какой-то разъезд. Вражеский самолет появился над ним, сбросил пару бомб, построчил из пулеметов и ушел…

Постепенно люди начали приближаться к вагонам. Кто-то сказал:

– Впереди разбит путь…

Я пошел вдоль поезда, чтобы посмотреть, что произошло. Две бомбы попали в вагоны-теплушки, наполненные людьми. В одном из вагонов, или точнее под обломками вагона, кто-то громко стонал. Я присоединился к нескольким военным, пытавшимся вытащить из-под обломков раненых и убитых. Вытащили женщину. Она была мертва. При ярком лунном свете я разглядел ее простое, деревенское платье, суровое лицо русской женщины, руки, сжатые в кулаки.

Вытащили мертвого красноармейца. Ему разорвало живот.

Потом мы вынесли мужчину, одетого в железнодорожную форму. Положили возле кювета. Он еще был жив. Я наклонился над ним. Он спокойно смотрел на меня и, чуть-чуть задыхаясь, говорил:

– Братишка, дай снегу, пить хочу…

Я видел, что ничто уже не поможет ему. У него была оторвана левая рука по плечо и разорвана грудь так, что выпирало легкое.

– Дай пить, братишка, – снова попросил он.

Проклятый снег! Тщетно я царапал его пальцами, он был какой-то жесткий и сыпучий, – сухой, как песок. Я набрал пригоршню и принес умирающему, но ему уже не нужно было ничего. Я высыпал снег рядом с ним. Снег моментально почернел, впитывая кровь. А луна светила еще ярче – даже морщинки были видны на лице мертвого…

В половине первого ночи мы приехали на разъезд, выдержав четырехчасовую схватку с врагом. Было убито и умерло от ран человек семьдесят. В двух разбитых теплушках были женщины, дети, раненые красноармейцы, ехавшие на излечение. Были старики, были и молодые, только начинавшие жить...

Такова была ночь с 28 на 29 марта, ночь, когда я приближался к городу, откуда полгода назад уехал на войну, – городу, где жили мои родные.

Наступило утро. Люди вернулись к будничным дорожным делам. Плакали дети и матери успокаивали их. Говорили о боевых делах раненые красноармейцы.

Мы подъезжали к Лискам. Скоро Воронеж. Я все больше и больше тревожился о том, как бы мне повидать своих.

В Лисках я хотел позвонить с междугородной станции, но провод был занят, и я отказался от этой попытки, боясь отстать от поезда.

Я обратился к только что сменившемуся дежурному по станции с просьбой позвонить моим воронежским товарищам и предупредить их, что я буду проезжать мимо. Я дал ему пятьдесят рублей на оплату телефонного разговора. Это были мои последние деньги, но я надеялся, что дежурный окажется честным парнем...

Чем ближе подъезжал я к родному городу, тем больше волновался. Вон там я занимался со своим взводом истребителей, по той дороге ходил на стрельбище, а там вот, давно-давно, еще когда был студентом первого курса, готовил первый экзамен. Все это вспоминалось теперь...

Поезд подошел к вокзалу. Я выпрыгнул из вагона и пошел вдоль перрона, почему-то мало надеясь встретить своих.

Навстречу мне шли мама и моя приемная сестра Дуняша, а рядом с ними Миша Булавин. Мама внешне изменилась мало. Она старалась держаться бодро и, несмотря на то, что зрение ее ослабело, рассмотрела меня с большого расстояния. Она улыбалась, была очень рада видеть меня. Она даже заметила след ожога на суставе большого пальца моей правой руки. Часто повторяла одну и ту же фразу:

– О нас не беспокойся. Мы живем хорошо.

Эту фразу я не раз встречал и в маминых письмах. Теперь, услышав ее, я внутренне горько улыбнулся: где же это «хорошо», если на все наложила свою лапу война?..

Дуняша тоже внешне изменилась мало. Но я понял, что и ей пришлось немало передумать о своей судьбе, о будущем. Она стала духовно старше. Это чувствовалось даже в том, как она встретила меня.

Я всматривался в Булавина. Он как-то осунулся, постарел. Глубокие морщины лежали на его лице. Это его разыскал дежурный по станции из Лисок, и Булавин, несмотря на короткий срок, успел предупредить моих родных, отпросился со службы, чтобы увидеть меня. Он засыпал меня вопросами: как дела на фронте, как сопротивляются немцы, как ведут себя их пленные. Я торопливо отвечал ему, одновременно рассказывая своим о себе, о том, где был, куда еду и зачем.

Вся беседа носила отрывистый характер. Полчаса пролетели незаметно.

– По вагонам! – крикнула женщина-проводник.

Я поспешил к вагону. Подошел второй состав и отрезал наш поезд от перрона, где остались мама и Дуняша…

В обратном порядке развертывались передо мною знакомые картины: предместья города, дачные поселки, узкие рукава схваченных льдом рек. Но уже больше ничто не возбуждало моего интереса. Я чувствовал себя усталым, разбитым, но довольным: я повидал своих. Когда-то теперь придется их вновь увидеть? Да и придется ли?..

Вскоре я крепко заснул и проснулся где-то уже далеко от Воронежа.

Всю дорогу до Москвы я блаженствовал. От мамы я получил большой мешок с продуктами. Там были уже забытые мною за время фронтовой жизни белые лепешки, которые она успела выпечь для меня, были сухари, сахар, сало, сливочное масло. В общем, не мешок, а целый гастрономический магазин вез я с собой.

Кроме того, мама дала мне 600 рублей денег, и я чувствовал себя богатым человеком…

Но вот и Москва! В сумерках замелькали дома ее предместья.

Внезапно сквозь грохот поезда я уловил глухие удары зенитных пушек и увидел, как зарево выстрелов освещает края неба. Поезд

стал. Пассажиры, волнуясь, начали спорить – идти ли пешком или сидеть в поезде, ждать, когда окончится воздушная тревога. Зенитки били все яростнее. Казалось, каждый дом Москвы превращен в гнездо для пушки. Я вышел на площадку, стал всматриваться в небо, на котором как-то неожиданно появились облака. Нигде не было видно самолетов, не слышно их гула. Видимо, зенитчики вели заградительный огонь, обнаружив одиночный немецкий самолет.

Наступила тишина. Поезд вздрогнул и тихо, словно крадучись, пошел вперед.

Казанский вокзал.

Едва мы вышли на перрон, как милиционеры предложили нам немедленно укрыться в станции метрополитена. Воздушная тревога продолжалась. Мы пытались доказать милиционерам, что нам нужно идти устраиваться на ночлег, что пока ведь нет ничего опасного. Все-таки нам пришлось просидеть в метро часа полтора.

Хождение по Москве разрешалось до 24 часов, тревога кончилась около 23 часов. Мы решили идти искать какую-нибудь квартиру. Но, если в прифронтовых деревнях это было очень просто – войдешь в любую хату и спросишь: «Как у вас, много военных? Поместиться есть где?», – то в Москве подобный метод поисков ночлега был неприменим.

Нам посчастливилось. Мы везли с собою посылку жене одного работника отдела кадров фронта. Пошли по адресу. Долго стучались в квартиру, но никто не открыл. Постучались в другую. Случайно попали в квартиру отца нашего знакомого. Ночлег нам был обеспечен. Отец разбудил свою невестку. Она перетащила нас к себе. Проснулись двое мальчиков. Услышав, что дяди приехали от папы, они не хотели спать до тех пор, пока не узнали, что в посылке. А мы ужинали, сидя у самовара за большим столом.

На следующий день я пошел осматривать Москву. Мне хотелось взглянуть, как она выглядит в дни войны.

На улицах лежал снег, его сгребали в кучи и сносили во дворы, где высились целые снежные горы. Поперек улиц и площадей виднелись противотанковые препятствия: вбитые в землю под углом рельсы, бревна. Были разбросаны противотанковые «ежи» из рель-

совых кусков. Из мешков с землей сложены баррикады. Они виднелись даже на центральных площадях. На Зубовской площади было несколько рядов таких мешков и противотанковых надолб. Широко был распространен камуфляж. Все напоминало о недавних тревожных и героических днях, когда в октябре 1941 года Москва готовилась к уличным боям.

Я всматривался в лица прохожих. Лица у большинства были сосредоточенные, суровые.

По центральным улицам, где раньше ездили только легковые автомобили, теперь с ревом и грохотом мчались грузовики с ящиками, бочками. Появились забытые Москвою дроги и тяжелые битюги. Они дополняли транспорт.

В метро было по-прежнему людно. Но света было мало. Движение поездов было только до 8 часов вечера, трамваи шли до 11 ночи. Ночью город погружался в глубочайший мрак. В метро всюду висели объявления о том, что во время воздушной тревоги женщины и дети прилегающих районов обязаны укрыться здесь. Запрещалось брать с собой громоздкий багаж, домашние вещи. Для мужчин предоставлялись вестибюли метро.

Здание Большого академического театра стояло все в лесах. В него попала крупная немецкая авиабомба, и теперь шел ремонт. Театр Вахтангова был разбит авиабомбами.

У кинотеатров стояли огромные очереди зрителей. Шли фильмы: «Свинарка и пастух», «Разгром немецких войск под Москвой» и «Машенька». Директоры кинотеатров, вероятно, не жаловались на недостаток публики...

Мы отправились в Главное политическое управление Красной армии. Нас зарегистрировали в комендатуре и направили в Военно-политическое училище им. Ленина, где размещался резерв ПУРа.

Меня занесли в списки 4-й роты. Состав роты был пестрый. Здесь были газетчики, писатели, политработники, позже сюда влились авиадесантники.

Почти каждый вечер в клубе бывали лекции, кинокартины или концерты. Картины шли всегда новые, а концерты давались лучшими силами актеров.

Военный фотокорреспондент «Известий» Д. Бальтерманц снимает на станции Раздельная-1. Под Одессой, 1944 год

Я еще не успел как следует присмотреться к быту резервистов, как меня и остальных, прибывших со мною с Южного фронта, вызвали в ПУР к старшему батальонному комиссару. Он подробно расспросил меня, где и как я работал. Я рассказал ему обо всем, закончив просьбой послать меня или в разведку, или в авиационную школу. Батальонный комиссар заявил, что меня используют только на работе в армейской газете и, конечно, в ближайшее время. Говоря со мною, он вскрыл мою боевую характеристику. Читал ее, держа в руках карандаш с красным и синим графитом. Подчеркнул первую строку красным, затем вторую, третью… После один из резервистов пояснил мне:

– Красным он подчеркивает только хорошее. Синим – плохое или неопределенное.

У меня в характеристике батальонный комиссар не сделал даже черточки синим карандашом. Я понял, что мне долго не придется сидеть в резерве...

Восемнадцатого апреля меня снова вызвал к себе в ПУР батальонный комиссар. Он дал мне прочитать выписку из приказа Наркомата обороны, где значилось, что мне присваивается звание техника-интенданта первого ранга. Я сказал, что и Военный совет Южного фронта, вероятно, уже присвоил мне звание. Батальонный комиссар улыбнулся:

– А мы не стали ждать их! Завтра же надевайте три квадрата и ходите по форме... Ну а теперь получите назначение на службу. Поедете на Юго-Западный фронт. Будете довольны новой работой. Армия, в какую вы едете, это не только особая, но и особенная армия. Готовьтесь ко всему!..

Я получил на руки предписание о назначении меня литературным сотрудником армейской газеты. Мне предлагалось немедленно выехать на место службы. Пунктом назначения указывалось Касторное.

Вместе со мной должны были ехать еще два сотрудника нашей газеты. Нам предстояло первыми прибыть в Касторное и все подготовить к скорому приезду остальных редакционных работников.

Выехали мы 25 апреля. Билеты на Касторную я взял через Воронеж.

Грязная, холодная «теплушка» была забита до отказа в течение всего пути. Сутки мы могли только сидеть. Спали, сидя на узких досках. От такого сна ломило шею часа три после пробуждения.

В вагоне были раненые, возвращающиеся из госпиталей. Для многих из них война уже кончилась, и они решали вопрос: где будут работать, как их встретят родные, как будут жить.

Один молодой паренек сказал:

– Вот я не женился до войны, а теперь кто пойдет замуж за безногого?

А другой, безрукий, ответил ему:

– Ничего, горя меньше и обиды меньше...

Страдание! Все чаще и чаще приходилось мне слышать это слово и постигать весь ужасный смысл его…

Но вот и Воронеж! Затемненный вокзал, на котором я так много раз бывал, казался ненужно большим и неуютным. В залах вповалку спали на полу люди, с мешками, узлами, ящиками. Большинство – женщины и дети. Эвакуированные…

Было уже около двух часов ночи, когда я и мои спутники подходили к дому, где жили мои родные.

Волнуясь, я постучал в окно. Волнуясь, вошел в знакомую кухню. Все были дома, но на всех лежал отпечаток усталости. Начала суетиться мама! Наскоро приготовила ужин. Все было очень трогательно.

Скоро моих спутников разморило. Им постлали на полу, и они заснули. А я не мог спать. Ведь я так давно не виделся со своими. Сидя на кухне, мы разговаривали: я, мама и Дуня…

Долго задерживаться в Воронеже я не мог и поэтому не успел побывать всюду, где хотел.

Вечером 29 апреля мы выехали в Касторную и ночью были уже там. Долго блуждали, пока нашли военного коменданта. Он сказал, что наша армия отбыла на Брянский фронт.

Через сутки мы были у цели. Город изменился мало с тех пор, как я там был в 1935 году. Лишь кое-где на улицах виднелись остатки противотанковых рвов и преград. Немцы пробыли в городе только четыре дня и отступили настолько поспешно, что не успели разрушить его.

Мы разыскали Политуправление фронта. Один из моих спутников заглянул в отдел кадров. Вышел оттуда улыбаясь:

– Прибыли по назначению. Идите получайте путевки.

В этот же день, вечером, мы вышли за город к контрольно-проверочному пункту, чтобы найти попутную машину.

Грузовой автомобиль, на котором нам пришлось ехать, все время останавливался, чихал. В колонне было четыре грузовика. Вскоре один выбыл из строя. Спешно перегрузили ящики с аварийной машины на нашу. Еле-еле к полуночи мы добрались до большого села Афанасьево.

Хозяйка избы, в которой мы остановились на ночевку, напоила нас молоком. Рассказывала о том, как были у них в селе немцы. Меня заинтересовал следующий случай. Один немец сказал хозяйке:

– Матка, вы, русские, начали война.

Но когда он ушел, другой немецкий солдат сказал:

– Не, матка, не русские, а Гитлер делал война… Его надо – во!

И он показал, что Гитлера нужно повесить. Потом он ласкал детей хозяйки и опять-таки жестами объяснил ей, что у него дома осталось трое детей, что им нечего есть:

– Они теперь – капут!..

Это означало, что в немецкой армии нарастала усталость от войны, рождались скрытые настроения протеста.

Рано утром мы поехали дальше. Шел непрерывный дождь. Дороги размокли. Машины шли медленно, то и дело буксовали. Сначала у меня промокла шинель, потом гимнастерка и белье. Шинель стала твердой и тяжелой.

Так добрались мы до Ливен. Здесь был устроен отдых часа на четыре. Немного обогрелись, напились горячей воды, называя ее «чаем», чтобы казалась вкусной. Снова поехали. Но нам не удалось переехать маленький ручей около Ливен. Слишком вязкий был грунт.

От местных жителей мы узнали, что до нужной нам станции из Ливен вообще нельзя проехать: дороги залиты, машины загрузают.

Мы решили ехать поездом. Размешивая сапогами жидкую грязь, пошли километра за четыре на вокзал. Увы! Никакого вокзала не было там, где ему полагалось быть. Виднелась лишь груда обгорелого кирпича и щебня, остатки железных конструкции. Но именно на этом-то «вокзале» нам повезло. Отсюда как раз отправлялся поезд.

Мы очутились снова в теплушке, на этот раз в настоящей. Растопили железную печку, уселись вокруг нее, начали сушить белье и шинели. Пар валил, как в прачечной.

На станцию назначения приехали не то первого, не то второго мая холодным дождливым утром. Здесь все было сожжено и разрушено. Мы позавтракали на развалинах водонапорной башни тем, что у меня оставалось от продуктов, которые мне дала на дорогу мама.

Потом пошли в село искать свое начальство. Село начиналось здесь же у станции и тянулось далеко по обеим сторонам длинного оврага.

Мы разыскали Политотдел армии. Зарегистрировались. Узнали, что кроме нас троих прибыл еще один сотрудник редакции.

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ

Май–июнь. Началось томительное ожидание начала работы. Скоро приехал редактор нашей газеты, но еще не было остальных работников, не было и машин.

Я ходил на «разведку» в административно-дорожный отдел, в местную типографию, пытаясь заранее подготовить все возможное для успешного начала работы.

Армия, в которую мы прибыли, только создавалась.

В деревне, где мы жили, как и в большинстве деревень этой полосы, было много кирпичных домов с соломенными крышами. Около некоторых домов имелись крытые скотные дворы. Камня и кирпича здесь было много, и потому все постройки были кирпичные или каменные.

В хатах полы земляные, потолки обязательно деревянные из некрашеных досок.

Мы жили на самой лучшей в селе квартире. Сестры-хозяйки любили чистоту. Стены в их хате были чисто выбелены, выбелен был и потолок. Дощатый пол они часто мыли, потому что мы спали на полу.

Я присматривался, что делают жители. В селе почти не осталось мужчин. Были только старики, инвалиды да мальчишки. Всё делали женщины.

Медленно поднимались озимые хлеба. Яровых сеяли мало: не было ни тракторов, ни лошадей, – всё съела война! Некоторые жители копались на своих огородах, надеясь на них получить больше, нежели на полях, по которым не сегодня-завтра могли пойти войска и танки и вытоптать все. Ходили в поле и рыли прошлогодний

картофель. Его много осталось некопанным в бороздах. За зиму он вымерз, превратился в крахмал, пропитанный землей. Этот картофель выбирали из земли, промывали водой, сушили и толкли. Получался ржавого цвета крахмал. Из него пекли лепешки, добавляя немного муки.

Май был холодный. Часто шли дожди, было, как осенью. К первому мая еще не появился ни один листик на деревьях. Желтели прошлогодние травы...

...Редактор собрал нас на совещание и объявил, что пора начинать готовить материал для газеты.

Девятого мая я отправился в артиллерийский полк. Мне удалось устроиться на открытой площадке бронепоезда. Ночь была холодная, ветер пронизывал до костей, бронепоезд шел тихо. Порою небо разрезали лучи прожекторов. Они метались по небу, как чьи-то призывные руки. Из трубы паровоза вылетали огненным шлейфом искры. Мне было весело и интересно: начиналась уже знакомая – тяжелая, но привычная жизнь фронтового журналиста, особенно приятная после долгого безделья.

В темноте промелькнули развалины станции. Мы подъехали.

– Где здесь можно остановиться? – спросил я какого-то человека, стоявшего у пути.

– А идите сюда, – как-то уныло сказал он.

Я пошел за ним.

Велико было мое удивление, когда он привел меня в транспортное отделение милиции.

– Ваши документы? – спросил он.

Я дал ему документы и заметил:

– Какие строгости!..

– А как же! Ведь вы приехали на фронт!..

– Фронт? – переспросил я. – Какой же это фронт? Фронт от вас за двадцать километров.

Он обиделся на мое замечание и заявил, что здесь не зал ожидания и что я могу идти на вокзал. Но здесь топилась печь, а я осно-

вательно промерз. Я сел у печки, скрутил папиросу и равнодушно ответил:

– А вот покурю, тогда и уйду...

Обогрелся и пошел искать вокзал. Огромное здание вокзала оказалось разрушенным, уцелела только западная часть. Там имелся «зал ожидания» – большая комната без оконных рам и дверей. На полу стояла вода, было холодно и сыро. При свете спичек я нашел скамью и улегся на ней. Такая обстановка для меня не была новой, видал я виды и похуже. Но спать пришлось мало, чертова сырость разгоняла сон. С восходом солнца я решил пойти в какую-нибудь хату, отдохнуть в тепле, а потом начать поиски полка.

Раньше это была большая узловая станция. Теперь всюду тянулись длинные ряды развалин. Стояли под крышей только стены паровозного депо, там продолжалась работа.

Дома́, прилегавшие к вокзалу, или были сожжены или брошены хозяевами. Я направился в рабочий поселок, неподалеку от депо. Зашел в один из домиков. Было 5 часов утра, и хозяева уже проснулись. Лег спать на полу на какой-то подстилке или коврике.

Проснулся я от надоедливого звука, похожего на стук падающего на железную крышу дождя. Это где-то рядом бил пулемет. Я огляделся – хозяев в комнате не было.

До меня донесся гул германского аэроплана. Потом послышался заунывный вой, все больше и больше нараставший. Это падала воющая бомба, и я невольно ощутил где-то под сердцем холодок. А проклятая бомба выла все сильнее. Потом глохнул разрыв. Весь дом вздрогнул, с потолка упали крупные куски штукатурки. Тотчас же послышался снова все тот же нарастающий вой. На этот раз бомба разорвалась еще ближе.

Гул самолета затих. Я решил выйти на улицу, посмотреть, что делается, но выходная дверь оказалась запертой снаружи. Я огляделся вокруг и увидел вторую, во двор. Толкнул ее, она открылась и что-то с грохотом покатилось по ступенькам. Я был весьма сконфужен: оказалось, что я опрокинул кувшин с молоком, поставленный у двери на крыльце.

Против домика стоял «максим», задрав вверх дуло. Пулеметчики хлопотливо закладывали ленту в приемник. Снова послышался гул самолета. На высоте приблизительно 800 метров, ныряя в облаках, шел «Ю-88». Начали строчить пулеметы. «Юнкерс» прошел над станцией и скрылся на западе.

Скоро вернулись хозяева. С сокрушенным видом я признался, что опрокинул кувшин. Но хозяйка лишь махнула рукой:

– Черт с ним! Тут вся жизнь опрокинулась…

Она рассказала мне, что, когда началась тревога, она пыталась разбудить меня, трясла за плечи, дергала за ногу, но я не просыпался. Она не выдержала и кинулась из комнаты. Самолет сбросил четыре или пять бомб, потом со второго захода еще две. Взрывы этих двух последних бомб я уже слышал, а первые проспал. Ну и сон стал крепок! Действительно, «хоть из пушек пали». Значит, привык я к этой музыке. А вот стоит услышать мне радио или стук пишущей машинки, и я моментально просыпаюсь…

Я позавтракал захваченными с собой продуктами и отправился разыскивать артиллерийский полк. Оказалось, что нужно идти километров за десять в другое село.

Когда я пришел туда, солнце уже было на закате, большое, красное. Нежно-зеленая, еще не тронутая загаром листва деревьев. Пахучие майские травы. Маленький пруд с неподвижной водой и отраженными в ней вербами. Трогательно-наивный перепел, зовущий «пить пойдем», и пронзительный квак лягушек. Все это дышало миром, было напоено сумеречной прелестью и торжественностью. И здесь же рядом – развалины большого села, остовы станционных построек, дотла сожженный вокзал, от которого остался лишь чудом уцелевший заборчик с двумя надписями: «Для мужчин» и «Для женщин»…

Я разыскал штаб полка. Ответственный дежурный проверил мои документы и попросил меня немного обождать, пока придет военком. Я сидел недалеко от тихого и мирного пруда. Ни наши, ни немцы не стреляли. Трудно было представить себе, что в пяти километрах проходит фронт, в окопах сидят бойцы и внимательно следят за вражескими позициями, готовые каждую минуту открыть огонь.

В темном небе прошли самолеты. Их гул заглушил на время лягушечий концерт и крик перепела. А потом вновь наступила обманчивая тишина прифронтовья…

Спал я в ту ночь, как обычно, крепко, подставив под бока три табурета различной высоты и оставив между ними интервалы, чтобы не было коротко. В изголовье я положил пачку старых газет и какую-то книгу. А шинель, как всегда у солдата, была и матрацем, и простыней, и подушкой, и одеялом.

Утром я отправился на батарею.

На холме, в небольшом вишневом саду, раскинулась вторая батарея. Замаскирована она была так тщательно, что я заметил гаубицы только тогда, когда попал непосредственно в ее центр. Гаубицы стояли в глубоких укрытиях, около них суетились орудийные расчеты, шла, обычная даже для прифронтовья, учеба. Обучали новых наводчиков и заряжающих, осуществляя принцип взаимозаменяемости. Орудийные расчеты действовали быстро и четко. Люди хорошо владели техникой, верили в ее мощь и любили ее. Неожиданно пошел дождь, а затем мелкий снег, и я видел, как бойцы заботливо кутали орудия.

Я начал говорить с батарейцами. Большинство из них – народ бывалый. Они прошли немалый путь, прежде чем закопаться в землю здесь. Их слова были уверенны и просты. На первой батарее я, например, встретил одного артиллериста, который должен был в этот день впервые выполнять функции наводчика. Раньше он был заряжающим, но быстро и точно изучил сложное искусство наводки. Я спросил этого, уже немолодого человека, недавнего колхозника:

– Ну, как будете сегодня стрелять?..

Спокойно, без тени хвастовства он ответил:

– Будьте уверены, отстреляю не меньше чем на хорошо.

Скоро он начал стрельбу. С наблюдательного пункта, откуда-то километра за четыре, передавали ориентиры и команды. Певуче повторял команду телефонист, за ним громко и протяжно командир батареи, а за ним командир орудия. Наводчик молниеносно устанавливал прицел. Заряжающий вталкивал в орудие тяжелый снаряд, замковый запирал замок, все отбегали в сторону. Грохала гаубица, из ее ствола вырывался огненный букет, со злобным воем рассекая

воздух, мчался вдаль снаряд. Проходили секунды, и к нам доносился приглушенный расстоянием разрыв. Потом снова пел команду телефонист, ее повторяли командиры и грохала гаубица…

Новый наводчик сделал 15 выстрелов. Я спросил его:

– Ну как? Уверены, что стреляли хорошо?

– Обязательно! Это штука нехитрая!

Нехитрая штука – 122-миллиметровая гаубица! Этот маленький завод, на изобретение которого понадобились столетия, недавнему колхознику уже казался «нехитрой штукой»…

В штабе я узнал результаты стрельбы. Новый наводчик разбил два германских блиндажа и уничтожил около взвода германских солдат. Воображаю, что там у них творилось!

За три дня я побывал на четырех батареях, создал всюду корреспондентские пункты, собрал для газеты материал. Эта работа меня увлекала. Я был с людьми, которые воевали. Здесь все было просто, бесхитростно, все мелочное было отброшено. Эти люди знали, что они «ходят по краю смерти», и жили дружно.

Среди них я встретил изумительно влюбленных в свое дело. Особенно запомнился мне воентехник второго ранга Шевцов. Он сумел собрать из брошенных деталей 8 тракторов. Бродил по полям, разыскивал подбитые, обгоревшие тракторы, развинчивал их, переносил на себе многопудовые грузы, кропотливо работал. Теперь эти тракторы возят восемь тяжелых гаубиц. Он нашел кузов автобуса. «Уздечка» была, оставалось подобрать к ней «лошадь». И он подобрал. Разыскал автомобильную раму, переклепал ее, подогнал под кузов, установил мотор, собранный из разрозненных частей. Сам варил, ковал, паял – и теперь в полку есть свой штабной автобус, действующий безотказно.

Или вот еще тракторист Туровский.

Однажды, когда артиллеристы решили создать кочующую огневую точку, он соорудил деревянную грушу с дырой посредине и вбил ее в выхлопную трубу. Трактор работал настолько тихо, что гаубицу удалось подтянуть очень близко к немецким укреплениям. Артиллеристы произвели несколько выстрелов и быстро скрылись. Утром они узнали, что разбили сильно укрепленный немецкий дзот.

Я видел у артиллеристов баню. В вырытой на косогоре пещере они установили два котла: в одном была холодная вода, в другом – горячая. Почти круглые сутки в бане мылись красноармейцы. Приходили мыться бойцы и из других частей. Они завидовали артиллеристам, а те смеялись, советовали:

– Возьмите лопаты, отройте себе такую же, вот и будете ходить чистыми.

Люди в артиллерийском полку были изобретательны. Они умели работать и работали хорошо.

Вечером я наблюдал замечательную картину. Над нами пролетело три наших самолета. Вскоре из большой тучи, ярко вырисовывавшейся на узкой полоске догоравшего заката, выкатилась яркая светящаяся точка. Она росла и медленно плыла к земле. Это была осветительная ракета на парашюте, выпущенная нашим самолетом. Снизу, навстречу ракете, протянулись светящиеся пунктирные линии. Немцы били из десятка пулеметов трассирующими пулями по ракете, чтобы погасить ее. Вдруг из тучи потянулись к земле такие же пунктирно-огненные полосы, вспыхнуло зарево. Самолеты обстреливали немцев трассирующими пулями и бомбили их позиции. Это происходило километрах в 15 от нас.

Потом всё вдруг сразу потускнело. Бомбежка окончилась. Снова прошли над нами самолеты. Настала прифронтовая тишина.

За трое суток я очень близко вошел в быт артиллеристов, сроднился с ними, и уходить от них в скучную обстановку тыла мне никак не хотелось...

Пятнадцатого мая наша редакция переехала в село Соловьевку, ближе к фронту. В те дни мы ждали приказа о наступлении, и вторые эшелоны подтягивались к передовой позиции.

Жили мы в большом сарае, над рекой.

Местность здесь была по-русски красивая Невысокие холмы с обнаженными и размытыми водою склонами, извилистая река с берегами, опушенными вербой, глубокие овраги с бьющими в них ключами чистой и вкусной воды. И заросли жасмина и черемухи. Целые рощи этих простых душистых цветов. По вечерам в небе по-

лыхали закаты, раскатисто пели в кустах фетовские и тютчевские соловьи. Падали холодные росы на сочную луговую траву. Тихо плыла река, и в ней отражался берег и хаты… Соловьевку немцы не тронули, они прошли через нее, поспешно отступая. Так и стояла она в своем первозданном виде – типичная русская весь.

Эх, жить бы здесь да любоваться закатами! Но сюда чаще доносились глухие удары пушек. По утрам высоко летели, тоскливо ноя, германские самолеты. Была война!

Наслаждаться трелями соловьев и прелестями природы мне не пришлось.

22 мая я выехал в гвардейскую дивизию. Добрался до села Васильевки, где разместилась редакция дивизионной газеты, переночевал там и во второй половине следующего дня был в штабе дивизии. Село было начисто выжжено. Штаб дивизии и политотдел помещались в овраге.

Я разыскал начальника политотдела, отрекомендовался ему. Сказал, что немедленно отправляюсь в действующий гвардейский полк. Мне указали направление, которого я должен был держаться.

Я шел по дну неглубокого оврага. Слева на горе виднелось наполовину сожженное большое село Елагино, Я вышел к развалинам какого-то хутора на правом берегу реки Труды. Немного отдохнул и, перейдя на левый берег, пошел по свеженаезженной дороге. Вдруг сзади что-то грохнуло, и снаряд, стеная и воя, пролетел над моей головой. Била наша батарея, установленная на бугре. Выпустила несколько снарядов и умолкла. Я шел спокойно, зная, что раз здесь стоят дальнобойные орудия, значит, до передовой еще далеко.

Неожиданно неподалеку с треском разорвался снаряд, затем другой. Очевидно, немцы сумели засечь расположение нашей батареи и вели по ней огонь. Еще несколько снарядов разорвалось поблизости от батареи, но вреда ей не причинили. А батарея, хитря с врагом, молчала, создавая видимость, что она уже либо разбита, либо сменила позицию…

С высокого, крутого берега мне хорошо была видна долина извилистой, неширокой реки. Кое-где на огородах работали женщи-

ны. Фронт был недалеко, но они все же сажали капусту, картофель, стремясь использовать каждый клочок земли.

Подходя к селу Трудки, я обернулся и увидел, что позади медленно идет красноармеец. Я подождал его и попросил довести меня до штаба полка. Он шел из госпиталя. Беднягу трепала малярия. Даже на щеках у него выступила лихорадочная сыпь. Но он шел на передовую, чтобы засесть в окопе, в сырой и холодной земле. Он знал: нужно уничтожить фашистскую Германию, чтобы снова был мир. Он жил этой надеждой, как миллионы наших бойцов, таких же, как и он, терпеливых и стойких.

В штабе полка я встретился с военкомом – молодым парнем, вероятно, в прошлом рабочим. В его речи еще сохранились остатки производственной терминологии. Военком расспросил меня, куда я хочу пойти, и обрадовался, узнав, что я иду на передовую.

– У нас тут уже бывали из газет, но никто дальше штаба полка не ходил. Вы будете первым, побывавшим среди наших бойцов на передовой.

Военкому подали ужин. Он радушно разделил его пополам со мною; жиденький суп из пшенной крупы и кружку яблочного компота.

Я решил идти к бронебойщикам, в роту ПТР. Военком дал мне провожатого, и мы пошли. Днем здесь было небезопасно ходить: немцы занимали высоты, хорошо пристреляли все наши дороги, и как только замечали, что кто-либо идет на передовую, начинали бить из пулеметов и винтовок. Ночью идти было легко, немцы стреляли редко.

Провожатый привел меня к политруку роты ПТР Губареву.

Губарев – уральский рабочий, попал на фронт в качестве политбойца. Красноармейцы полюбили его за справедливость, честность, веселый нрав. Вскоре Губарева выдвинули на политическую работу. Он хорошо разбирался в людях, быстро улавливал достоинства к недостатки каждого, умел воздействовать на бойцов личным примером.

Газета 6-го гвардейского стрелкового корпуса «Гвардейский удар».
Волховский фронт, лето 1942 года.
На лесной полянке стоит шест. На нем табличка с надписью «Редакция».
Поставленный на ребро ящик заменил стол. На нем – пишущая машинка.
Сотрудник редакции политрук Петр Магеров пришел в «машбюро».
Он только что вернулся из действующих частей, бросил на землю свой вещмешок, блокноты. Он торопится сдать в номер информацию с поля боя. А слева, на походной скамеечке, художник готовит клише в газету.
Он тоже вернулся из роты, где зарисовывал героев вчерашнего боя.
Фото и текст писателя М. Л. Поляновского

Из разговора с ним я узнал, что состав роты хотя и молодой, но хорошо обученный. Большинство бронебойщиков еще не было в боях и лишь мечтало о том, чтобы поскорее встретиться с вражескими танками. Был в роте лишь один сержант Зайцев, который разбил из ПТР дегтяревского типа два средних германских танка, да еще боец Каструба, который из ПТР уничтожил германский станковый пулемет. Утром я поговорил с этими людьми и коротко записал их беседы-рассказы.

Заметки эти пошли в первом номере нашей газеты, вышедшем первого июня 1942 года.

Рота ПТР жила на огневом рубеже, в окопах. Взводы были расположены веером, ружейные расчеты отрыли для стрельбы ячейки и установили в них ружья. Рядом с ружьями лежали противотанковые гранаты и патроны. День и ночь велось наблюдение за противником, чтобы в любой момент отразить возможную танковую атаку.

Ночью Губарев пошел проверять посты и боевые охранения. Я был с ним. Медленно шли мы от взвода к взводу. В темноте едва угадывались фигуры часовых. Они тихо окликали нас: «Стой! Пропуск!» Мы называли себя, говорили пропуск, потом подходили к окопам. Губарев разговаривал с каждым часовым, проверял – как он знает свои обязанности, здесь же исправлял замеченные ошибки. Так мы обошли весь оборонительный рубеж и вернулись к блиндажу, где жил Губарев.

Сели на бруствере. До рассвета оставалось недолго, но в роте никто не спал. Бронебойщики рыли ходы сообщения и маскировали их, чтобы утром немцы не заметили новых сооружений. Политработники и командиры несли бессменную вахту, им разрешалось спать только в утреннее и дневное время.

В воздухе все время хлопотливо тарахтели наши самолеты, официально называемые «ночными бомбардировщиками». Тот, кто не знает их секрета, никогда не предположит, что эти «ночные бомбардировщики» – самые настоящие «У-2», те самые, что до войны мирно возили почту, низко летая над городами и селами. На них обучалась летному делу молодежь в аэроклубах. На них вылетали в отдаленные села врачи к тяжело больным.

Теперь «У-2» возили по паре бомб. Каждый самолет вылетал несколько раз за ночь. Перелетев линию фронта, летчик выключал мотор, и самолет бесшумно шел над германскими укреплениями. Выбрасывал ослепительную ракету с парашютом, и она медленно падала, освещая под собою землю. Летчик отыскивал наиболее удачную цель и аккуратно накрывал ее парою бомб. Если этого было мало, стрелок, сидевший позади летчика, строчил из пулемета, а порою пускал в ход и противотанковые гранаты. Затем пилот

давал самый полный газ, мотор вновь начинал работать и самолет шел за новой порцией бомб, гранат и пулеметных лент. Посадочные площадки были здесь же, неподалеку, и самолеты успевали за ночь отбомбить гитлеровцев раз семь-восемь. Днем эти самолеты, чтобы не быть замеченными боевыми машинами немцев, летали низко, метрах в двадцати над землей.

На таких самолетах работают подлинные герои. Возьмем боевой, да еще скоростной бомбардировщик. Что там имеет пилот в своем распоряжении? Точные аэронавигационные приборы, огромную скорость, надежную броню, хорошее вооружение. А здесь никаких приборов, кроме компаса, нет, брони нет никакой, весь самолет построен на деревянной раме, обтянутой авиационным полотном, вооружен лишь одним пулеметом, а скорость его с выключенным мотором километров 50–60 в час. Его можно подбить из пистолета. Нужно быть человеком великой смелости, чтобы летать на таком «ночном бомбардировщике».

Нам с Губаревым легко было наблюдать работу «У-2», ведь от нас до немецких проволочных заграждений было около километра, и разрывы авиабомб происходили буквально у нас перед глазами…

Наступило утро. На востоке показалось солнце, и мы пошли спать в блиндаж. В нем было тесно и сыро. Солома впитала в себя много влаги, но мы завернулись в шинели, укрылись плащ-палаткой и заснули, не чувствуя ни холода, ни сырости. Проснулись часов в девять, когда уже начало пригревать солнышко…

Днем я переходил из взвода во взвод, беседовал с бойцами, помогал им писать заметки в газету, организовывал корреспондентские пункты.

Мне довелось присутствовать на митинге, где обсуждалось только что полученное обращение Военного совета фронта об усилении обороны, о строительстве непреодолимой для врага оборонительной линии. Выступало много бойцов, они клятвенно заявляли, что германские танки здесь не пройдут. В беседе со мной бойцы спрашивали:

– Когда же наступленье? Надоело ждать. Скорей бы!

У всех было одно желание – вперед, на запад! Люди верили в победу, в свои силы и хотели идти вперед. Но еще не настало время…

Часов в шесть вечера я вернулся в штаб полка.

Военком подробно расспрашивал меня о моих впечатлениях, и я понял, какое большое значение придавал он моим оценкам. Понял я и другое – как много нужно знать фронтовому журналисту. Нужно знать и ПТР, и артиллерию, и стрелковое дело, и пулеметы, и минометы, и танки, и авиацию. Нужно быть универсально-образованным в военном отношении человеком, чтобы работать на передовой, где каждое твое слово воспринимается как совет, а порою и как приказ…

Мне дали сопровождающего, и я пошел с ним к автоматчикам. Уже стояли сумерки, и мы спокойно шли вдоль реки Туровец, пробиваясь сквозь густые заросли лозняка, переползая по бревнам, перекинутым через многочисленные рукава реки. Сейчас идти здесь было сравнительно безопасно, а днем всю местность простреливали немцы.

Мы подошли к полуразрушенной хате. Здесь был командный пункт роты автоматчиков. В хате было темно – нельзя зажигать свет, увидят немцы. Политрук роты спросил у меня устный пропуск, предложил поужинать.

Потом мы пошли с ним проверять посты боевого охранения и секреты. Мы шли молча, стараясь не зацепить каблуком ни один камень, чтобы не выдать себя звуком. Начинались наши проволочные заграждения. Около самой проволоки автоматчики отрывали блиндажи. Они торопились закончить работу до утра, чтобы немцы ничего не заметили. Мы вышли за проволоку. Здесь уже не было наших бойцов. Где-то недалеко в кустах сидели немецкие автоматчики. Мы продвинулись бесшумно вперед, напряженно прислушиваясь. Стояла тишина. Даже лягушки молчали.

Вдруг раздался легкий удар лопаты о камень, и кто-то выругался по-немецки. Все было понятно. Немцы тоже рыли блиндажи. Два автоматчика, сопровождавшие нас, знаками просили у политрука разрешения «пугануть» немцев. Но делать этого было нельзя. Ведь поблизости находились вражеские секреты и боевое охранение…

Утром я наблюдал жизнь ротного командного пункта. Пришли из окопов автоматчики за письмами и бумагой для курева. Пришли из штаба батальона посыльные, принесли новые приказания, получили донесение о том, что ночью никаких происшествий не произошло... С кухни принесли завтрак – суп из перловки и хлеб. Командиры приготовили в порядке самодеятельности «чай»: вскипятили в котелке речную воду, заправили ее «заваркой» и пили, закусывая хлебом. Сахару не было, зато соблюдался весь необходимый ритуал чаепития.

Часов в восемь я и политрук пошли в окопы. Я всматривался в ту сторону, где были немцы. Ярко зеленела озимая рожь. Все освещалось солнцем до резкости. Не было видно ни одного человека. Казалось, что передо мною расстилается мертвый край. Но я знал, что немцы внимательно следили за нашими окопами и стоило кому-нибудь забыться и высунуться, десятки пуль впивались в бруствер.

На нашей стороне в ячейках для стрелков тоже стояли наблюдатели и тоже «ловили» немцев на мушку, едва кто из них показывался из окопа. Бойцы жалели, что нет винтовок – из автомата далеко не выстрелишь.

Наблюдатели несли вахту, а остальные бойцы спали. Всю ночь они рыли ходы сообщения, маскировали их. Теперь был час отдыха.

Я разговорился с автоматчиками. Они начали рассказывать о своей учебе, об окопных буднях. А политрук встал у бруствера с карабином в руках. Вот он выстрелил раз, другой... Потом еще и еще. Оказывается, заметил троих гитлеровцев километрах в полутора и начал обстреливать их. Стоявший рядом с политруком боец после утверждал, что один вражеский солдат упал и не поднялся. Но политрук не был уверен в этом и не хотел приписывать себе лишнего.

У автоматчиков я взял три заметки и вместе с политруком вернулся на командный пункт роты. Три заметки, написанных бойцами на передовой! Для меня эти три листка бумаги с отпечатками масляных, грязных пальцев были очень дороги. Я знал, как будут читаться эти заметки в окопах, когда туда попадет газета, сколько разговоров вызовут они. Боец, написавший заметку, вырежет ее и будет носить

в кармане вместе с документами, а может быть, отошлет родным, чтобы они сберегли ее...

На обратном пути я случайно заметил у развалин хаты миномет. Свернул туда. Оказалось, что я попал на огневую позицию отдельного гвардейского минометного дивизиона. Комиссар батареи напоил меня чаем. Я познакомился с командиром дивизиона, поговорил с минометчиками, взял и здесь материал. Можно было возвращаться в редакцию. В моем кармане лежало штук 20 заметок на разнообразные темы. Это было неплохо, если учесть, что я работал только два дня.

Уже ночью, часов в 11, я добрался до Васильевки. Переночевал здесь. Расспросил, как пройти к Верховью, думая уехать оттуда на попутном автомобиле или на поезде. Оказалось, идти недалеко – километров семь. Пошел.

Хорошая это была дорога. Только что прошел небольшой дождик. Не было пыли. Пахло луговыми цветами, а их здесь – масса. Особенно много белого клевера с его медовым запахом.

Высоко в небе играла радуга. В ближнем вербняке куковала громко и долго кукушка. Мне хотелось крикнуть, как в детстве:

– Кукушка, кукушка, сколько лет мне жить?..

Я вышел на большак. Мне повезло. Я случайно нашел автомашину, отправлявшуюся до Красной Зари, и уселся в кузов. Но неподалеку от Соловьевки мы увязли в грязи. Машина буксовала. Все мы, сколько нас было, вылезли из машины и начали вытаскивать ее, сами увязая по колени.

...Вернулся в редакцию и начал отрабатывать материал, понемногу сдавал его начальнику отдела. Поездкой своей я был доволен, так как привез две хороших подборки, об автоматчиках и о бронебойщиках, и неплохую хронику.

После поездки на передовую я имел много свободного времени. Написал письма домой и знакомым ребятам. Работал над рассказами «Машенька» и «Синий платочек», но закончить их не успел. Привел в порядок свои записи. Конечно, всего в тетрадку не запишешь – события движутся быстрее, нежели ржавое перо по бумаге.

Двенадцатого июня я снова выехал на передовую. Поездом добрался до Верховья.

Переночевал в рабочем поселке в домике железнодорожника и рано утром двинулся в путь. Решил сначала зайти в Турово к моим старым знакомым в гаубично-артиллерийский полк.

Дошел до пересечения железной и грунтовой дорог. Присел на землю в ожидании попутной машины. Меня догнал мужчина лет сорока. Мы разговорились. Он оказался туровским колхозником.

– Сам я больной, – рассказывал он мне. – Да и жена больная. Ну куда ее эвакуируешь? Опять же у меня хата…

Тут он произнес фразу, которая глубоко взволновала меня:

– Она, хата, хоть и доброго слова не стоит, а все же свой угол. Всю зиму я в ней прожил, да еще двенадцать бойцов при мне жили!

Сокрушенно рассказывал он мне о том, как немцы разорили их село. Был глубоко убежден, что скоро войне конец:

– Побьем мы их беспременно. Мы такая нация, что нас не осилишь!..

Приехал я в Турово и почему-то сразу почувствовал, что артиллеристов здесь уже нет. Однако прошел вдоль всего села. Признаков пребывания артиллеристов не было нигде. Дом, где помешался штаб, был пуст.

Я вышел на какой-то огород. Решил отдохнуть, а заодно и подзакусить. Развел костер, разогрел банку консервов. Покурил.

Ко мне подошла пожилая колхозница. Внимательно всматриваясь в меня, поздоровалась. Я спросил – уехали ли артиллеристы и когда? Женщина ответила, что не знает, может и уехали. Я понял, что фронт приучил ее к осторожности, что она сперва хочет знать – кто я такой. Разговор у нас постепенно наладился, и женщина с хитрецой заявила, что не видела меня здесь раньше, хотя артиллеристов знает всех.

Потом она сказала, что артиллеристы уехали, но направления так и не указала. Молодец! Она понимала, что передвижение войск является тайной.

От проходившего мимо меня бойца я узнал, что рядом находится хозчасть стрелкового полка. Полк этот занимал оборону близ села

Верхняя Залегощь. Я решил воспользоваться случаем и побывать в боевых порядках полка. Добрался до командного пункта и, посоветовавшись с комиссаром, решил идти в 1-й батальон.

Стоял тихий, теплый вечер. Алая заря тянулась над тёмно-зелёными полями. Была какая-то подкупающая тишина. Пахло травами, и мне казалось опять, что здесь нет войны и что я просто вышел на прогулку. Погуляю и вернусь домой, к своим...

Связной отвел меня в первую роту. Командир роты и политрук встретили меня радостно и удивленно:

– К нам сюда из газет никто еще не приходил.

Жили командиры в глубоком овраге. По дну протекал чистый ручей. Росли густые деревья. Блиндажи были вырыты надежно и прочно в ближнем к немцам боку оврага, их могло разрушить только прямое попадание снаряда из крупнокалиберного орудия.

Посмертная книга фронтовых записок Николая Романовского, вышедшая в Воронежском книгоиздательстве в 1945 году

Утром я пошел в первый взвод. Он занимал оборону на бугре, мыском выдававшемся в лощину. Бугор порос плодовыми деревьями. Виднелись развалины трех или четырех хат. В кустах валялись обломки сундуков, домашняя утварь, обрывки одежды. Это были следы грабежа, учиненного отступавшими гитлеровцами.

Отсюда хорошо были видны вражеские окопы, проволочные заграждения в несколько рядов. Я долго всматривался вдаль, но немцев не было видно. Они прятались, боясь наших снайперов.

К тому же вчера днем их здорово потрепали наши бойцы, устроив засаду. Я поговорил с теми, кто был в засаде, и там же написал от их имени заметку. Вот она:

«До войны мы были охотниками. Умели бить разных зверей. А теперь научились уничтожать зверей гитлеровской масти. По старому охотничьему обычаю решили мы применить против них засаду.

Товарищи Гусев и Хивинцев пошли на разведку местности. Пробирались, где ползком, где перебежкой, укрывались в кустах и траве. Часа четыре они внимательно наблюдали за вражеским расположением и, наконец, установили, что немцы начали рыть ходы сообщения.

Наши разведчики заранее присмотрели место, где можно устроить засаду. Часов в двенадцать следующего дня мы втроем взяли винтовки, гранаты, ручной пулемет и направились выполнять боевую задачу.

День был хороший, солнечный. Дул ветер. И солнце, и ветер помогали нам. Солнце светило в спину и, таким образом, затрудняло немцам наблюдение за нами. Ветер должен был относить звуки наших выстрелов назад. Он шевелил траву так, что вражеские наблюдатели не могли обнаружить нас.

Приползли на облюбованное вчера место. Осмотрелись. Захотелось подобраться еще ближе к врагу. Вновь поползли. Крапива обжигала руки и лица, но она и защищала нас. Мы были уже у проволочного заграждения противника, у минного поля. Приготовили несколько укрытий, наметили ориентиры.

Фрицы, как ни в чем не бывало, рыли ход сообщения. Мы решили подождать, пока гитлеровцы пойдут на отдых или к ним придет смена. Спешить в таком деле не приходится. Чем больше выдержки, тем вернее успех…

Вот из одного блиндажа вышел немец, Гусев и Степанов заволновались:

– Давай стрелять!

Невыгодно было стрелять: мелковат зверь. Еще раз прошел мимо нас фриц совсем близко, но мы все ждали…

Под вечер из хода сообщения вышло 35 гитлеровцев с лопатами и винтовками. Когда они оказались на открытом месте, между двумя ходами сообщения, и не более трехсот метров отделяло их от нас. Застрочил наш пулемет. Фашисты упали на землю и поползли.

Мы сначала били залпами по ползущим, а потом быстро перебежали на запасную позицию, чтобы ударить с флангов.

Уходя в засаду, мы условились, что наше подразделение, заслышав стрельбу, тоже откроет огонь, чтобы сбить немцев с толку. Так и случилось.

Фашистов охватила паника. Они пытались ползти в разные стороны, но их настигали пули. Уничтожив 13 гитлеровцев, мы скрытно отошли к своим.

Заместитель политрука А. Здоров, младший сержант С. Гусев, красноармеец Н. Степанов».

Мне очень понравился Степанов. Молодой, как видно, сильный парень, среднего роста, с простым открытым лицом. Он был очень сметлив. Вся его энергия и ум были отданы войне. Он уже командовал отделением, и надо сказать, что это было лучшее отделение в полку. Вместе со своими бойцами создал великолепные блиндажи, глубокие ходы сообщения, вложив в них немало труда и хорошо использовав рельеф местности. В нем чувствовались прирожденные способности воина.

У наборной кассы. Газета «Гвардейский удар». Волховский фронт, лето 1942 года. Укрывшись в тени хвойных деревьев, установили наборные кассы Валя Бойцова и Федя Федотов. Молодые наборщики из города Боровичи добровольно пошли на фронт. Работать на воздухе прохладнее и спокойнее. Если появится вражеская авиация – бомбоубежище рядом. Но и жизнь наборщика не застрахована на войне. Позднее Федя погиб на боевом посту. Фото и текст подписи писателя М. Л. Поляновского

Когда я возвращался на командный пункт батальона, со мной произошел забавный случай. Я шел один по указанной мне лощине. Опять стояла обманчивая тишина, опять пахло белым диким клевером и было так хорошо, что я вновь забыл о войне и фронте. Вдруг я невольно подумал: «А вот где-то идет паровоз», хотя паровозу-то в этих местах взяться было неоткуда. Резкий взрыв раздался прямо над моей головой. То, что я принял за звук паровоза, было звуком летящей мины. Я сильно оробел и замер на месте. Со свистом рассекая воздух, падали, уходя в землю, осколки мины. Я подумал: «Эге, брат, ни на минуту нельзя забывать, что мы на войне. Не время теперь мечтать...»

Ночевал я во втором эшелоне полка на погребице. А утром отправился в соседний стрелковый полк, который вел бой за разъезд Дичня. Там должен был быть интересный материал.

День выдался пасмурный. Дул сильный ветер. Низко шли облака. Поля казались угрюмыми. По сторонам стояла невысокая рожь. Холод мешал ей расти. Много полей поросло густым сорняком. На них ничего не успели посеять. Проклятая война прервала труд колхозников. Тяжело было смотреть на эти засоренные поля...

Я отыскал командный пункт одного из батальонов полка. Батальон находился на отдыхе после боя. Впрочем, отдых этот был чисто военным. Все бойцы были заняты строительством оборонительных рубежей. Берега небольшого ручья превращали в эскарпы и контр-эскарпы. Людей было немного. Очень велики были потери в недавнем бою за Дичню.

Я говорил со многими бойцами, участниками боя. Большинство из них пришло на фронт недавно. Держались они в бою великолепно, и, несмотря на неудачный исход операции, сохранили бодрость и уверенность, что скоро возьмут реванш. Они так и говорили: «Хоть немцы и побили нас, но зато мы многому научились и теперь наверняка побьем их».

В батальоне, как и во всем полку, наряду с русскими было много казахов и азербайджанцев. Дрались они хорошо. Вообще, в полку было много героев. Замечательно действовали два пулеметчика: Захаркин и Жиляев. Они поддерживали наступление станковым пуле-

метом. Неожиданно случился поперечный разрыв гильзы патрона. Извлекателя у них не было. Они сменили ствол, но вскоре получилась та же история. При помощи шомпола и штыка они извлекли куски гильзы. Но тут – новое дело! От бешеной стрельбы в кожухе пулемета выкипела вся вода. Тогда Захаркин ползком принес воды в каске. Все это делали они в разгар боя, под сплошным огнем немецких автоматов, пулеметов и минометов.

Сорок пять немецких автоматчиков начали окружать Захаркина и Жиляева. Но и на этот раз наши пулеметчики не растерялись. Метко стреляя, убили 30 человек. Остальные разбежались.

Я внимательно присматривался к Захаркину и Жиляеву. Обыкновенные, простые люди. Но какая заключена в них сила! Сколько в них мужества и отваги. Командир сказал мне, что представил их к награде.

Колоритной фигурой был связист казах Исхан Джалмухамедов. Он находится в самом пекле боя, когда мина порвала наш провод. Исхан не растерялся и подключился к проводу соседней роты. Все время у него была связь хорошей. Спокойный, скуластый, с лицом монгольского мудреца, он сидел передо мной в блиндаже и рассказывал о себе скупыми, спокойными словами.

Потом я побывал в третьем батальоне. Здесь мне также пришлось услышать много интересного от участников боя под Дичней.

Вот что рассказал мне один из них – Аблы Гусейнов, азербайджанец, впервые участвовавший в бою:

«Я был подносчиком патронов при станковом пулемете. Поддерживая наступление стрелков, мы залегли у проволочного заграждения врага и поливали его огнем. Немцы заметили наш пулемет и открыли по нему ожесточенную стрельбу. Мне хорошо были видны фашистские солдаты. Я поставил перед собой четыре коробки с патронами, уложил на них винтовку и начал стрелять по врагу в упор. За несколько минут я убил семерых фашистов, а восьмого тяжело ранил...»

Аблы имеет весьма невоинственный вид. Худой, длинноносый, он очень застенчив и свою застенчивость часто прикрывает мягкой улыбкой. Вряд ли он когда-либо собирался драться на войне, да еще

на какой войне! А вот теперь он несколько сконфуженно рассказывает мне о том, как, собственно говоря, спас и пулемет, и взвод людей.

В третьем батальоне я встретился с казахом санитаром Бурбаевым, настоящим героем. Рискуя жизнью, он бесстрашно выносил с поля боя бойцов и их оружие. Он действовал, как подлинный советский патриот. Бурбаев спас жизнь сорока двум бойцам. Сорок два человека он вынес из боя только за один день. А на следующий день он пополз на место битвы и разыскал своего тяжело раненного двоюродного брата.

Интересный народ оказался и в роте пулеметчиков. Ко мне подошел усталой, разбитой походкой молодой паренек по фамилии Вежлев. На затылке у него уже отросли «косички» оттого, что он долго не стригся. Шинель – короче некуда. Выше колен висели ее изодранные полы. На спине, на груди, на боках – всюду она была изодрана.

– Это минные осколки так порвали шинель, – объяснил мне Вежлев.

Мне было известно, что он так решительно действовал своим ручным пулеметом, что заставил замолчать два вражеских дзота. Его ранило в левую руку и в правую ногу, – он мог бы выйти из боя, но не вышел и дрался до конца...

С грустью покидал я полк. Всегда, когда мне приходится расставаться с такими людьми, я словно что-то теряю. Может, это от сознания собственных недостатков, от желания быть таким же мужественным и отважным?.. Вероятно так...

В Россошном я редакцию уже не застал. Она перекочевала в Измалково. Пришлось и мне ехать туда.

Михаил Аметистов

МЫ ИЗ ВОРОНЕЖА

АМЕТИСТОВ
Михаил Евгеньевич
(01.02.1909, город Темрюк Кубанской области – 25.02.1985, Москва)

Поэт, прозаик, очеркист. Родился в семье священника, расстрелянного в 1938 году. В Воронеже с 1928 года. Работал в котельной электростанции. Служил на Балтийском флоте (1930–1936). С 1936 года – штатный сотрудник газеты «Коммуна», работал корреспондентом отдела культуры, писал стихи.

Участник Великой Отечественной войны. Сотрудник газеты 3-й армии «Боевое знамя». Награжден тремя орденами – Красной Звезды и Отечественной войны II степени (дважды). В представлениях к наградам ответственный редактор газеты подполковник А. В. Винтилов писал: «Тов. Аметистов постоянно находится на передовых позициях с наступающими частями и подразделениями. Он умело и оперативно показывает в газете отличившихся в боях героев и их подвиги»; «Тов. Аметистов – высококвалифицированный журналист и поэт. Большую популярность приобрел его стих “Дочь рядового” – о встрече на прусской земле бывшей невольницы немецких рабовладельцев, освобожденной нашей армией, со своим отцом. Тов. Аметистов написал ряд стихотворений, посвященных бо-

евым делам и героям армии. Кроме того, он выявил немало молодых талантливых поэтов из среды бойцов и офицеров, помог им творческой консультацией. Все свои силы и знания он отдает газете, неустанно сплачивая вокруг нее авторский актив»; «Капитан Аметистов М. Е. в наступательных боях показал себя опытным, инициативным и смелым журналистом. В первый же день боев на реке Друть он дал интересную информацию о прорыве вражеской обороны. Он написал несколько интересных очерков и зарисовок о героях боев, об освобождении Бобруйска, Минска, Волковыска. Знание жизни подразделений, тесная связь с бойцами и опыт помогают ему организовывать интересный материал». Ряд материалов присылал с фронта в воронежскую «Коммуну».

В 1946–1947 годах, в ходе идеологической кампании, поднятой постановлением оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», подвергался критике в Воронеже.

В 1949–1961 годах жил в Сталинграде, с 1962 года – в Москве, где работал в агентстве печати «Новости». Публиковался в альманахе «Литературный Воронеж», коллективных сборниках. В Воронеже у М. Е. Аметистова вышли книги: «Начало» (Воронеж, 1929; совместно с Вениамином Богатырёвым), «Острогожск» (Воронеж, 1939, 1949), «Людмила Григорьевна Тафинцева. [Учительница колхоза "Путь к социализму", депутат Верховного Совета РСФСР]» (1939), «Герой гражданской войны Иван Домнич» (1941), сборник стихов «У переднего края» (1943).

За ночь саперы навели переправу, соединившую два берега глубокой и быстроводной реки С. Один из них утром станет ареной жестокого боя. Рассвет приближался в грохоте и вспышках артиллерийской подготовки. Гвардейцу Василию Черноротову, расположившемуся в 15 метрах от реки, временами были видны настилы низководного моста и фигуры пехотинцев, перебегающих на тот берег.

А когда совсем рассвело, немцы открыли бешеный минометный и артиллерийский огонь по переправе. И хотя наши части уже имели плацдарм на правом берегу – порча моста осложнила бы дальнейшие действия. Это знал Черноротов. Ему, саперу, особенно

понятны были расчеты немцев. Вражеский огонь не утихал. С визгом и ревом снаряд разорвался у первого звена моста. По сухим доскам побежали язычки пламени. Черноротов вскочил и прыжками помчался к берегу. Справа ударил немецкий пулемет. Ни идти, ни ползти было немыслимо.

Тогда Василий Черноротов вынул из сумки гранату и метнул её. Столб воды поднялся вверх и обрушился на горящие настилы. Сейчас же полетели вторая и третья гранаты, с изумительной точностью ложась в нескольких сантиметрах от моста. Снова и снова каскады воды рухнули вниз, заливая пламя.

Через переправу двинулись машины с боеприпасами. Спас мост Василий Черноротов, воронежец из Каширского района.

Почти в те же часы гвардии младший сержант Иван Новоковский, окопавшись на окраине кладбища, вел огонь из пулемета. Бой шёл за расширение плацдарма на правом берегу. Пьяные немцы несколько раз пытались переходить в отчаянные контратаки. Безуспешно! Иван Новоковский прижимал их к земле широким веером пулеметных очередей.

Из-за бугра, как раз против огневой позиции Новоковского, показались башни двух «Тигров». Тупорылые танки выползли на равнину. Стволы орудий медленно вращались, нащупывая цель. Как приклеенные к бортам танков, шли в очередную контратаку гитлеровцы. Новоковский выжидал. Он подпустил машины на расстояние, с которого можно действовать наверняка. Когда пришло время, снова заработал гвардейский пулемет. Убитые и раненые немцы валились на землю. Гвардии младший сержант Иван Новоковский отсек пехоту врага от танков, частично уничтожил её, а уцелевших повернул вспять.

Но танки продолжали полным ходом идти вперёд. Новоковский опустил пулемет на дно окопа, заботливо укрыл его полою шинели, а сам лег около. С лязгом и скрежетом танк перевалил через окоп, засыпав храбреца землей. Как только он прошёл, младший сержант выскочил и метнул в боковую часть машины две противотанковые гранаты.

Пять контратак отразил, уничтожив в них до 80 солдат и один танк, воронежец, бывший бригадир-колхозник хутора Журавлева Меловатского района Иван Тихонович Новоковский.

С фронта, из далекой Белоруссии, родителям в колхоз пришло письмо: «Уважаемые Тихон Петрович и Наталья Петровна, – писал гвардии полковник. – Командование части, в которой служит ваш сын, благодарит вас за его воспитание. Он стал мужественным и отважным солдатом Красной армии. Большой и славный путь прошёл ваш сын. А теперь на берегу великой русской реки остановился он, чтобы вздохнуть, набраться новых сил и богатырским шагом перешагнуть Днепр. Всё у него есть для этого: и оружие, и хлеб, и сила, и мужество.

За подвиги в боях ваш сын награжден медалью “За отвагу” и орденом Отечественной войны 2-й степени. Часть наша завоевала почетное звание Гвардейской. С достоинством и честью носит ваш сын высокое звание младшего командира-гвардейца.

Книга фронтовой лирики Михаила Аметистова, вышедшая в Воронежском областном книгоиздательстве в 1943 году

Гордитесь, Тихон Петрович и Наталья Петровна! Своими трудовыми подвигами будьте достойны фронтовых подвигов вашего сына, гвардии младшего сержанта Ивана Тихоновича Новоковского».

Много воронежцев добывают славу на полях сражений за честь и независимость нашей Родины. От Белого до Черного морей держат они фронт вместе с остальными воинами Красной армии.

На нашем участке фронта широко известны имена воспитанника ВГУ тов. Бобровского – талантливого офицера-минометчика; связиста гвардии старшего сержанта, уроженца села Русская Буйловка Мак-

сима Лопатина, его боевого друга и стрелка гвардии сержанта Быкова из Воронцовского района.

В победоносных боях они пронесли пылающую ненависть к врагу человечества – немцу. Закалились в боях, стали мужественными и умелыми воинами. Грудь их украшают по заслугам ордена и медали Союза Советских Социалистических Республик.

Умелыми офицерами стали директор Лискинской школы гвардеец Иван Васильевич Максин, секретарь партбюро Липецкого мотороремонтного завода гвардеец Александр Михайлович Херувимов, награжденные медалями «За оборону Сталинграда» и орденами Красной Звезды.

Рабочий завода им. Дзержинского тов. Ногаев, уже пожилой человек, сотни раз рисковал жизнью, вынося с поля боя раненых. Герой-санитар награжден орденом Славы.

А как забыть о встрече в дремучих белорусских лесах с Леной? Когда-то она была скромной продавщицей в магазине Военторга на Пушкинской улице. Навстречу нашим частям она – политрук партизанской роты – вышла из чащи с автоматом в руках. Первый вопрос Лены был:

– Нет ли земляков? Я из Воронежа…

Да, мы из Воронежа. Из старинного русского Воронежа, ещё в давние времена ставшего форпостом против врагов земли русской. Как и тогда враги не могли пройти дальше Воронежа, так и сейчас наш вековечный враг немец дальше не прошёл!

Когда проклятые немцы топтали воронежский асфальт, мы были далеко, на другом участке фронта. Болью отзывались в наших сердцах несчастия родного города. Ненавистью наполняли наши сердца рассказы о муках земляков, об осквернении нашего прекрасного города.

Родной Воронеж! Мы уходили на призывные пункты мимо изумительных по красоте домов, по зеленым проспектам, мы уезжали на фронт в эшелонах, оставляя в дымке синего тумана громады зданий, трубы заводов социалистического Воронежа. Таким мы помним тебя. Таким сохраняем в сердцах. Таким ты предстаешь перед нами в минуты тихих бесед у фронтового костра.

Ты не таков сейчас. Разрушенный варварами, израненный, измученный… Но тем крепче наша любовь к тебе, к твоим ранам и мукам. Тем тверже наша решимость полной мерой воздать врагу. За всё, за всё мы квитаемся с ним: за убийства детей в Пионерском саду, за ужасы Песчаного лога, за село Сторожевое, дотла спаленное немцами, за руины Коротояка.

И нет предела нашей ненависти! Нет предела нашему мужеству в решающих боях за освобождение Отчизны!

Мы из Воронежа, товарищи земляки! И где бы ни были, где бы ни дрались – наши души с вами, с теми, кто героическим самоотверженным трудом поднимает хозяйство, восстанавливает города и села для победы и для новой счастливой жизни после победы.

Капитан Михаил АМЕТИСТОВ,
действующая армия.
«Коммуна», 1 января 1944 года

Пётр Прудковский

РОДНОЙ ГОРОД

ПРУДКОВСКИЙ
Пётр Николаевич
(12.08.1900, Москва – 18.02.1988, Воронеж)

Прозаик, член Союза писателей СССР (1935). Из дворян.

Детство провёл в городе Вильно. С 1915 года жил в городе Острогожске Воронежской губернии, позднее его почётный гражданин (1967). С 1918 года на комсомольской, затем партийной работе. Редактор уездной газеты «Наша жизнь» (1921). С 1927 года сотрудник газеты «Коммуна». Позже вспоминал: «Начало моей литературной работы тесно связано с газетой. Первые мои очерки, а затем рассказы и стихотворения начали печататься с 1926 года – в областной газете "Воронежская коммуна" и литературных приложениях к ней, а затем в журнале "Подъём". Работа в редакции "Воронежской коммуны" в качестве заведующего краевым отделом и разъездного специального корреспондента дала мне богатый материал о жизни советской деревни в годы коллективизации. На этом материале написаны мои повести "Бригада" (1933) и "Касиловцы" (печатавшаяся в журнале "Подъём" в 1934–1935 годах)».

Редактор районной газеты (город Фатеж Центрально-Черноземной области, 1930–1934). С 1937 года работал в Воронеж-

ском областном книжном издательстве (директор с 1953 года). Входил в состав редакции альманаха «Литературный Воронеж».

Участник Великой Отечественной войны. Главный редактор дивизионной газеты «В бой за Родину!» (1941–1945).

Автор более 10 книг, изданных в Воронеже, в том числе «Бригада» (1933), «Касиловцы» (1940), «Красная осень» (1957), «Время – молодым» (1964, 1980), «Так начиналась юность» (1967), «День настанет неизбежный» (1972).

Название родного города капитан Кащук увидел неожиданно – оно было четко выведено на одной из фанерных стрел, прибитых к столбу у перекрестка дорог. Регулировщица поставила указатель совсем недавно: белый обтесанный столб не успел еще обветриться и посереть, и янтарные прожилки смолы змеились по нему и пузырились на солнце.

Невольно замедлив шаг, Кащук с волнением оглядел этот придорожный столб, фанерную стрелу на нем и две свежие воронки у самого края шоссе.

Итак, черные от пожарищ дороги войны привели его сюда, в родные края, покинутые почти тридцать лет назад! Он снова увидит этот старинный литовский город, пройдет опять по булыжной мостовой его узких кривых улиц, – кто знает? – может быть, еще раз переступит порог родного дома, где прошло его детство, где так знакомо и памятно всё – от скрипа половиц в коридоре до никелированной резной верхушки звонка на дверях соседской квартиры.

...В душный августовский вечер тысяча девятьсот пятнадцатого года мать, держа его за руку, вышла из ворот низенького одноэтажного дома на улицу, где ждала их извозчичья пролетка, чтобы отвезти на вокзал. Тогда тоже была война... Мать положила на сиденье пролетки узлы с домашним скарбом, вернулась назад, во двор, отдать ключи соседке, – а он стоял, маленький, серьезный, томясь от жары в плотном ватном пальто, чувствуя, как что-то злое, властное вторглось в их жизнь и все сломало.

В переулке было темно. Безмолвно горбился на козлах пролетки извозчик... Мальчик огляделся кругом и вдруг заметил тусклый свет – это светилось окно их квартиры. Он подбежал, прижался лицом к стеклу, увидел опустевшую комнату, пустую железную кровать в углу, сдвинутые в беспорядке стулья, накрытый клеенкой обеденный стол... Над столом горела висячая керосиновая лампа с белым фарфоровым абажуром; уходя, мать забыла потушить ее. Они никогда уже не вернутся сюда! Сердце его сжалось, глаза застлало слезами, и язычок огня задрожал, стал двоиться, троиться... Вышла из калитки мать, торопливо усадила его рядом с собой в пролетку, и через минуту одинокий дрожащий огонек скрылся за поворотом улицы.

Потом они долго сидели на забитом беженцами вокзале; он засыпал и просыпался и видел вокруг себя все то же: спины людей, согнувшихся над своими корзинками и узлами, а вверху, под потолком, яркие белые шары электрических ламп. Поздно ночью внезапно потух свет и что-то загрохотало вдали, толпа зашевелилась, послышалось слово «цеппелин», и люди теснее прижались друг к другу. Но белые шары снова вспыхнули, стрельба затихла, а на рассвете пришел наконец поезд, и через несколько часов далеко позади остались и война, и родной дом, и неповторимые годы детства... Он крепко уснул, убаюканный стуком колес и мерным покачиванием вагона, а мать, держа на коленях его голову, задумчиво смотрела в окно, где быстро-быстро неслись навстречу телеграфные столбы и то поднимались, то опускались натянутые между ними нити...

С тех пор прошло много лет, менялась жизнь, менялись люди, изменился и он сам, но память навсегда сохранила этот последний вечер в родном городе, освещенное окно в темном переулке и тихо покачивающуюся над столом керосиновую лампу с белым абажуром...

Какими словами передать чувства, взволновавшие его, когда несколько лет назад рухнул наконец ненавистный рубеж, за которым так долго томился в неволе город его детства! С какой радостью думал он о нем, намереваясь вернуться в родные места. Но грянула война, и снова мутная волна вражеского нашествия хлынула по полям страны; под ударами тупой и жестокой силы гибло все, что

было дорого советским людям, что годами строилось и выращивалось ими с любовью, с заботой, с надеждой на будущее.

Будь прокляты те, кто разжег губительный пламень войны против народов его великой Родины!

Но больше этого не повторится, не должно повториться! Чтобы это не повторилось, он и шагает сейчас по изрытому воронками шоссе, а с ним – сотни, тысячи, миллионы людей, ненавидящих войну и потому готовых, не щадя сил, не щадя своей крови, сражаться со всяким, кто посягнет на их мирную жизнь, на их мирный труд!

* * *

Родной город встал перед ним в сером предрассветном мареве, весь окутанный дымом пожаров, с улицами, заваленными грудами щебня, и деревьями, побелевшими от известковой пыли…

В городе шел бой – невидимый, приглушенный каменными коробками домов, жестокий уличный бой. С автоматами в руках, с сумками, набитыми гранатами и взрывчаткой, бойцы, пригнувшись, пробегали через площадь и исчезали один за другим в узких щелях улиц, и оттуда доносились по временам то тяжелые, ахающие удары взрывов, то неистовая автоматная дробь…

Рота капитана Кащука после ночного боя в предместьях расположилась на отдых в наполовину разрушенном здании вокзала, отбитом накануне у противника. Бойцы разместились вдоль стен на массивных скамьях с высокими, чуть не в рост человека, спинками. И если бы не трупы, лежащие в углу, не сгустки крови на мозаичном полу, можно было подумать, что здесь собрались в ожидании поезда мирные, уставшие от долгого сидения пассажиры… Через час, а может быть и скорее, должен был наступить и их черед идти, но об этом мало кто думал: у каждого была своя забота, свои неотложные дела, которые всегда накапливаются к моменту коротких передышек в бою…

Один боец переобувался, поставив босую ступню на холодный пол, он с наслаждением пошевеливал розовыми, набрякшими от пота пальцами. Другой набивал патронами пулеметные диски. Молодой лейтенант, командир взвода, вполголоса спорил о чем-то со старшиной; связисты тянули провод от КП; девушка-санитарка, гор-

бясь от тяжести навалившегося на нее вялого, обессилевшего тела, вела раненого в одну из уцелевших комнат, где уже был развернут медпункт.

Над головой, сквозь рваный пролом в потолке и черные ребра стропил, голубело бледное утреннее небо. По железной лестнице, сильно поврежденной разрывом снаряда, Кащук поднялся во второй этаж уцелевшего крыла здания. Перила шатались, покосившиеся ступени дрожали и, казалось, готовы были вот-вот ускользнуть из-под ног. Врываясь в выбитые окна и пробоины в стенах, гулял по комнатам прохладный ветерок, приятно освежая утомленное ют бессонной ночи лицо.

У окна, выходившего на площадь, на куче каких-то обломков примостился человек – немолодой, коренастый, в потертом кожаном пальто поверх бумажной красноармейской гимнастерки. Кащук узнал его: это был фотокорреспондент одной из центральных газет, с начала наступления сопровождавший их полк. Не зная усталости, он кочевал из подразделения в подразделение, появлялся как из-под земли на батареях в самый разгар боя, вместе с автоматчиками вскакивал с разбега на броню танков и несся в самое пекло, неугомонный и неуязвимый. Сейчас, сосредоточенно поджав крупные пухлые губы, он навинчивал светофильтр на объектив своего «фэда».

– Доброе утро, капитан, – сказал он, притронувшись к козырьку фуражки.

– Здравствуйте, товарищ Захаров! – Они пожали друг другу руки. – Вы уже тут? Когда же это вы успели?

– А я еще со вчерашнего дня… я с Баштавенко был, когда вокзал брали. Вот видите – поцарапало даже…

И он, улыбаясь, показал на полу своего кожаного пальто, прорванного в нескольких местах.

– И только?

– Только. Что смотрите? Думаете – везет человеку! Да, мне пока везет. Очень везет, капитан, – повторил он в раздумье. – Хотя бы еще так повезло немного! Сказать не могу, до чего хочется дождаться конца.

– Ну, теперь, пожалуй, скоро…

Редакционная «летучка». Сотрудники редакции фронтовой газеты «За Родину» (слева направо): Г. Г. Куприянов и Л. И. Плескачевский (лит. сотрудники), К. П. Павлов (зам. редактора), С. А. Савельев (отв. секретарь), Т. Н. Мельник (фотокорреспондент), В. П. Московский (редактор), Б. А. Бялик и А. А. Исбах (писатели). Фото П. Б. Беренштейна. Северо-Западной фронт, Новгородская область, июль 1941 года. Доктор филологических наук Борис Аронович Бялик (1911–1988) в 1949–1953 годах читал лекции по советской литературе на филологическом отделении историко-филологического факультета ВГУ

– Разумеется, скоро. А то, в самом деле, обидно будет, если…

– Вот уж об этом, товарищ Захаров, думать, по-моему, не нужно, – сказал Кащук. – Только себя тревожить…

– Нет, отчего же? Думать обо всем надо. Знаете, что мне давеча один из ваших бойцов сказал о немцах? «Ну чего они, идолы, уперлись? Ведь все равно выбьем, не сегодня, так завтра! Неужто все еще сообразить не могут… непонятливые люди! Сколько из-за этого лишней крови уйдет…»

– Вы когда последний раз видели Баштавенко? Говорят, он ранен. Сильно?

– Нет, пустяки, в руку… Он там сейчас.

Кащук посмотрел в окно. Над северной частью города по-прежнему висело непроницаемое облако дыма, но правее небо было чисто, и на розовом фоне зари отчетливо вырисовывались готические башни старинного костела.

– Это – кафедральный собор. Я хорошо помню его,– сказал Кащук. – Он был виден из окон нашей квартиры. У ограды всегда стоял мороженщик, и мальчиком я бегал туда…

– Как? Разве вы…

– Я родился и вырос здесь. Это мой родной город. В пятнадцатом году немцы выгнали меня отсюда… теперь я выгоню их…

– И с тех пор вы ни разу не были здесь?

– Нет. Город ведь остался за границей.. После тридцать девятого года можно было поехать… и я собирался приехать сюда, да так и не успел… А война сама принесла… Здесь много красивых зданий… жаль, если придется попортить их. Когда город будет очищен, мы обязательно побываем с вами всюду…

Кащук вынул из футляра бинокль и долго разглядывал раскинувшуюся перед ним панораму города. Он видел хаотическое нагромождение зданий, черные щели улиц, как трещины на глыбе песчаника, гребни крутых черепичных крыш, уже заалевших под лучами солнца. И над всем этим возвышался крутой зеленый холм, увенчанный зубчатой шестиугольной башней на фундаменте из дикого камня, – сердце города, древний замок-крепость, у неприступных стен которого в былые времена не раз останавливались в бессильной ярости орды иноземных завоевателей.

– А вы, я вижу, любите свой город! – сказал Захаров, внимательно наблюдавший за командиром роты. – Я понимаю вас, товарищ Кащук.

– Да… И знаете, что мне захотелось сейчас? Захотелось остаться после войны здесь работать, чтобы помочь моим землякам поскорее наладить жизнь по-новому, по-советскому… Ведь многие из них только понаслышке знают о том, к чему мы с вами давно уже привыкли, с чем сроднились… Да… Но для этого надо еще освободить город. Противник сопротивляется. Вы знаете, у меня есть план…

Он не договорил. В пролете лестницы, цепляясь за шаткие перила, показался боец-связист.

– Товарищ капитан! Полковник вызывает к телефону, – сказал он.

Кащук быстро спустился вниз и подбежал к телефонному аппарату.

* * *

Косые, еще холодные лучи солнца ложились золотыми полосами на торцы мостовой, под ноги бегущих людей. Здесь глуше был шум боя, не гремела взрывчатка, не верещали рикошетирующие от стен пули, но бойцы все же старались держаться ближе к стенам домов. Каждую минуту мог полоснуть вдоль улицы огонь засевшего где-нибудь вражеского автоматчика. Придерживая левой рукой мотавшуюся на ремнях полевую сумку и зорко осматриваясь по сторонам, капитан Кащук бежал впереди. Он узнавал улицы, узнавал подчас отдельные дома... только они казались не такими большими, и улицы были уже, короче, да и все в городе было меньше, миниатюрнее, чем представлялось ему по воспоминаниям детства. Но главное – он безошибочно ориентировался и уверенно вел своих бойцов через лабиринт улиц и улочек неожиданно загибавших то вправо, то влево, мимо облупленных слепых фасадов и длинных каменных оград.

Еще вчера на командном пункте, предложив свой план блокировки засевших в центре города немцев, он тщательно проверил себя, постарался припомнить все мелочи, все, что могло бы пригодиться в бою... Он долго всматривался в разостланный на столе план города: пересекавшиеся во всех направлениях полоски улиц, изгибы реки, зеленые пятна садов с каждой минутой оживали, представлялись такими, какими он знал их тогда, давно. Вот здесь, в этом неправильном прямоугольнике с черными квадратиками зданий, есть проходной двор, соединяющий две параллельные улицы; через него удирал он когда-то от преследования страшного рыжего дворника, разъяренного шалостями восьмилетних сорванцов. Вот – крохотный, сжатый со всех сторон домами рынок; посреди него есть каменный бассейн, в случае нужды он может послужить укрытием для легкого орудия или миномета. А вот сюда, на площадь, он намерен

прорваться со своими бойцами, и тогда немцы не смогут отойти через городской парк на северную окраину города, не смогут вырваться из «каменного мешка», и центральные кварталы – узел сопротивления вражеского гарнизона – станут их могилой.

Командир полка внимательно выслушал предложение Кащука, а когда тот кончил и отступил от стола, посмотрел еще раз на план города и спросил:

– Вы сказали, что хорошо знаете город… Когда же вы были здесь в последний раз?

– Тридцать лет назад… В пятнадцатом году.

Полковник с удивлением посмотрел на командира роты.

– И вы уверены, что проведете свой отряд через этот лабиринт?.. Ведь мало ли что могло измениться за это время!

Кащук улыбнулся.

– Нет, товарищ полковник! Это наши города растут, перестраиваются… а здесь жизнь остановилась… не думаю, чтобы изменилось что-нибудь! Конечно, некоторый риск есть. И все же я прошу принять мой план.

Подумав, полковник дал согласие.

Сейчас, узнавая знакомые места, Кащук видел, что не ошибся, и был уверен в успехе задуманного маневра.

…Всего четверть часа, не больше, прошло с той минуты, как он оставил разбитое здание вокзала и повел штурмовые отряды в обход, но время это показалось неимоверно длинным; улицы, переулки мелькали один за другим, а до цели все еще оставалось далеко… Оборачиваясь, он видел разгоряченные лица бойцов, видел, как обливаются потом минометчики, тащившие свои тяжелые лотки. Вдруг он остановился и предупреждающе поднял руку: впереди улица круто заворачивала влево, так круто, что стоявший на сгибе серый двухэтажный дом с несколькими слуховыми окнами на крыше, как бы составлявшими его третий этаж, казалось, загораживал ее поперек. В таком месте скорее всего можно было ожидать засаду. Едва Кащук подумал об этом, как в окнах серого дома сверкнул огонь, и частые выстрелы, точно удары бича, защелкали, захлестали навстречу. Неистово застучал где-то пулемет, пыль взметнулась на

мостовой, посыпались осколки стекла, и воздух сразу наполнился разноголосыми шумами боя…

– Орудие! – крикнул Кащук связному, не отставшему от него ни на шаг. – Серый дом, огонь по окнам на крыше… Скорей!

И, вжавшись всем телом в дверную нишу, огляделся.

Улица опустела. Два бойца, не заметившие вовремя предостережения командира, остались лежать неподвижно на мостовой. Все остальные укрылись за выступами стен, в подъездах и воротах. По каменному желобу, отделявшему тротуар от мостовой, быстро полз назад связной, и его автомат, закинутый за спину, мотался из стороны в сторону.

Потом Кащук увидел, как на противоположном конце улицы артиллеристы разворачивали легкую противотанковую пушечку, и ему показалось, что рядом с ними мелькнуло кожаное пальто корреспондента Захарова…

Дергаясь и подпрыгивая на своих пухлых резиновых шинах, орудие изрыгнуло несколько раз желтое колючее пламя. Грохот взрывов слился с пронзительным свистом металла, рвавшего воздух в узком пространстве между стенами домов. Раздался дробный стук падающих на мостовую черепиц. Фасад здания окутался облаками пыли и дыма.

Кащук подал сигнал. Бойцы первой штурмовой группы бросились вперед и, прежде чем рассеялось дымное облако, ворвались в дом через окна нижнего этажа и разбитые ворота.

Он не стал дожидаться, пока будет подавлено сопротивление засевших в сером доме немцев. Нельзя было терять ни минуты: противник мог начать отход прежде, чем отряд успеет пересечь ему дорогу.

Он решил провести свой отряд задворками на боковую улицу, а оттуда – к площади перед парком.

* * *

Длинному июльскому дню, казалось, не будет конца. Уже к полудню бой на улицах города стал заметно стихать. Немецкий гарнизон был окружен, подмоги ему ждать было неоткуда, и только тупое

упорство заставляло разрозненные группы противника все еще сопротивляться.

Странное чувство безраздельно овладело капитаном Кащуком. Этого чувства не могло притушить даже возбуждение боя... Радость и умиление вызывало в нем все, что напоминало далекие годы детства... Город вставал перед ним таким, каким был раньше, только, может быть, немного обветшалым, состарившимся, как и он сам.

Ему хотелось рассказать кому-нибудь об этом. Пожалуй, лучше всего понял бы его в эти минуты Захаров... Но корреспондента давно уже не было около. Изменило ли ему обычное счастье, и труп его затерялся где-нибудь среди обломков разбитых зданий или он, по своему обыкновению, уже перекочевал в какое-нибудь соседнее подразделение, – Кащук не знал.

Да, впрочем, и разговаривать было некогда. Бой еще не кончился. Как трудные занозы, приходилось еще кое-где выковыривать огнем немногие оставшиеся в городе очаги сопротивления.

Наконец к вечеру все было кончено.

...Сильно забилось сердце капитана, когда он повернул в маленький переулок, откуда в памятный августовский вечер выехала их дребезжащая пролетка... Низкий, приземистый, старой стройки, родной дом был цел. Кащук сразу узнал его. Те же почерневшие ворота, та же ленточка карниза над окнами. Только не было палисадника, исчезла деревянная изгородь, исчезли зеленая трава и кусты сирени, земля была плотно утрамбована, и домик, точно стыдясь своей наготы, отступил от тротуара, спрятался за соседними домами.

Время точно сдвинулось, и воспоминания о далеком прошлом стали необычайно ярки. От волнения Кащук даже закрыл глаза, и ему казалось, что, открыв их, он увидит снова перед собой мерцающий в окне огонек керосиновой лампы и дотронется рукой до мягкой, теплой руки матери, стоящей рядом...

– В этом доме я жил тридцать лет назад... Здесь прошло мое детство! – сказал он своим бойцам. – Видите, он уцелел... пойдем туда.

Дом был пуст. Кащук понял это по разбитым стеклам в окнах, по оторванной ставне, свисавшей на одной уцелевшей петле, по зи-

яющим дырам в черепичной кровле. Он толкнул входную дверь. Она поддалась, отворилась. Перед ним был полутемный сводчатый коридор, в дальнем конце его светилось окошко над второй дверью – выход во двор…

С минуту он постоял в нерешительности на пороге, прежде чем ступить на стертые половицы. Они скрипнули под ногами… Кащук шел медленно, осторожно, и улыбка тихой радости не сходила с его лица. И четыре бойца, следовавшие за своим командиром, понимающе молчали…

Вот и темный провал на месте бывшей когда-то двери в их квартиру. После полутьмы коридора в комнате было гораздо светлее, хотя сумерки уже сгущались на дворе. Кащук видел обрывки почерневших незнакомых обоев, чужую мебель, остатки убогого домашнего скарба, брошенного впопыхах хозяевами. В одном углу стояла старая заржавленная железная кровать с прорванной сеткой. Кащук опустился на нее, снял с головы и положил рядом тяжелую каску. Впервые за весь день он почувствовал усталость. Болели ожоги и ссадины на щеке, тупо ныло задетое осколком мины, наскоро забинтованное плечо. Сильно хотелось пить.

Вынув из сумки блокнот, Кащук написал короткое донесение и приказал связному отнести его в штаб. В донесении после сообщения о размерах потерь и числе подавленных вражеских огневых точек говорилось, что штурмовые группы, находившиеся под его командованием, отведены на отдых в дом номер такой-то по такой-то улице…

– Зовите людей сюда, – сказал он. – Размещайтесь по комнатам, а кому хочется – во дворе… Старшине передать, чтобы обеспечил ужин бойцам, а мне пусть пришлет вещевой мешок и плащ-палатку.

Первую ночь в освобожденном родном городе он хотел провести под кровлей родного дома.

1945

Алексей Шубин

ДЕД ГАРНИЗОН

ШУБИН
Алексей Иванович
(17.03.1901, Тюмень – 05.09.1966, Воронеж)

Прозаик, член Союза писателей СССР (1956).

Из семьи служащего.

В 1910 году, после смерти отца, семья переехала в Москву, где А. И. Шубин поступил в Алексеевское коммерческое училище. Из-за тяжелых материальных условий в семье окончить его не удалось. Так, не получив среднего образования, в 1919 году он добровольно вступил в ряды Красной армии. Вначале служил телефонистом в 5-м особом латышском полку в Москве, затем в 154-м архангельском полку. Принимал участие в освобождении Архангельска от белогвардейцев и англо-американских интервентов. В полку служил при политпросветотделе, где занимал должности организатора кружков клуба, помощника начальника клуба и заведующего полковой библиотекой. В 1922 году 154-й полк был переведен в Воронеж и расформирован. А. И. Шубина назначили заведующим библиотекой вновь сформированного 55-го Воронежского стрелкового полка, в котором он прослужил до 1925 года.

Печататься начал в газетах в 1923 году. С 1925 года А. И. Шубин – журналист-очеркист и фельетонист «Воронеж-

ской коммуны», с 1939 года – писатель-профессионал. В 1940 году вышла его первая книга «Свежий ветер».

Участник Великой Отечественной войны. Работал в дивизионной армейской и фронтовой газетах, участвовал в боях под Ельней и Ельцом. В июле 1942 года был тяжело контужен и после одиннадцати месяцев лечения в госпиталях был призван инвалидом. Лечился в госпитале в Иркутске, служил сотрудником военной газеты в Чите. 12 февраля 1944 года уволен из рядов Советской армии.

После демобилизации возвратился в Воронеж, потом обосновался с семьей в поселке Рамонь и целиком включился в писательскую работу.

В 1946–1947 годах, в ходе идеологической кампании, поднятой постановлением оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», подвергался критике в Воронеже за повести о Великой Отечественной войне.

Автор более 25 книг, повестей и рассказов, в их числе «Свежий ветер» (Воронеж, 1940), «Победители» (Воронеж, 1945), «Доктор Великанов размышляет и действует» (Воронеж, 1947), «Большая Лукавка» (Москва, 1955), «Жили по соседству» (Москва, 1959), «Семь пар железных ботинок» (Воронеж, 1966). Читательский успех имела повесть «Непоседы» (Москва, 1960; Киев, 1962, и другие издания; переведена на языки народов СССР и социалистических стран, экранизирована). А. И. Шубин опубликовал несколько сборников рассказов для детей, в частности «Охотники за щитомордниками» (Воронеж, 1963). В 1971 году в Воронеже вышел двухтомник сочинений Шубина с вступительной статьей З. Я. Анчиполовского.

На доме, где жил А. И. Шубин (проспект Революции, 48), установлена мемориальная доска. В Государственном архиве Воронежской области имеется личный фонд А. И. Шубина (Р-3058).

I

Не верилось поначалу, что дойдет война до Сычевки. Все казалось, – как иной раз в летнюю пору с грозой бывает, – пройдет она стороной.

Но не так вышло...

Стоит село бездомное, холодное. Улицы и тропинки метель занесла. Трубы не дымят, оконные рамы где вынуты, где досками заколочены, и оттого дома кажутся незрячими. Не слышно ни собачьего лая, ни петушиного крика.

По старости остался домоседовать в Сычевке один Иван Захарович. Собирался и он пойти, да в последнюю минуту перерешил:

– Будь что будет, а не сойду с земли. Своего века сверх положенного все одно не растянешь – срок жизни не резиновый. Помирать, – так дома…

Решил так и остался.

Тоскливо одному. Ходит, бродит, – нигде места не найдет. Выйдет на улицу – безлюдье и тишина душу давят, в избу зайдет – того хуже. От нетопленной печи и сырости нежилой дух стоит. Вывезла невестка барахло и от этого в избе звук переменился. А больше всего не хватает старику ласковых белоголовых внуков – не с кем побалагурить.

Издали с двух сторон доносится пальба. К вечеру занялось зарево. Вышел Иван Захарович на зады, присмотрелся – горит соседнее село Грамыхи. Совсем близко немец, а наши с боем отходят.

Постоял дед, посмотрел и повернулся было уже в избу идти, когда в потемках защелкали близкие винтовочные выстрелы. Прислушался и понял: бежит кто-то и отстреливается, а за ним гонятся и тоже стреляют.

Вот уже совсем рядом стрельба. Тяжело бежит человек – не на живот, а на смерть дело идет.

Снова заискрились выстрелы. И слышно, как плетень захрустел, потом застонал кто-то… А преследователи не пошли дальше, побоялись, должно быть, засады в селе.

Зашел Иван Захарович за плетень. Под ногой винтовка громыхнула. Щупает старик в темноте – и, впрямь, человек лежит.

– Свой что ли?

– Свой… раненый я…

Говорит через силу, вроде давится.

– Вот дело какое! Подняться-то можешь?

– Мочи нету… Помираю…

– Обожди… отходишься еще…

Кое-как волоком перетащил раненого в избу, взвалил на лавку, коганец засветил. Пока с одеждой возился да рану на груди осматривал, парень стих: стонать перестал, только дышит тяжело и редко. А изо рта пузыри кровавые идут и кровь на пол каплет. Глаза голубые смотрят на Ивана Захаровича, точно сказать что-то хотят… Потом по телу дрожь прошла, оборвалось дыхание, кровь идти перестала…

– Скончался совсем, значит… Вот дело какое!

Снял шапку старик, прибрал убитого – полотенцем кровь с лица стер и, по обычаю, глаза закрыл, Лежит боец на лавке, ровно спит, только лицо для сна суровое – не сошел с него боевой гнев.

Крепко отбивался боец от немцев, и от этого старику его еще жальче.

– Дельный паренек был – в бою же податливый…

Вспомнил про винтовку.

– Принести и спрятать надобно.

Сходил, принес, снег с нее стер. Открыл затвор, из казенной части патрон выскочил, об пол ударился.

Прикинул Иван Захарович винтовку на руке, коричневый приклад погладил, в ствол заглянул, затвор осмотрел – нет ржави.

– Исправное оружие – берег его хозяин.

Сел на скамью в головах у мертвого, винтовку на колени положил и задумался. Припомнилось ему далекое время, когда он, молодой, с такой же вот точно винтовкой в руках, на войну ходил. Более тридцати пяти лет прошло, а как живые стоят в памяти долгие переходы, бурая пыль маньчжурских дорог, каменистые склоны сопок, поля чумизы и гаоляна, молодые загоревшие лица боевых товарищей. Не раз выручала его в ту пору трехлинейная винтовка. Даже номер ее запомнился – цифры в глазах стоят – 376918… Недаром в старой солдатской песне говорилось: «Наши жены – ружья заряжены… Вот наши жены!»

Долго тянется бессонная зимняя ночь. Плавают вокруг Сычевки по черному небу ракеты, ровно разыскивают кого-то. Зарево над соседними селами полыхает, пальба то стихнет, то опять разгорится – большой бой идет.

«Писательский взвод». Группа ленинградских писателей-добровольцев 1-й Кировской дивизии народного ополчения. Слева направо: в первом ряду – Л. В. Цырлин, А. В. Десницкий, А. Н. Нечаев, (стоит) П. Журба (П. Т. Скрипников), С. А. Семенов; во втором ряду – К. И. Высоковский, Л. Т. Браусевич, Д. К. Остров, В. Н. Тоболяков, Г. С. Гор, А. Г. Островский, П. Н. Ойфа; в третьем ряду – Н. Г. Жданов, И. Г. Ямпольский, Е. Д. Люфанов, Ю. И. Слонимский, И. Я. Айзенштok. Северо-Западный фронт, Лужский оборонительный рубеж (деревня Танина Гора под Новгородом), июль 1941 года. Фотохроника ЛенТАСС.
Евгений Дмитриевич Люфанов (1908–1989) с 1959 года жил в Воронеже, в течение ряда лет руководил Воронежской писательской организацией

Сидит Иван Захарович и думы думает, и такие думы к нему идут, что за одну ночь ими всю жизнь перемерил: что в ней хорошего было и что плохого. Шестьдесят восемь лет – не маленький срок, всего бывало, а больше всего нужды да заботы. Под конец только перемена вышла, когда сын Серега в трактористы выбился да внуки за книжки сели. Так и думалось – наладилась настоящая жизнь, доведется на нее глянуть самоочно, а после того уж и помирать можно... Не то случилось! Бьется за родную землю, за колхоз, за своих сыно-

вей тракторист Сергей Иванович, ютятся по чужим углам малолетние внуки, надвинулась на Сычевку неотвратимая огненная беда.

– Урожай-то в этом году какой был! – вспоминал старик. – Сколько лет жил, а такого не видывал… На колхозный урожай проклятый враг позарился. – На кровь, на пот российские…

Гневом зашелся Иван Захарович. Поднялся, прикладом оземь стукнул. И от гнева почувствовал в себе решимость и силу. Шагнул к мертвому бойцу и, как у живого, спросил:

– Покажь, товарищ, подсумок – патроны-то есть еще?

Патронов по точному подсчету нашлось в подсумках и в карманах сорок три штуки. Заложил обойму в магазинную коробку, остальные по подсумкам рассовал и, не торопясь, одеваться начал. Портянки перемотал, чтобы в валенках не сбились, полушубок расправил и поверх красноармейский пояс одел. Затянул его по форме, даже пальцем по старой армейской привычке поддеть попробовал.

Разыскалась у бойца еще пара гранат. И хотя знал Иван Захарович, что это дело доброе, но, подумав, решил:

– Ну их к богу! С ними умеючи надо, а то и до греха недолго. Незнакомую вещь вертеть в руках не годится. В старину тоже гранаты были, да не такие…

Решил так и за божницу в красном углу спрятал. Когда клал гранаты, попал рукой, в цепкую многолетнюю паутину, – испокон веков образа в углу висели. Отец на турка ходил – теми образами его благословляли.

Замешкался у икон старик, задумался. Не было у него ни веры, ни неверия. Раньше молился, а за последние годы отвык от бога.

Невелик свет от коганца – чуть виден сквозь копоть желтый лик Николы-угодника.

Перекрестился размашисто старик, поклонился, но слов таких, чтобы богу и святому сказать, не нашел. Копошатся обрывки полузабытых, обветшалых молитв… Только промолвил:

– Благослови, отче, на подвиг ратный!..

Оглянулся на мертвого бойца и добавил:

– Павшим на поле брани – вечная память!

Еще раз перекрестился. С хитрецой подумал:

– Русский святой… Может, по землячеству поможет?..

Темна ночь.

Не было в ту пору луны, и не оставалось в Сычевке ни одного петуха, чтобы время напомнить. Но для Ивана Захаровича это маловажно – часы и петухи молодым нужны: старый человек по звездам да по ветру время определит. Есть на примете у Ивана Захаровича четыре звезды, – он их «коромыслом» зовет. Так вот, как дойдет это «коромысло» до дальней ветлы, если с крыльца на нее глянуть, считай по зимнему времени – через час светать начнет. Глянул – близко, от ветлы «коромысло», да и ветерок уже побежал легонький. Бежит рыской, соломкой шевелит, снежинки с места на место перебрасывает.

Пора значит…

Вышел Иван Захарович, огляделся вокруг. Понятно, в село немцы с опаской входить станут, с хитростью, чтобы впросак не попасть. А ежели так, – с Дикого лога их ждать надо – у мельничных мостков. Место там выгодное – берег речки порос густой щетиной буйного лозняка и осоки.

И верно. Прошло полчаса, и показались двое. По темным шинелям да по волчьей повадке узнал старик, что не наши идут. Держатся друг от друга поодаль, озираются, автоматы к пузу жмут. А когда на дорогу к первым избам вышли, видать, успокоились. И то сказать – чего им беспокоиться? – Стоит пустое село, следы – и те снегом запорошило. Сошлись вместе, вперед пошли.

– Гуляйте себе покудова, – кивает им вслед Иван Захарович. – Не на мою мушку дичь…

Поднялась из-за изб несветящимся огнем сигнальная ракета. Показали, значит, разведчики своим, что путь свободен – смело идти можно. А те и рады – идут из Дикого лога человек тридцать. Идут гурьбой, нестройно. Какие меж собой разговаривают, какие молчат и все от холода жмутся. Вооружены автоматами и два пулемета волокут. Сбоку от солдат два офицера шагают, раскуривают.

– Вот вас-то, ваши благородия, мне и надобно…

Качнулась мушка, уперлась в офицерскую голову, и звонко хлестнул выстрел. За ним без перерыва второй, третий… Один офицер в снег лицом, как бревно, упал, даже колени подогнуть не успел, второй ткнулся в землю и снег руками гребет – не то уплыть, не то закопаться хочет.

Шарахнулись немцы в разные стороны, не поймут сразу, откуда смерть грянула. А Ивану Захаровичу суетня на руку. Перезарядил винтовку и бьет, не торопясь.

Спохватились немцы, рассыпались, залегли и, определив направление выстрелов, стали отстреливаться. Защелкали пули по мерзлым кустам.

– Надобно другую позицию занимать, – решил Иван Захарович.

Пополз за дом. Только расположился на новом месте, по старому застрочил пулемет.

– Чеши, коли патронов не жаль!.. Руби кусты – небось новые вырастут!

Осмелели фашисты, вперед двинулись. Подпустил их ближе старик и снова выпустил пять пуль. Три в цель попали, а две за молоком пошли. Долго ли, мало ли длился бой у мельничных мостков, но не сдобровать бы, конечно, старику, если б с бугра, из-за рощицы не раздался близкий рокот многочисленных моторов. Ныряя по ухабам, тяжело раскачиваясь из стороны в сторону и расшвыривая снежную пыль, неслись к Сычевке, выкрашенные в белое танки. Дальнозоркие старческие глаза сразу приметили на бортах машин небольшие красные звезды.

Перекрестился про себя Иван Захарович.

– Слава богу… Не иначе как выручил Никола – русская душа!..

Остановился один танк, вылезает из него командир:

– Эй, кто тут живой есть? Кто по немцам бил?

Хочет откликнуться Иван Захарович, только сразу с духом собраться не может. А командир торопит:

– А ну, сычевский гарнизон, выходи!..

Лезет дед из кустов, как медведь ломится, – нога простреленная, – припадает, весь в снежище.

– Гарнизон, товарищ командир, туточки…

– А остальные где? Убиты?..

– Вовсе не было… Один я… А тебя, товарищ командир, прости за нескромный вопрос, не Николаем ли по имени звать случаем?

– Василием, а что?

– Обознался, значит, – схитрил старик. – На одного знакомого дюже схож…

II

«Здоровая кость мясном обрастает», – говорит пословица. Откатился фронт, и зажила Сычевка по-прежнему. Дымят по утрам трубы, горланят петухи, звенят девичьи песни. По весне прелью и навозом запахло. Валит из кузни черный курной дым. – Ремонтирует кузнец Фрол Никитович колхозный инвентарь.

Бьет кувалдой по красному железу. Звон стоит и искры сыплются. Иван Захарович клещами раскаленный брус держит.

– А ну, дед Гарнизон, держи крепче!

Хряс… Хряс… Хряс…

Попал на старости лет Иван Захарович к кузнецу в ученики. – Война все делать заставит!

Заглянула на кузню Дашутка из сельсовета:

– Дедушка Гарнизон, тебе письма… От сына должно…

– Ладно… Почитаем…

Крепко пристало новое прозвище к старику. Хоть и ворчит он подчас, но любо оно ему. Во-первых, гарнизон – слово военное, – его понимать надобно! А, во-вторых, дал ему прозвище сам командир танковой части. Он же и пояс красноармейский с подсумками в подарок ему оставил. Хоть и чудно это для иных кажется, а носит его старик поверх рубахи не снимая, что придает ему вид воинственный и грозный.

Впрочем, боеприпасов в подсумках никаких нет: в одном держит дед Гарнизон кисет с махоркой, в другом – кресало, кремень да фитиль.

Книга фронтовых рассказов Алексея Шубина, вышедшая в Воронежском книгоиздательстве в 1943 году

ДОРОГА НА СЕМЕНИХУ

I

Старик вошел не торопясь, деловито околотил о косяк запорошенный малахай и поклонился в сторону стола не то чтобы очень почтительно, но и без лишней развязности.

В избе, при тусклом свете лампы, два немецких офицера, стоя, рассматривали разостланную на столе карту. Их большие угрюмые тени качались по бревенчатым стенам. В углу, около аппарата, прикорнул телефонист.

Офицеры сначала не обратили на Ивана Тимофеевича никакого внимания. Подумав, он присел около дверей на лавку.

Выглянула из кухни хозяйка избы – Никитишна. Рассорившись из-за колодезя, старики не разговаривали уже лет пять, но в жизни бывают минуты, когда старое зло не вспоминается.

«Не ждать старику добра, коли его сюда потянули», – сообразила Никитишна и по-дружески вполголоса спросила:

– Почто привели? Или против них что наробил?

Иван Тимофеевич пожал плечами: кто, мол, их поймет.

Один из офицеров оторвался от карты и, выпрямившись, глянул на старика. Поднялся и Иван Тимофеевич, сделал шаг к столу, на всякий случай еще поклонился, потом оперся на посошок, ожидая, что будет дальше.

Осмотрев старика, офицер, должно быть, остался доволен: был Иван Тимофеевич сед, сутул и старчески спокоен. Пожелтевшие от курева усы, жилистая шея, взлохмаченные седые брови над выцветшими глазами придавали ему бесхитростный, наивный вид.

– Сколько лет тебе? – резко отчеканивая каждую букву и непривычно переставив слова, спросил немец.

– От покрова семьдесят третий идет, – неторопливо ответил Иван Тимофеевич и пояснил: – Года мои немалые…

– Здешний житель?

– Испокон веков здешний… И уродился здесь и помирать, должно, здесь буду, потому по крестьянскому хозяйству…

Офицер резко перебил его:

– На Семениху дорогу хорошо знаешь?

– Как не знать…

Чуть дрогнул ус у Ивана Тимофеевича. Улыбнулся про себя, смекнул: на Семениху дорогу спрашивает – утекать думают. Неспроста, видать, поутру артиллерия била.

– Как же Семениху не знать? Все села окрест нам известны…

– Как ехать туда, чтобы дорога была…

Офицер подыскивал слова.

– Хорошая дорога для машины и чтобы близко… совсем близко?

Иван Тимофеевич пожевал губами, прищурился.

– Дорога такая точно есть… Дорогу такую ведаю…

Было слышно, как зло шипела и билась по стеклам сухая сердитая метель.

– Как дороге не быть? Где человек живет, везде пути-дороги проложены.

Офицер кивнул и уставился на карту.

– Как ехать?

– То-то и есть, как сейчас ехать-то? Напрямик никак проехать немыслимо, значит, вам на Губкино возвращаться надобно… Оттоль, как Губкино проедете, по берегу мимо мельницы по столбам дорога на Парахино будет… Всё бугром… Оно вам и легче – ветер с бугра снег сбивает… С Парахина ляжет вам путь на Остафьево, а там уже скрозь по большаку, до самой, как есть Семенихи…

Услышала за перегородкой Никитишна этот разговор и обмерла: виданное ли дело на Семениху через Губкино, Парахино да Остафьево ехать! Мало того, что двадцать с гаком километров крюку выходит, дорога-то там какая: неезженая, сплошь лога. Такая дорога, что и в летнюю пору добрая лошадь воза не подымет. С тех пор, как большак проложили, никто через Дикий лог не ездит… Из ума выжил старик, совсем рехнулся…

Выглянула из-за перегородки. Офицеры немецкие на карту глаза пялят, карандашиками водят.

– Па-ра-хи-но… Остафиево… Это ошень неблизкая дорога…

– Крюк точно, что выходит, – спокойно соглашался Иван Тимофеевич. – Летом-то и напрямик ехать можно, а сейчас – не приходится. Дорога дороге рознь… Иная дорога и короткая, а дальше длинной выходит. На лишнюю километру не смотри. Иначе как через Парахино не проедете…

Дрожат у Никитишны руки. Вытирает полотенцем миску и вот-вот выронит. А Иван Тимофеевич на нее глянул, косматой бровью шевельнул. Юркнула за перегородку старуха, закрестилась от страха. Поняла – нарочно Иван Тимофеевич неправильный путь кажет.

«Ох, и рискованный старик, какое на себя смелое дело берет. Дознаются немцы – враз на дерево вздернут… Кто провод ногой зацепит или на улицу вечером выйдет, и того насмерть мучают, а тут – виданное ли дело – пять десятков машин в волчьи лога загнать?»

А Иван Тимофеевич стоит перед немцами, посошком латку на сапоге ковыряет. Совещаются офицеры, головами качают, на старика оглядываются, а он свое:

– Сказать, чтоб дорога хороша была, тоже, понятное дело, не скажу вам, а только другой у нас здесь нету, такая уж у нас зона дикая… В смысле дорожного устройства ненормальная местность.

И где только таких слов набрался. Козыряет ими, как гвозди в доску заколачивает. А Никитишна места себе не находит, без всякого толку горшки переставляет, за ложки хватается.

«Дознаются, как бог свят, дознаются… Застрянут в дороге, вернутся и тогда…»

Вспомнилось… В недальнем селе Тимошкино за то, что колхозник раненого партизана на чердаке укрыл, все дома дочиста сожгли, проклятые…

Заговорило тут в Никитишне свое, хозяйское, трусливое, скаредное:

– Обязательно дом спалят…

И так ей отчетливо привиделось, как занимается огнем ее изба, что недобрая мысль мелькнула: помешать старику, чтоб немцы ему веры не дали…

Подумала так и самой страшно стало – до чего поганая мысль в голову влезла: старик-то ведь своим помогает, а она против него, значит, против своих, замыслила.

Прогнала постыдную мысль, слушает, что дальше будет.

А дальше дела очень быстро пошли. Зазвонил в горнице телефон. Солдат, что около него сидел, схватился за трубку и что-то по-своему офицерам залопотал. Взялся офицер за трубку и тоже забеспокоился – должно быть тревожное что сообщили.

Бросил офицер трубку и прямо на Ивана Тимофеевича пошел, в упор в глаза смотрит:

– Как тебя звать?

– Иван Тимофеевичем кличут.

– Так вот, Иван Тимофеевич… Если ваше указание будет неправильно…

Хлопает офицер по кобуре, а старик хоть бы что. Глаза ясные, спокойные, в морщинах тонут.

– Не боюсь я, потому что говорил правильно… Да и не к чему мне лгать… Стар для этого. А от войны от вашей ничего, кроме тягости, не вижу… Спросите про дорогу у кого хотите – каждый знающий тоже скажет…

Глянула из-за перегородки Никитишна, еще раз глазами со стариком встретилась и неожиданно для самой себя спокойно и раздельно проговорила:

– Правильно он про дорогу сказал. Места до Семенихи мне тоже известны…

Офицеры торопливо оделись, телефонист снимал аппарат. Сквозь шум метели слышался рев заводимых моторов. Пошла на улице сумятица. Одна за другой, то и дело застревая в сугробах, отрывались от изб и выползали на середину дороги тяжелые машины. Бегали, суетились, кричали немцы. Через десять минут выстроившаяся колонна черной змеей поползла к выезду на Губкино.

Вышли старики на улицу, прислушались – шумит метель и, толи кажется, толи в самом деле, орудийная стрельба идет, может, впрочем и от ветра где железо на кровле хлопает…

Хотела было прибрать старуха избу после незваных гостей, да вспомнила: соседей предупредить надо, – неровен час, вернутся изверги и село рушить станут.

II

Затихла к утру метель. Поползла над полями морозная предрассветная синь и стало слышно – с двух сторон бой идет. Рассвело – показалась кавалерия. Сначала разведчики въехали, потом эскадроны потянулись.

Опознали притаившиеся колхозники своих, и сразу гомон по селу пошел: кто к себе бойцов погреться зазывает, кто плачет от радости.

В избе Никитишны – она в центре села – штаб кавалерийского полка расположился. Греются командиры, по избе ходят, ноги разминают, варежки на печь побросали. На шашках от тепла белый иней выступил. На столе уже карта разложена. Смеются командиры, довольны чем-то. Моет картошку Никитишна, слышит – смеется с командирами Иван Тимофеевич. Не утерпела:

– Хорошо, значит, дела идут, что вы такие веселые?

– Да, как же! – отзывается Иван Тимофеевич. – Колонна-то немецкая, которую мы на Семениху через Остафьево направили, в аккурат по адресу пришла… Застряла за Губкиным, ее там товарищи кавалеристы и прикрыли – человек полтораста порубили. Какие сдались, а какие разбежались, сейчас их вылавливают…

Вот оно что! Радуется старуха: хвалят Ивана Тимофеевича командиры и на ее старушечью долю похвала перепадает.

– Подмогла она мне, догадалась… Вместе дорогу расхваливали.

Улыбается Никитишна, про себя гордится, но вид делает такой, будто ей не до беседы.

– Вам, сынки, картошку целеньку сварить, али чищеную со сметанкой кушать будете?..

За картошкой командиры Ивана Тимофеевича и Никитишну водкой попотчевали.

– Живите, старики, до ста лет и будьте здоровы.

Один, который в очках, советскими Сусаниными их назвал и к награде обещал представить.

Позавтракали – новое дело! – загремели винтовки.

– Разрешите доложить, товарищ подполковник? Пленного обер-лейтенанта доставили…

– Ведите сюда!

Привели немца. Никитишна так и ахнула – вчерашний офицер, что Ивана Тимофеевича допрашивал. Морда красная, а нос и уши как мел белые – отморожены. Вошел и первым делом на Ивана Тимофеевича уставился. Навеселе старик. Смеется:

– Вот довелось и еще свидеться… Как дорожка, понравилась?

Молчит офицер, глядит исподлобья.

– Он по-русски не понимает, – говорит командир.

– Он-то?.. Он тебе, что хочешь, расскажет… Небось, мне про казнь вчера как расписывал…

Молчит обер-лейтенант, не признает знакомого.

– Ну и пес с тобой, фашистская морда! – рассердился под конец Иван Тимофеевич.

Решают командиры:

– Коли говорить не хочет, отправить белоносого в штаб дивизии, пусть там допрашивают, а нам дальше нужно на Семениху двигаться.

– На Семениху?.. Как через проулок проедете – тут через два километра большак пойдет: через два часа в Семенихе будете – дорога прямая да гладкая…

Сверлит глазами Ивана Тимофеевича офицер, а тот на него в упор смотрит. Глаза у старика серые, выцветшие, как стальные, и нет в них ни ласки, ни смешливости, ни старческой наивной простоты.

Вздохнул обер-лейтенант и потупился.

Митрофан Умывакин

«У НАС БЫЛ ДРУЖНЫЙ, БОЕВОЙ КОЛЛЕКТИВ…»

(Из «Автобиографии»)

УМЫВАКИН
Митрофан Филиппович
(5.12.1913, хутор Лещенково Острогожского уезда Воронежской губернии – 17.11.2007, Воронеж)

Корреспондент фронтовой газеты.

Родился в крестьянской семье. В 1937 году окончил Россошанский птицепромышленный техникум.

С ноября 1937 года по январь 1961 года был кадровым военнослужащим. Участник Великой Отечественной войны. Начал войну в июне 1941 года политруком под Минском, закончил в мае 1945 года в Берлине гвардии майором, старшим литсотрудником редакции газеты 1-й гвардейской танковой армии «На разгром врага».

Награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу» и другими. В представлении к ордену Отечественной войны II степени редактор газеты подполковник П. И. Нефедьев писал: «тов. Умывакин был и остается лучшим литературным работником красноармейской газеты “На разгром врага”. И в летние наступательные бои 1943 года,

и в зимние и весенние бои 1944 года тов. Умывакину поручались наиболее важные вопросы – освещение боевого опыта. С этой работой он справлялся хорошо. Благодаря своей инициативности в работе, постоянной связи с лучшими танкистами армии и знанию дела ему удавалось освещать на страницах газеты вопросы, которые волнуют танкистов».

В 1945–1950 годы учился в военно-юридической академии. Служил в органах трибунала в Воронеже, Германии, Ижевске. В 1962–1985 годы, после увольнения в запас, работал адвокатом Воронежской областной коллегии.

После окончания Россошанского индустриального птицепромышленного техникума я с апреля по ноябрь 1937 года работал начальником цеха Жлобинского птицекомбината в Белоруссии.

Но работать пришлось недолго. В первых числах ноября 1937 года был призван в армию, где непрерывно прослужил до января 1961 года. Первоначально служил курсантом зенитно-пулеметной роты 85-го отдельного зенитного дивизиона (Белорусский военный округ). В конце 1938 года был назначен заместителем политрука роты. Имел на петлицах по четыре треугольника и звезды на рукавах. В том же году был послан на курсы младших политруков. Эти курсы, находящиеся в Гомеле, я успешно досрочно окончил в мае 1939 года. Получив звание младшего политрука, был направлен на службу в 25-ю отдельную легко-танковую бригаду (Боровуха-1, Полоцкий район БССР).

В том же мае 1939 года получил отпуск, приехал на станцию Митрофановка Юго-Восточной железной дороги к своим родителям, где в это время работала и моя будущая жена Мария. 27 мая 1939 года мы с ней зарегистрировали брак. В свою часть возвратился уже женатым.

Находясь на военной службе в 25-й танковой бригаде в должности секретаря редакции бригадной газеты, я по линии командирской учебы овладевал танковым делом.

С 17 сентября 1939 года участвовал в освободительном походе в Западной Белоруссии; в 1940 году участвовал в освобождении Литвы и Латвии. В декабре 1940 года нашу бригаду передислоцировали в г. Гродно. Отсюда 16 июля 1941 года мы с женой Марией и нашей первой дочкой Лидочкой выехали в отпуск.

20 июня прибыли к моим родным в Митрофановку, а 22 июня, в день нападения на нашу страну гитлеровской Германии, я выехал на фронт, имея в виду догонять свою часть (наша 25-я бригада в марте-апреле 1941 года начала реорганизоваться в 29-ю танковую дивизию) на вражеской территории. Ибо нас учили, что будем бить врага только на его территории и что своей земли не отдадим врагу ни одной пяди.

Однако, прибыв в Москву 23 июня, я сразу почувствовал тревожное положение. На площадях и улицах устанавливались зенитные орудия, на крышах предприятий, организаций и жилых домов появлялись дежурные. В экстренном порядке шла мобилизация. А остановившись на ночлег на окраине Москвы у друга по техникуму Крюкова Сергея Лукича, я наблюдал ускоренные учебные бомбометания наших самолетов и полеты над столицей наших истребителей.

Из Москвы с большим трудом смог выехать 24 июня на запад с Белорусского вокзала. В поезде, сформированном из пассажирских вагонов, ехали в основном такие же отпускники, как я, – молодые лейтенанты, только что окончившие военные училища, и мобилизованные в первые два дня офицеры запаса. Уже в дороге, где-то между Борисовым и Минском, наш эшелон дважды бомбили немецкие самолеты.

Ночью 26 июня на каком-то лесном разъезде под Минском нас поспешно выгрузили. В существовавшей неразберихе меня, в числе многих других, направили на грузовой автомашине за Минск. Здесь меня на ходу определили в «остатки», так мне говорили, 27-й Барановичской танковой дивизии, и я был назначен исполняющим обязанности политрука танковой ремонтно-восстановительной роты – без танков и без личного состава. Во всей части было два легких танка Т-26 и во всей роте было семь бойцов.

Весь день 27 июня немецкая авиация совершала налеты и бомбардировки наших оборонительных частей. А уже под вечер нашей роте было приказано встать на двух отремонтированных танках Т-26 вблизи проселочной дороги и уничтожить здесь противника, прорвавшегося сквозь боевые порядки основных сил. Возглавлял экипажи наших двух танков младший лейтенант, как мне запомнилось, по фамилии Поспелов. А я был политруком.

Не успели мы выдвинуться на едва заметную дорогу, как среди кустарника показались танкетки и мотоциклисты, стрелявшие на ходу. На каком расстоянии от нас – разбираться было некогда. Это был первый бой. Хотя я и был в танке в роли башенного стрелка, но страх одолевал. Кричу младшему лейтенанту: «Не промахнись! Иначе нас сотрут!» После выстрелов наших танков я приоткрыл люк и увидел две подбитые танкетки и 3–4 перевернутых мотоцикла. Мы быстро решили сменить позицию и отошли в небольшую ложбину. Однако немцы успели подбить один наш танк, а в другом кончилось горючее. Что делать? Мы решили заклинить орудие, снять пулемет и отходить пешком, ибо немцы продолжали обстреливать местность, где мы находились.

А вблизи, справа на шоссе, вели бой с немецкими танками наши артиллеристы, и мы присоединились к ним. Мне запомнились героические действия одного спаренного четырехствольного пулеметного расчета во главе со старшиной. Он вел непрерывный огонь по немецким самолетам. Я видел, как расчет сбил пикирующего немецкого «юнкерса». Но двое из трех в расчете упали, остался один старшина. Но он продолжал вести огонь и сбил еще один немецкий самолет. При следующем заходе немецкая бомба попала в автомашину с учетверенным зенитным пулеметом. Старшина упал. И хотя было страшно, я старался привлечь к нему внимание своих танкистов: «Смотрите, – вот это герой!». А кто он, этот герой, вряд ли кто-либо узнает… Ибо машина старшины сгорела, а с нею сгорел и герой-старшина. И вскоре это место заняли немцы.

После нескольких часов боя оставшиеся в живых артиллеристы и мы, танкисты, только в ремонтных танковых шлемах, несколько

дней в пешем строю отходили к горящему Минску, а затем по его окраинам – в сторону Могилёва.

30 июня одна из немецких бомб разорвалась совсем близко от канавки, в которую я упал, и меня контузило. Очнулся я весь в земле и не сразу понял, что произошло: меня сильно оглушило, изо рта и носа пошла кровь. Какая-то санитарная машина подобрала меня, но, поскольку я мог двигаться, меня вскоре высадили, сказав: «Ты на ходу, иди пешком, а нам надо подбирать тяжело раненых…» Так я, мало чего соображая, вместе с легко ранеными отступающими воинами шел до Сухачей, Починков, Ельни, Угры… В отдельных местах: на Днепре, на Свислочи, на железной дороге, на других преградах – мы вели огонь из винтовок и пулеметов по встречавшимся немцам.

В первых числах августа на станции Угра наша часть и другие разбитые части были расформированы, и в конце августа я был отправлен в резерв политуправления Западного фронта. Вскоре я был направлен в 29-ю общевойсковую армию и определен литсотрудником отдела фронтовой жизни редакции газеты «На разгром врага».

В дело я включился сразу же, выезжал, а то и пешком добирался на передовые позиции, через офицеров узнавал об отличившихся в боях воинах. И чаще всего от их имени или от имени их командиров, а реже – от своего имени снабжал редакцию оперативными материалами, старался с первой же корреспонденции показать умение, боевой опыт, героизм и отвагу наших бойцов и командиров.

Но обстановка складывалась не в нашу пользу. Хотя наши части и наносили врагу большие потери, изматывали его в оборонительных боях, однако нам приходилось отступать в направлении Западной Двины – Нелидово, Ржев, Торжок…

Как бы ни было трудно, я стремился добираться до передовых позиций в любой обстановке, чтобы из первых рук, по крупицам получать материалы о воинах-героях: о наших стрелках, пулеметчиках, артиллеристах, саперах, танкистах. В редакции газеты 29-й армии, которая входила в состав Калининского фронта, я находился до января-февраля 1943 года.

Ее редактором был Петр Иванович Нефедьев, его заместителем – Епищев. Вместе со мной в газете работали секретарь редак-

ции Федор Иванович Цалко, писатели Фабиан Абрамович Гарин и Василий Александрович Смирнов, художник Александр Гаврилович Вязников, сотрудники Иван Тимофеевич Кривцов, Савва Емельянович Коробочко и Ефим Черлевич, фотокорреспондент Борис Николаевич Исполатовский, цинкограф Сергей Иванович Константинов и другие. У нас был дружный, сработанный, я бы сказал, боевой коллектив. В таком составе редакция оставалась и после февраля 1943 года, когда на базе управления 29-й общевойсковой армии была создана 1-я танковая армия. С этого времени и до конца войны, до взятия Берлина, я там служил и участвовал в боевых делах на Северо-Западном, Воронежском, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Особенно тяжёлыми и памятными были сражения на Курской дуге.

1990-е

Литсотрудник газеты 1-й гвардейской танковой армии «На разгром врага» М. Ф. Умывакин

В ПРОРЫВ!

Еще не занимался рассвет, а воины пехотинцы, артиллеристы, танкисты, саперы, минометчики уже были начеку.

Все ждали команды. И вот она подана. Сотни орудий разных систем и калибров заговорили в один голос. В логово врага полетели тысячи снарядов, разрушая укрепления и уничтожая живую силу и боевую технику гитлеровцев. Земля стонала от гула пушек и разрывов снарядов. Пороховой дым застилал поля. Великое наступление началось.

Вслед за огневым валом артиллерии пошли в атаку тяжелые танки, пехота, саперы. Советские воины, воодушевленные приказом Родины, ринулись в наступление, полные решимости разгромить врага раз и навсегда.

Не удержались фашисты. Их сильная, глубоко эшелонированная оборона прорвана согласованными и дружными действиями советских воинов. Вчера во второй половине дня в бой вступили танкисты наших подразделений. Первыми повели в прорыв свои танки на врага экипажи подразделений гвардии капитана Карабанова, гвардии старшего лейтенанта Духова.

Морозный воздух наполнен шумом мощных моторов. Нескончаемым железным потоком устремились на запад, к логову фашистского зверя танки, артиллерия, самоходки, бронетранспортеры, пушки на «студебеккерах», мотострелки и автоматчики на машинах.

Уже пройден первый рубеж обороны. Вот второй и третий. Траншеи, дзоты, блиндажи, проволочные заграждения, минные поля на каждом шагу. Хорошо, славно поработали наши артиллеристы. Их работа видна повсюду.

Громадные глыбы вывороченной земли, разрушенные укрепления, разбитые немецкие орудия, минометы, бронетранспортеры, пулеметы. Изуродованные трупы фашистов в тряпье грязно-мышиного цвета. Вот стоит длинный ряд немецких тяжелых метательных аппаратов. В большинстве своем они заряжены, сто-

Интервью после атаки. Беседу ведет Митрофан Умывакин

ят, наведенные на нашу сторону. Рядом со «скрипухами» валяются убитые их хозяева. Вдоль траншей, в перелесках, в глубоких землянках стоят брошенные врагом пушки, пулеметы, бронетранспортеры, штабеля боеприпасов.

По дороге тянутся пленные фрицы, очумелые от адского огня наших орудий. Бои предстоят тяжелые. В этом отдают себе отчет наши воины. Но никакое упорство врага не сможет сдержать железную поступь советских воинов-мстителей. Их девиз – вперед и вперед. Фашистский зверь будет убит в его собственном логове.

Гвардии майор М. Умывакин

Иван Сидельников

ТРЕТИЙ КОМИССАР

(Из цикла «Портреты защитников Воронежа»)

СИДЕЛЬНИКОВ
Иван Васильевич
(14.11.1918, село Средний Икорец Бобровского уезда Воронежской губернии – 10.06.2000, Воронеж)

Прозаик, публицист. Член Союза писателей СССР (1967). Из крестьянской семьи. Окончил Бутурлиновский техникум советской торговли (1939). Товаровед одного из военторгов на Дальнем Востоке (1939–1940). Литературный сотрудник районной газеты в городе Бутурлиновке (1940–1941).

Участник Великой Отечественной войны. Как политработник прошел боевой путь от Воронежа до Праги. Награжден тремя боевыми орденами и многими медалями.

После демобилизации – редактор Богучарской районной газеты «Коллективист» (1946–1948). В 1948 году в журнале «Советский воин» был напечатан первый рассказ И. В. Сидельникова «В наступлении». Заведующий сельскохозяйственным отделом в редакции газеты «Коммуна» (1948–1949). Ответственный редактор газеты «Молодой коммунар» (1950–1952). В течение многих лет руководил межобластным бюро пропаганды художественной литературы при Воронежской писательской организации. В своих произведениях уделял внимание преимущественно военной

теме. Автор 10 изданных в Воронеже книг, в том числе «Защитники Воронежа» (1951, 1956), «Неутраченное счастье» (1957, 1959, 1965, 1978), «Сердца согревала любовь» (1962, 1968), «Солдатские судьбы» (1977), «Женщины русских селений» (1982), «Комиссары» (1987), «Каждому – своё» (1991).

В сороковом году Георгий Просвирнин, студент третьего курса Воронежского театрального училища, получил повестку райвоенкомата. Со ссылкой на закон о всеобщей воинской обязанности ему предписывалось в назначенный день и час явиться на призывной пункт для отправки на действительную военную службу.

Сказать, что сероватая бумажка с отпечатанным в типографии текстом обрадовала его, – значит, исказить истинное настроение призывника Просвирнина: ведь она разрушала его жизненные планы, по крайней мере на ближайшее полугодие, оставшееся до выпускных экзаменов, после которых он должен был получить диплом драматического актера. Но время было суровое, тревожное – шла война с белофиннами – и ему, комсомольцу, не к лицу было ставить личные интересы выше интересов общегосударственных.

«Отслужу положенное, – думал Просвирнин, перестраивая свои долговременные планы на новый лад, – и вернусь в училище. Без сцены все равно жить невозможно...»

Следует сразу же сказать: надежды молодого человека, мечтавшего посвятить себя театру, не оправдались. Водоворот грандиозных событий подхватил его и властно увлек в иные сферы человеческой деятельности, далекие от той, к которой он стремился всей душой, всем молодым сердцем, открытым для добрых дел и счастья.

Письма того далекого времени, которые Георгий Просвирнин писал в Лиски матери, Елене Владимировне, и которые она с любовью сохранила, повествуют о том, как этот водоворот изменял помыслы и стремления молодого человека, наделенного недюжинными способностями. Все письма, собранные в объемистую папку, я имел удовольствие прочитать и должен признаться вот в чем.

Георгия Просвирнина знаю давно, с первых недель войны, и полагал, что вся его жизнь, по большому счету достойная времени, в котором он жил и живет, мне досконально известна, что я хорошо знаю его цельный характер и увлечения. Однако я ошибался. Душа однокашника, боевого друга-однополчанина, в этих письмах открылась мне с новой и неожиданной для меня стороны. Я понял важную для себя мысль; нельзя, невозможно иметь полного представления о человеке, даже и близком, не зная, каковы у него взаимоотношения с женщиной, давшей ему жизнь. Вовсе ведь не случайно самое дорогое из того, что есть у каждого из нас, мы называем Родиной, присовокупляя к этому необычайно емкому слову другое – «мать». Тем самым подчеркивается величие этих двух понятий, нерасторжимо сливающихся в одно самое прекрасное и великое.

Из писем я понял, что Елена Владимировна, скончавшаяся полтора десятка лет назад, для Просвирнина была не только матерью, но и самым близким другом, которому он доверял свои сокровенные тайны, и, что еще более важно, – была его единомышленником в самом высоком смысле этого слова.

К сожалению, невозможно включить в очерк все письма и в их полном объеме, – это заняло бы непомерно много места, – ограничусь лишь теми выдержками из них, которые помогут читателю представить себе, как из молодого человека, страстно мечтавшего посвятить себя театральному искусству, рождался сознательный боец Красной армии.

«1940 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Едем в курском направлении. Вчера нас увезли на станцию “Воронеж-2”, и там мы обедали. Кормили хорошо: кулеш и осетрина с кашей. Сейчас должны идти завтракать. В вагонах тесно.

Ну, всего хорошего!

Целую, Юрка».

«1940 г.

…Внимание к нам большое. Завтра начинается учеба. Посылкой мне пока ничего не посылай, у меня все есть. Питание у нас три

раза в день. Подъем в 6 утра. Одеться надо за 5 минут и выстроиться на зарядку, но никто за это время не одевается, в том числе и я…

До свидания, не скучай обо мне…»

«1940 г.

…Я зачислен в полковую школу и называюсь теперь курсантом. Приходится больше сидеть в классе.

По политподготовке получил “отлично”, а боевую подготовку еще не сдавал.

Сегодня была учебная тревога. Надо было одеться за 5 минут и в полной боевой стать в строй. Я успел, но это потому, наверное, что мне еще не дали полного снаряжения: нет еще у меня ранца и противогаза. Особенно путаюсь в портянках и обмотках…»

«1940 г.

…Сегодня все ребята в наряде, а я остался один. Почистил винтовку, “подругу дней моих суровых”, навел порядок в чемодане, потом читал твои письма. Настроение у меня сегодня более чем праздничное…»

«1940 г.

Подушку мне высылать не надо, она будет лишней, я обхожусь той, которую мне дали.

У нас в казарме живет один лейтенант из Лисок. Он тебя знает по фабрике-кухне, где ты работала. Скоро он поедет в Лиски, и я передам с ним тебе письмо. Он расскажет, как я живу. Только будь покритичней к этим рассказам».

«1940 г.

Здравствуй, дорогая мамка!

Последнее письмо я писал в караульном помещении. В тот день я в первый раз вступил на караульную вахту часовым и, значит, впервые выполнял боевую задачу. Стоять со своей подругой-винтовкой пришлось в хвойном лесу, на вышке. Ночь. Тишина. Шел снежок. Стоял и думал о тебе, о Лисках, о Воронеже…

Мама, не знаю, как будет дальше, но сейчас я, кажется, начал поправляться. Руки стали сильней, и скулы на лице стали прятаться. Словом, у меня тут жизнь хорошая, вот только уроков много, но это ничего – надо…»

«1940 г.

…Вчера выступали с самодеятельностью в госпитале. Много интересного рассказали мне там раненные в боях ребята. Жаль вот, что о самодеятельности и думать некогда…

У меня все хорошо: здоров, на аппетит не жалуюсь, физической культурой занимаюсь… Порой только скучаю по тебе, по Воронежу…»

«Насчет моих выступлений. Как ты и просишь, я особо не расстраиваюсь. Готовиться к ним приходится на занятиях в поле или же в выходной.

Позавчера выступал в Доме Красной армии, читал стихи Васильева "Граница". Все хорошо, да вот плохо, что нет сапог, а ботинки с обмотками…»

«…Уже полмесяца в лагерях. Занятия идут напряженно, по десять часов в день, больше в поле и в лесу. Знаешь, очень хорошо помогает зарядка. Утром в 5 часов вскочишь и бегом на зарядку.

Сегодня хочу пойти в город. Один друг мой лег в больницу с аппендицитом, проведаю его. Городок, как наши Лиски, только весь в зелени».

«1 июня 1940 г.

…Завтра уезжаем на маневры, куда и на сколько – не знаю. Так что, пожалуйста, не волнуйся, если от меня не будет писем…

Ну, до свидания, моя дорогая мамка, не волнуйся, приеду с учений, накатаю тебе письмо в целую тетрадь».

«12.9.1940 г.

…Прежде всего должен сообщить тебе, чтобы ты сюда не писала, так как 16.9 мы отсюда уедем. Адрес брянский тот же. Второе важное, что хочется тебе сообщить, это то, что мне полковник объявил благодарность (уже вторая от него) за хорошую работу на учениях, с денежной премией в 25 рублей. Приеду в Брянск, первым делом куплю себе одеколона и лезвий для бритвы…»

«24.9.1940 г.

…Только что выехали из Воронежа и сейчас стоим в Отрожке. Поедем, наверное, дальше.

Мама, ты понимаешь мое состояние, когда я сейчас проезжаю по родным местам…»

«29.9.Воронеж.

Едем в обратном направлении. Вчера вечером отпросился у командира, и он отпустил меня до 9 утра сегодняшнего дня. Таким образом, от эшелона отстаю и поеду самостоятельно пассажирским поездом.

Мамка, ты не расстраивайся, что мы не виделись, хотя я и был близко от дома.

Вчера вечером ходил в училище. Ты и представить не можешь, какой там поднялся шум!..

Меня очень обрадовала и в то же время расстроила встреча с пожилой актрисой, Еленой Васильевной Черной, моей учительницей по художественному чтению. Когда я вошел в класс в сопровождении студентов, она прослезилась и поцеловала меня. А потом все расспрашивала о моей жизни. В конце сказала: „Обязательно приходи учиться, будешь моим учеником“».

«11.12.40 г.

...Работаю сейчас много и к вечеру устаю, но все-таки гораздо меньше, чем когда начинал служить. Сейчас я окреп, стал выносливым».

«18.12.40 г.

...Мамка, жизнь моя сейчас наполнена многими заботами. Несу много комсомольских нагрузок: член бюро ВЛКСМ подразделения, член бюро ВЛКСМ части. С одним другом организовал ансамбль, не знаю еще, что получится, но усиленно готовимся ко Дню Красной армии.

Послезавтра иду делегатом на комсомольскую конференцию.

Мамка, дорогая моя, не тоскуй при встрече Нового года. Знай: мыслями я буду с тобой. И голосок у меня уже басовитый, и щетинится борода, я по-детски люблю свою дорогую мамку и в новогоднюю ночь в первую очередь буду желать, чтобы 1941 год принес тебе счастье...»

«25 января 1941 года.

...Вчера у нас в клубе был вечер оперетты и водевиля. Очень хорошо поставлен водевиль “Девушка и гусар”. Я хохотал...

Мамка, есть у меня большая просьба к тебе: пришли мне немецко-русский словарь и чистых тетрадей...»

«23 февраля 1941 года.

…Сегодня праздник, и, конечно, у нас все вычищено и блестит. Настроение праздничное, обед тоже праздничный, музыка целый день. В клубе на Доске "Наши отличники" красуется и моя морда, а вчера мне, как отличнику, дали пригласительный билет в гражданскую организацию на вечер. Был в клубе фабрики.

В художественной части показывали отрывок из "Леса" Островского. Играли хорошо, особенно исполнитель роли Аркашки. Ну, мне, конечно, вспомнился "мой" Несчастливцев…

Из фабричного пошел в свой клуб. И вот только я вошел, начальник клуба и говорит: "А, попался, теперь не уйдешь!" Вышел и объявил: "С художественным чтением выступает отделенный командир Просвирнин. Что будет читать, он сам скажет". Ну, пришлось выступить. Аплодисменты были дружные, продолжительные, теплые.

На вечере зачитали приказ, в котором говорилось, что меня наградили универсальным складным ножиком ценой в 50 рублей. Это третья моя награда за службу в армии…»

«28 февраля 1941 года.

…В тумбочке стола найди книжку, в ней три пьески, третья называется "Корни капитализма" Зощенко (первые две не помню). Вообще, посмотри легонькие для постановки пьесы, где занято много мужчин и мало женщин, и пришли их мне. А также положи чистых тетрадей…»

«17 марта 1941 года.

…Хотел написать тебе вчера, когда все ушли в кино, и уже сел в классе, но с мыслями как-то не собрался и ничего не написал.

А вспомнилось мое детство, жизнь в 56-м доме. Ведь вчера было одиннадцать лет, как умер папа, вот я и продумал все прошедшее.

Очень многим я обязан тебе, мамка. Ведь если бы не ты, а была бы у меня другая мать, было бы хуже. Очень много хорошего сделала ты для меня за эти 11 лет. Вырастить такого детину, как я, это что-нибудь да значит. Если бы посмотрел на меня отец, то сказал бы: "Ох, и молодец ты у меня, Лелька!" Это уж точно, так бы и сказал…»

Василий Просвирнин из жизни ушел рано. В неполные тридцать четыре года. Родившийся на берегах Волги, он с юношеских лет и навсегда связал свою судьбу с Воронежской землей – сперва, еще до революции, учился в Борисоглебском техническом училище, потом работал техником железнодорожной связи в Воронеже и Лисках. Дело свое высоко ценил и любил самозабвенно. В партии большевиков хотя и не состоял, но по своим жизненным убеждениям был подлинным коммунистом. Георгий Просвирнин до сих пор хорошо, до мельчайших подробностей, помнит, как однажды, в студеную пору двадцать четвертого года, отец пришел домой таким расстроенным, каким он его никогда ни до этого, ни после не видел. «Что это с тобой, Вася? – кинулась к нему мать. – На тебе лица нет!..» Отец дрожащим голосом сказал: «Горе-то какое, Леля!.. Только что по телеграфу передали: умер Ленин...» И зарыдал...

Сам Василий Просвирнин расстался с жизнью, как человек, до конца исполнивший свой долг.

В феврале тридцатого года разразился многодневный буран, во многих местах он порвал телефонные провода, нарушив тем самым движение поездов. Во главе небольшой группы рабочих Василий Просвирнин выехал на перегоны между станциями Бобров и Таловая, где буря линиям связи причинила особенно большой урон, и двое суток кряду на пронизывающем ветру устранял обрывы. Он тяжко простудился, и с двусторонним воспалением легких его привезли в Лиски.

Болел он недолго, а умирал в полном сознании. В последний день подозвал к себе Елену Владимировну с сынишкой и, поглаживая его головку, слабым голосом попросил: «Постарайся, Леля, воспитать его настоящим человеком. Это мой тебе наказ...»

«15 июня 1941 года.

...Вот уже четыре дня, как я сдаю экзамены в Брянское военно-политическое училище. Сдал уже по русскому языку, литературе, географии и математике. Осталось сдать политподготовку и пройти мандатную комиссию.

Итак, судьба моя уже решена: поклонник Мельпомены и театра навсегда остается в армии.

Мамка, в субботу, 21 июня, я буду вспоминать о тебе, и ты вспомни, какие муки перенесла двадцать два года назад из-за такого обормота, как я. Ведь не стоило, правда?

Ну, ничего, я отблагодарю тебя за это в свое время. Дай на ноги стать. А сейчас живи спокойно, знай, что сынок будет хранителем твоей жизни…»

«22 июня 1941 года.

…На митинге мы единодушно заявили: учиться будем с двойным упорством и готовы выступить по первому приказу. Все стали куда более серьезными и деловитыми.

Тебя я очень прошу: пожалуйста, не волнуйся обо мне и лишнего не думай ничего…»

«5.7.1941 г.

Здравствуй, дорогая мамка!

Получил наконец-то первое после начала войны письмо. Признаться, молчанием твоим беспокоился. Думал уже, что и тебя мобилизовали на фронт по твоей медицинской специальности. Весточка пришла от тебя – на душе стало спокойней…

Сегодня к нам в училище из Воронежской области прибыла группа будущих курсантов. Среди них есть ребята из Лисок: Семен Ирхин, Макар Соколов, Иван Атапин, Афанасьев (он служил в железнодорожной милиции) и еще двое, фамилии которых еще не успел узнать. Они рассказали о Лисках, и мне было очень интересно. В условиях армии встретиться с земляками – большая радость…»

…Одним из тех двух новичков, которых Просвирнин не знал, был я, автор этих строк, уроженец села Средний Икорец, что в двух десятках километров от Лисок. С городом железнодорожников меня связывали некоторые важные для меня события в моей жизни. В тридцать шестом году, перед поступлением в Бутурлиновский техникум совторговли, более полугода списчиком поездов я бегал – в любую погоду и в любое время суток – по главным путям Лискинского железнодорожного узла. В Лисках же получал свой комсомольский билет, а в районной газете «Путь Ленина», увидав свою фамилию под заметкой о том, как комсомольцы родного мне колхо-

за «Борец» готовятся к весне, впервые ощутил сладкую отраву авторской радости. Так что Просвирнин был вправе называть меня своим земляком, как, впрочем, и я его.

Среди курсантов первой роты, в которую мы, новички, были зачислены, Просвирнин, являвшийся помощником командира первого взвода, выделялся высоким ростом и безукоризненной выправкой. Когда рота строилась и звучала команда «Направо равняйсь!», наши взоры устремлялись к нему – он был правофланговым.

По Просвирнину многие курсанты, вроде меня, не служившие в армии, равнялись не только из-за его внушительной внешности, – он невольно привлекал к себе внимание и своей внутренней собранностью, свойственной цельным натурам, и активностью на семинарских занятиях, когда хорошо поставленным голосом с глубоким знанием предмета излагал обсуждаемую тему. К тому же Просвирнин обладал привлекательным умением с достоинством держать себя как в отношениях со старшими, так и с подчиненными ему курсантами, был общителен.

Жили мы в палатках, аккуратными рядами развернутых в вековом сосновом лесу. Первое время, несмотря на тревожные вести с фронтов, у всех нас, не исключая и преподавателей, преобладало убеждение: наши неудачи в боях временные и объясняются тем, что в дело еще не вступили главные силы Красной армии. Как только они войдут в соприкосновение с фашистскими войсками, на фронтах тотчас же произойдет коренной перелом в нашу пользу, и гитлеровская разбойная армия, привыкшая к легким победам в Западной Европе, будет беспощадно разгромлена на немецкой земле, чтобы «врагу неповадно было совать свое свиное рыло в наш советский огород».

В одном из писем матери Просвирнин так прямо и написал: война эта будет скоротечной, и уже 7 ноября 1941 года он надеется встретиться с ней в условиях мира. Мало чем отличался и мой взгляд на полыхавшую войну. Среди нас даже ходили такие разговоры: поскольку ускоренный курс училища рассчитан на полгода обучения, нам и не доведется за грудки схватиться с фашистскими захватчиками.

Но шли дни, а обстановка на фронтах не только не улучшалась, но, напротив, становилась все более опасной для страны. На Брянск,

Последние фронтовые известия. Группа бойцов за чтением свежего номера газеты. Калининский фронт. 1942 год

в особенности на его железнодорожную станцию, участились налеты вражеских бомбардировщиков. Особенно жестокими и продолжительными они были ночью на 28 июля: до рассвета никто из нас и век не сомкнул. А перед завтраком горнист протрубил общий сбор, на котором начальник училища полковой комиссар Устьянцев объявил о срочной эвакуации в глубь страны.

На сборы было дано всего полчаса, и в восемь утра училище в полном составе выступило из лагеря! К месту погрузки в эшелоны на станции Брасово колонна курсантов прибыла в полдень следующего дня, преодолев за двадцать восемь часов более восьмидесяти километров.

Мучительным был этот марш-бросок! Особенно для новичков вроде меня, нетренированных и даже не умевших обмотать как следует портянки, чтобы не набивать мозолей. Я не смог его выдержать, и примерно за десять километров до Брасова меня подобрала санитарная двуколка.

А помкомвзвода Просвирнин вызвал у меня удивление и зависть – весь путь прошагал впереди роты. Более того, шуткой и

словом участия он подбадривал обессилевших курсантов и нередко перекладывал на свое плечо винтовку или ранец ослабевшего товарища. Неутомимость земляка поражала меня, изнемогающего, помимо всего прочего, еще и от того, что по неопытности не соблюдал режим похода: на привалах неразумно жадно пил воду, отнимающую силы. А Просрирнин, как и другие опытные в таких делах курсанты, лишь полоскал рот. Для этого надо было обладать огромной силой воли, которой у меня, увы, не хватало.

Поезд наш двигался медленно, подолгу стоял, пропуская встречные воинские эшелоны. Глядя на бойцов и командиров, едущих на фронт для смертельных схваток с фашистами, мы испытывали перед ними некоторую вину, как будто по своей воле удалялись от огня войны, полыхавшей на нашей земле от Ледовитого океана до Черного моря.

Куда нас везут, мы не знали. Когда же из Курска эшелон двинулся на Касторную, мои земляки, как и сам я, заволновались: может, обоснуемся в Воронеже?..

Мы и совсем лишились покоя, когда из Отрожки поезд направился в сторону Лисок...

На хорошо мне знакомые хитросплетения стальных путей Северного парка станции огромного железнодорожного узла эшелон медленно въехал в душные августовские сумерки. В воздухе было так тихо, что откуда-то, возможно, из городского сада, были слышны волнующие звуки старинного вальса, исполняемого духовым оркестром. Война войной, а жизнь продолжается...

Мы, лискинцы, повыскакивали из теплушек в надежде среди стрелочников, составителей и осмотрщиков увидеть знакомых, чтобы через них передать родным весточку о себе.

Часа через два, когда на землю уже опустилась ночь без огней, в домах и на предприятиях сработала устная почта, и возле эшелона сперва появилась жена Ивана Атапина, а потом отец Семена Ирхина, работник паровозного депо.

Просвирнин не находил себе места: как сообщить матери, что он совсем рядом? Трудность заключалась в том, что по закону о военном положении действовал комендантский час, категорически запрещающий хождение без специальных пропусков. А эшелон может в любую минуту тронуться в путь.

Ни на что не надеясь, Просвирнин в полночь залез на верхние нары теплушки и долго ворочался, затаенно вздыхая.

Очнулся он на рассвете от того, что кто-то нетерпеливо тряс его ногу. Вскочил и увидел улыбающегося Семена Ирхина.

– Вставай, к тебе пришли, – загадочно шепнул он, стараясь не разбудить спящих товарищей.

– Кто? – приподнялся Просвирнин.

– Сам увидишь…

Сорок два года спустя Просвирнин так рассказывал мне о памятном для него событии:

– Семен Ирхин, как ты знаешь, слыл за весельчака, балагура и мастака остроумных розыгрышей. Поэтому к его сообщению я отнесся с недоверием, но из вагона все же вышел… И можешь представить, что поднялось в моей душе, когда возле будки стрелочника я увидел маму!.. Как потом выяснилось, появилась она именно благодаря Семену. Через жену Атапина сложной цепочкой посыльных он сумел передать маме нежданную весть обо мне… Последним звеном в этой цепочке была старуха, мать врача, с которой моя мама работала в поликлинике и которая, находясь на дежурстве, позвонила домой… Старушка все перепутала и всполошенно забарабанила в окно нашей квартиры: «Вставай, Владимировна, твоего Юрку в поезде раненым везут!..» У мамы руки-ноги отнялись… Насовала она в сумку бинтов, йода и домашних пышек и опрометью в Северный парк… Ее останавливали патрули, а она, плачущая, говорила им, куда и почему бежит, и ее пропускали – у какого бойца не дрогнет сердце при виде матери, рвущейся к раненому сыну?.. Представляешь, что она пережила, пока не увидела меня?!

…Оказавшись в родных местах, я в ту ночь плохо спал и потому стал свидетелем встречи помкомвзвода Просвирнина с матерью, высокой и еще нестарой, которая то плакала, то смеялась, глядя на сына, здорового и невредимого. А он, обрадованный и смущенный, поглядывал на вагоны с распахнутыми настежь дверями, в которых толпилась наша возбужденная братия, искренне радуясь за него и завидуя ему, – не каждому суждена была такая мимолетная, но крайне желаемая встреча.

Наше обучение в военно-политическом училище длилось в общей сложности восемь месяцев. Вместе со многими выпускниками мы с Просвирниным были направлены на формирование 100-й стрелковой дивизии и попали в один и тот же полк – 460-й. Просвирнина назначили политруком роты связи, а меня – политруком стрелковой роты.

Время было мало сказать трудное, к нему более всего подходило слово «тяжкое». Сколачивая подразделения в единый воинский организм, подчиненный воле их командиров, мы занимались от подъема до отбоя. Кормили же нас два раза в сутки. Но наши лишения и трудности при всем том казались несерьезными в сравнении с теми, о которых до нас доходили слухи из осажденного Ленинграда: там люди от голода ежедневно умирали тысячами.

По железной дороге, неподалеку от которой мы жили в огромных землянках, вырытых в тайге, из осажденного города вывозили детей и женщин, а обратно везли продукты и боеприпасы. Этим и объяснялась скудность нашего питания. «Терпите, говорили нам, сейчас все силы и средства брошены на то, чтобы до наступления весны по Ледовой дороге жизни завезти в осажденный город как можно больше продуктов...» И мы терпели, безропотно ожидая лучших времен. Как-то – это было в конце марта сорок второго года – я шел по вызову к комиссару полка М. Грозову и встретил Просвирнина. И без того худощавый и высокий, он, казалось, стал еще выше и худощавее. Всегда веселый, неунывающий, в этот раз Просвирнин был чем-то крайне удручен. Отвечая на мой вопрос, что стряслось, Георгий взволнованно рассказал:

– Я только что со станции... Там увидел такое... В эшелоне везли в тыл ленинградских детей... Более страшного я ничего не видывал... Это не дети, а иссохшие старички и старушки... я потрясен…

Как и прежде, Просвирнин физически и духовно был неутомим. Уже одним этим он давал своим связистам, и не только им, заряд бодрости, оптимизма и уверенности в нашей конечной победе над гитлеровской Германией.

Что говорить о других, Просвирнин в те нелегкие дни и лично для меня был живым примером настоящего политрука роты.

…Неисповедимы пути-дороги солдатской судьбы. В самом деле, разве могли мы, лискинцы, ставшие политруками, предположить, что на землю нашей малой родины придут фашистские оккупанты и что именно на этой земле мы окажемся под их огнем?..

А так оно и получилось.

Когда гитлеровские войска в июле сорок второго года ворвались в Воронеж, 100-ю стрелковую дивизию на другой же день погрузили в эшелоны, чтобы перебросить на Воронежский фронт. Через две недели ее полки были сосредоточены в заданном районе. А это значило, что мы с Просвирниным оказались в нескольких десятках километров от Лисок и Среднего Икорца, где оставались наши матери.

Мне тогда очень повезло: отпущенный эмиссаром полка М. Грозовым на сутки, я несколько часов провел со старухой матерью в родном домишке, находившемся в зоне артиллерийского огня противника. Просвирнин тоже получил разрешение на краткосрочную отлучку, но матери не повидал.

В своем письме Елене Владимировне, отправленном из левобережного Воронежа, куда нас потом перебросили, он писал:

«…Наконец-то получил от тебя письмо из Актюбинска, а то уж не знал, что и думать. Теперь хоть знаю, где ты…

Мама, недели две назад я решил навестить тебя, сел верхом на лошадь и отправился в Лиски. Доехал до станции Бодеево, увидел знакомого железнодорожника, и он рассоветовал, потому что сказал, наверное, ты в Лисках не осталась. Я переночевал в Давыдовке и вернулся в часть. А теперь жалею. Надо было все же съездить, хоть посмотреть дом.

Обо мне не беспокойся, настроение замечательное, живу хорошо, только все ждал письмо от тебя. На этих днях постараюсь выслать тебе денежный перевод.

Мамка, бороться приходится за город, в котором родилась ты сама, а потом и меня родила…

Ну, до свидания, дорогая моя, желаю тебе всего хорошего.

Целую, Юрка».

Письмо это датировано 11 августом сорок второго года, а день этот для всех сотовцев, оставшихся в живых, памятен тем, что дивизия получила тогда приказ командующего 40-й армией генерал-лейтенанта М. Попова предстоящей ночью форсировать реку и с рассветом начать штурм Чижовки, южной оконечности Воронежа. Причем нашему 460-му полку, по выражению командующего, предстояло играть первую скрипку – наступать на направлении главного удара. Во всех подразделениях, включая, разумеется, и роту связи политрука Просвирнина, прошли митинги, на которых бойцы и командиры поклялись, выполняя приказ, драться до последнего патрона, до последнего удара сердца. И писал Просвирнин матери как раз вскоре после такого митинга…

Штурм Чижовки, расселившейся по правобережному взгорью, являвшемуся чрезвычайно выгодным рубежом для фашистов, длился шесть суток, накал его ожесточения не ослабевал по ночам, душным и зловонным. За это время полк понес огромные потери. Люди дрались геройски.

Находясь на командном пункте полка, обслуживаемом ротой связи, Просвирнин болезненно переживал каждое сообщение о гибели однополчан.

В первый же день наступления увидел он смертельно раненного комиссара батареи 45-миллиметровых орудий Павла Нечипуренко, нашего общего однокашника по военно-политическому училищу, и ощутил укор совести, сам только не зная почему, ведь свой долг в бою он исполнял так же честно и самоотверженно, как его исполнил Павел Нечипуренко, скончавшийся по дороге в медсанбат, размещавшийся в Новой Усмани…

Потом в разные из этих шести дней поступали сообщения о том, что убиты комиссары первого, второго и третьего батальонов Евгений Лапин, Митрофан Кузнецов и Иван Бычков, политруки рот Антон Гапон, Автоном Шилов, Александр Карелин и Михаил Авраменко; что из строя выбыли другие политруки: Григорий Домокуров, Алексей Кочетков, Василий Лагунов, Андрей Власов, Андрей Шалобов, Федор Красильников, Николай Петров, Александр Андрианов, Павел Закомолдин и пишущий эти строки.

Всех Просвирнин знал хорошо, с некоторыми дружил со времен училища и, чтобы хоть как-то приглушить чувство виноватости перед ними, часто покидал командный пункт полка и вместе с линейными надсмотрщиками ходил, хотя это дело для него было вовсе необязательным, восстанавливать телефонную связь, без конца нарушаемую массированным огнем противника. Политрук обязан был в бою подавать подчиненным личный пример бесстрашия и презрения к смерти, и он его подавал.

В конце пятого дня, накаленного не только непомерно знойным августовским солнцем, но и огнем врага, Просвирнина вызвал комиссар полка М. Грозов, оглядел его усталыми глазами и молча показал на стул, приглашая сесть.

– Как дела в роте? – спросил он таким тоном, будто вовсе не знал, как воюют связисты.

Просвирнин машинально вскочил, чтоб ответить стоя, как положено, но комиссар полка повелительным жестом снова усадил его. А когда Просвирнин сказал, что связисты свою задачу выполняют, под огнем находят и быстро устраняют повреждения, что морально-политическое состояние личного состава высокое, случаев уныния и тем более упаднического настроения нет, Грозов спросил:

– Потери большие?

– В сравнении со стрелковыми и пулеметными ротами – нет, небольшие: трое убитых и восемь раненых.

Комиссар глубоко вздохнул и сказал опечаленно:

– Да, Георгий, много мы потеряли за эти дни… По числу активных штыков на переднем крае полк фактически стал ротой… Но жертвы не напрасны. Как сообщила армейская разведка, немецкое командование вынуждено из районов Острогожска и Россоши вернуть сюда, под Воронеж, многие части, которые Гитлер перебрасывал на юг. А это значит, что мы помогли, и неплохо, нашим войскам на Сталинградском направлении…

Он помолчал, свертывая самокрутку. Протягивая потом кисетик Просвирнину, спросил как бы между прочим:

– Не догадываешься, зачем я тебя пригласил?.. Прикрепляй к петлицам по третьему кубику – тебе присвоено звание «политрук»…

Поздравляю, Георгий! И с повышением в должности поздравляю: ты назначен комиссаром первого батальона.

– А Виноградов? – предчувствуя неладное, напомнил Просвирнин о комсорге полка, который заменил старшего политрука Лапина, сраженного в первый же день штурма.

Грозов отвернулся и глухим голосом сказал, что Яша Виноградов убит...

Грозов догадался о том, что сейчас творилось в душе Просвирнина, и не стал говорить утешительных слов. Напротив, глядя на него прямо, честно предупредил:

– Тебя, Георгий, ждут суровые испытания.

На плацдарм он шел не один. Когда в роте связи прощался с товарищами, у молоденького бойца Боженова заметил выражение, которое расценил как просящее.

– Илюша, пойдешь со мной?

Озорные серые глаза парня засветились радостью:

– Пойду, товарищ политрук!

Вооруженные автоматами, они торопливо шагали по росистому лугу, развороченному снарядами и уже прозванному бойцами Долиной смерти.

По всему взгорью – и там, куда они шли, и левее, в Шиловском лесу, – в ясное небо взмывали осветительные ракеты.

Рассказывая мне об этой ночи более сорока лет спустя, он откровенно признался, что ему до скончания дней не забыть своего первого пребывания на плацдарме, длившегося одни сутки. Ведь одно дело принимать полнокровный батальон в казарме, другое – кто остался в живых в ночном бою, когда перед тем обстановка в течение дня менялась несколько раз, и разные подразделения, отходя под напором врага, перемешивались, и поэтому к концу дня никто в точности не знал, сколько людей осталось в батальоне и все ли они залегли на огневом рубеже.

Что в этой неясной обстановке должен был и мог предпринять комиссар-новичок, сам впервые оказавшийся под вражескими пулями?

Одно Просвирнин знал хорошо: комиссар обязан находиться среди людей и там, где наиболее опасно, – это и есть высшая форма партийного влияния на исход боя. И главное: призывая подчинен-

ных стоять насмерть, сам комиссар ни в малой мере не имеет права колебаться, когда возникает такая ситуация, при которой вопрос стоит так – жить, не выполнив приказа, или умереть во имя его выполнения?..

Проходя вдоль подножья взгорья, он разыскал шестерых бойцов своего батальона, которые залегли в наспех вырытых окопчиках на склоне, в полутора десятках шагов от низины. По их рассказам выходило, что остатки батальона занимают оборону где-то на левой оконечности Чижовки, а сами они тут окопались по строгому приказу какого-то незнакомого лейтенанта из третьего батальона. За старшего у них был пожилой боец, фамилию которого Просвирнин запамятовал, но внешний облик которого помнит и поныне: невысокий, коренастый и с густой зарослью рыжеватой бороды.

Немецкие позиции совсем рядом, сразу же за огородиками и садом с искореженными деревьями, там, где дымились пепелища и развалины полудеревенских домиков. В этом месте немцы были ближе всего к пойме и хорошо просматривали все, что было за спинами бойцов. Справа наши подразделения, в сопровождении танков наступавшие левее дамбы, соединяющей обе части города, разделенного рекой, вклинивались в немецкую оборону вплоть до кирпичного завода – он метрах в семистах от подошвы взгорья.

– Если фрицам удастся столкнуть нашу шестерку на луг, тогда, товарищ комиссар, на плацдарме никому уж не удержаться, – рассудительно и убежденно заверил небритый боец, бывший за старшего. – С тылу и с боков начнут жать – вся наша оборона рухнет...

Просвирнин согласился с его оценкой создавшейся обстановки.

– Что ж, вместе будем держаться на этом рубеже... Дайте-ка мне свою лопату, я окопаюсь... А ты, Илюша, – обратился он к своему ординарцу, – пойди разыщи комбата и доложи ему, почему я решил тут остаться...

Его слова ободрили красноармейцев, по существу предоставленных самим себе и оттого приунывших.

Эта короткая летняя ночь со сполохами пожаров в городе, вспышками осветительных ракет, взрывами снарядов и прочерчиваемая очередями трассирующих пуль показалась бесконечной. От-

дыхали поочередно, прикорнув в окопах, а Просвирнин до рассвета и глаз не сомкнул – тревожно было на душе.

Честью и жизнью своей отвечает он за этот крохотный клочок земли, изуродованный снарядами и бомбами, земли, в прямом смысле для него родной, – сумеет ли он удержать его?

Наконец настал день. Просвирнину уже некогда стало раздумывать, надо было действовать: немцы возобновили попытки сбить защитников Воронежа с Чижовского взгорья. Вот тогда-то он впервые и увидел врагов – близко, сквозь прорезь прицела автомата. Он испытал ни с чем не сравнимое упоение, когда один из них, высокий, с засученными рукавами френча и в надвинутой каске, вдруг остановился, словно бы раздумывая, следует ли идти дальше, потом пьяно заковылял и повалился...

Фашисты атаковали не очень напористо и мелкими группами – видно, выдохлись в предыдущие дни, но позиции наши обстреливали из всех видов оружия яростно, словно бы вымещая злобу за свои неудачные попытки ликвидировать плацдарм. В один из огневых налетов смертельно ранило в грудь того самого бойца, который до появления Просвирнина был за старшего у своих товарищей. Его похоронили на склоне взгорья.

Вечером на смену 460-му полку пришла 111-я стрелковая бригада. При отходе к переправе, остервенело обстреливаемой противником, Просвирнин со своим отрядиком присоединился к батальону во главе с лейтенантом Борисом Воронковым.

В небольшом селе, куда был выведен полк, к остаткам первого батальона присоединились его подразделения, во время боев располагавшиеся на левом берегу, в Песчанке, – минометная рота, хозвзвод, санвзвод и взвод связи. После того как людей накормили, им было приказано хорошо отоспаться. Их не будили даже на завтрак.

В полдень Просвирнин побрился, привел в порядок обмундирование – пришил чистый воротничок, залатал дырки на гимнастерке, порванной во время боя, почистил кирзовые сапоги и отправился по хатам, в большинстве своем кирпичным, в которых отдыхали бойцы. Надо было выяснить, сколько осталось в строю коммунистов и комсомольцев, произвести их новую расстановку и назначить парторгов.

На подходе к одному из домиков с соломенной крышей к нему кинулась невысокая девушка в форме рядового красноармейца, в аккуратных хромовых сапожках.

– Юрка! – вскрикнула она.

Это была Ирина Янкина, сокурсница Просвирнина по театральному училищу. Оказывается, она тут в качестве артистки ансамбля песни и пляски 40-й армии.

Надо ль говорить, что Просвирнин несказанно обрадовался, увидев Янкину, с которой у него когда-то были добрые товарищеские отношения. Неожиданная встреча с ней здесь, в прифронтовой полосе, напомнила Просвирнину о многом из того, что так или иначе было связано с его юношескими мечтами о театре.

В тот же вечер при свете коптилки Просвирнин написал письмо в Актюбинск.

«18 августа 1942 года.

Здравствуй, дорогая мамка!

Писать приходится изредка, обстановка не позволяет, но ты не беспокойся обо мне.

...Город как на ладони. Даже виден дом дяди Коли. Изменился он значительно. Сволочи разрушили его, и при виде развалин и пепелищ в душе появляется лютая ненависть к ним.

Чувствую себя хорошо. Получил повышение в звании и должности. Послал тебе перевод. Напиши, получила ли ты денежный аттестат?

Ну, до свидания, моя дорогая!

Твой сын Юрка».

Утром следующего дня в полк прибыло несколько маршевых рот. Одну из них майор Смоляк в полном составе распорядился направить в первый батальон. Вечером командир батальона Воронков и Просвирнин получили сразу две маршевые роты. Группами и в одиночку прибывали также командиры и политработники.

Просвирнин беседовал со всеми вместе и поодиночке – надо было знать, чем дышат новички. Пополнение было разношерстным

по возрасту и по армейскому опыту: большинство прибывших в боях не участвовало.

Просвирнин и Воронков надеялись, что у них будет достаточно времени для сколачивания батальона в грозную боевую единицу, но уже на шестой день «тыловой» жизни майор Смоляк приказал покинуть село и с наступлением темноты вновь переправиться на Чижовский плацдарм.

Собрав политруков, Просвирнин довел до них боевой приказ и дал практические указания: созвать партийно-комсомольские собрания, провести митинги, организовать прием заявлений о приеме в партию и комсомол. А после совещания побывал во всех трех стрелковых ротах и выступил на митингах. Говорил горячо, убежденно, призывая действовать в предстоящем бою так, как требует воинский долг.

Вечером, перед самым выходом из села, Илья Боженов принес Просвирнину треугольное письмо из Актюбинска. Елена Владимировна словно бы знала, в какую минуту он будет читать ее строки, взволнованно писала:

«Дорогой мой любимый сыночек!

Давно не получала от тебя весточек, и невеселые думы лезут в голову. Как получишь это письмо, напиши мне, родной, а то уж очень грустно без твоих писем.

Жизнь моя настолько однообразна, что и не знаю, о чем писать тебе. Никуда не хожу, кроме как на работу. Ложусь спать в 7-8 вечера, а встаю в 4-5 утра. Вот и вся моя жизнь.

Крепко-крепко целую тебя, мой родной, мой дорогой Юрка. Пускай тебя хранит моя материнская любовь.

Твоя мамка».

Батальон занял рубеж, начинающийся слева у кромки Шиловского леса, а справа – у широкого оврага, который рассекает взгорье на две неравные части. Командный пункт размещался в ста пятидесяти шагах от передней траншеи, у обрывистого склона, в двух блиндажах: один предназначался для командира и комиссара батальона, другой – для начальника штаба и телефонистов.

Считая одной из главных комиссарских обязанностей заботу о людях, Просвирнин следил, чтобы в питании личного состава не было неоправданных перебоев, чтобы всех раненых вовремя, то есть с наступлением темноты, санитары эвакуировали с плацдарма на левый берег, передавая их на попечение врачей и сестер санитарной роты полка, а убитые чтоб подолгу не лежали непогребенными.

Потери росли день ото дня: к исходу третьих суток пребывания на плацдарме в стрелковых ротах людей оставалось немногим более половины. Выбыла из строя большая часть командиров и политруков рот. И тут, как назло, вдруг заболел командир батальона Воронков: у него поднялась температура.

Просвирнин предложил комбату эвакуироваться на левый берег, но Воронков отказался: по такой причине, де, стыдно покидать плацдарм. Но командир полка приказал Воронкову немедленно отправиться в санитарную роту, а его обязанности возложил на Просвирнина. Теперь он был один в двух лицах: и комиссар, и командир батальона.

Не прошло после этого и суток, как вражеская пуля сразила начальника штаба батальона лейтенанта Рейтузова. А дождливым утром следующего за этим дня и сам Просвирнин, выступающий уже в трех лицах, в прямом смысле, чудом остался жив.

Пошел он на правый фланг батальона – там создавалась особенно тревожная обстановка – и попал под беглый огонь ротных минометов. Пережидал его, лежа рядом с Ильей Боженовым возле поваленного и полуобгоревшего деревянного забора. Когда поднялся, был немало удивлен тем, что плащ-палатка была иссечена осколками, а на теле ни одной царапины. Просвирнин окликнул ординарца, уткнувшегося лицом в землю, но тот почему-то не отозвался. Склонясь над ним, Просвирнин вздрогнул: боец был мертв…

Потери… Сколько их было?..

Просвирнину полегчало, когда через несколько дней прибыл новый комбат, двадцатидвухлетний капитан Николай Солдатенков. Николай был такой же высокий и стройный, как и Просвирнин, только с гораздо большим боевым опытом: еще до войны он окончил пе-

Спецфотокор газеты «Красная Звезда» Олег Кнорринг и кинооператор Иван Малов снимают допрос немца-перебежчика старшего ефрейтора Альфонса Баушхофа

хотное училище. А прибыл он из госпиталя, после излечения раны. Характер у него хладнокровный, уравновешенный – никогда, даже в самую тяжелую минуту боя, не повышал голоса на подчиненных.

Комиссар и командир с первой же минуты знакомства почувствовали взаимную симпатию, переросшую в дружбу: перед лицом врага это чувство зарождалось быстро и навсегда.

15 сентября сорок второго года наши войска начали второе наступление на Воронеж: с севера и с юга. Длилось оно несколько дней, но решающего успеха не имело: силен был еще враг.

Воины 100-й стрелковой дивизии, как и во время первого штурма, самоотверженно дрались за Чижовку.

И в этом наступлении Просвирнин потерял многих друзей. Среди тех, кто сделал свой последний шаг, оказался и Николай Солда-

тенков, изрешеченный очередью пуль. Сил у него хватило лишь на то, чтобы слабеющим голосом отдать свой последний приказ: «Вперед, только вперед!» Так Просвирнин опять оказался в двух лицах, правда, ненадолго: в очередной атаке пуля свалила и его самого…

Вот как об этом он рассказывал матери в письме, написанном «по горячим следам»:

«Здравствуй, моя дорогая мамка!

После некоторого перерыва я вновь пишу тебе, чтобы прежде всего сообщить о своем здоровье. Вот уже два с половиной месяца я на фронте, не раз ходил в бой, чтобы освободить родной мне город от фашистской нечисти. 17 сентября я четыре раза ходил в атаку. Перебили фрицев порядком. Вечером, когда я опять повел свой батальон в атаку, меня ранило. Не забуду этот день – такой подъем был! Когда я упал, кто-то крикнул: „Комиссара ранило!“

Ко мне бросились бойцы, но я сказал им, чтобы шли по своим местам, а сам со связным отполз в лощину, где боец перевязал мне рану. Рана легкая. Тебе, как медику, могу написать диагноз: сквозное пулевое ранение левой стопы (выше пятки). Лежу в Верхней Хаве. Вот и все.

Ну, до свидания, моя дорогая, пиши, не забывай своего подшибленного вояку. Целую крепко-крепко. Георгий».

Вскоре после этих событий, находясь на курсах усовершенствования политсостава Воронежского фронта, в красноармейской газете «За честь Родины» я прочитал о том, что политрук Просвирнин Георгий Васильевич награжден орденом Красной Звезды.

Орден этот я увидел на нем в июле сорок третьего года, в разгар Курской битвы, которая, как известно, переломила хребет фашистскому зверю. В тот день, под вечер, когда очередная атака врага была отбита, я, агитатор 569-го стрелкового полка, – он входил в 161-ю дивизию, – по травянистой и довольно широкой балке возвращался с передовой на командный пункт нашего командира полка, двадцатисемилетнего майора, а через несколько месяцев – полковника и Героя Советского Союза Василия Федотова.

Цепь наших стрелков окопалась в трехстах метрах от балки, на лесистом взгорке, и немецкие пули, не задевая, за него, свистели в вышине.

Балка была безлюдной, и я немало удивился, когда из-за ее изгиба вдруг показался высокий офицер со свернутой шинелью на руке и солдатским вещмешком за плечами. Выше нагрудного кармана гимнастерки у него поблескивал орден. Что-то хорошо знакомое увиделось мне в облике военного. Узнав в нем Просвирнина, я чуть ли не бегом заспешил к нему навстречу...

Мы обнялись. Оказалось, Георгий Просвирнин, теперь уже капитан, направлялся в соседний 575-й полк, где должен был занять место выбывшего из строя заместителя командира стрелкового батальона по политчасти...

Снова мы встретились уже в мирное время, в сорок девятом году в Воронеже. В звании подполковника Просвирнин прибыл тогда на должность старшего инструктора Политуправления военного округа, а я незадолго перед тем был переведен из Богучара в редакцию газеты «Коммуна», заведовать сельскохозяйственным отделом.

Мы с ним побывали на Чижовке, в тех ее местах, где довелось оросить своей кровью родную воронежскую землю и где покоится прах многих наших однополчан.

Я знал, что свое второе ранение Просвирнин получил на Курской дуге, недели через три после нашей памятной встречи с ним в балке.

Врачи намеревались ампутировать ногу, но Просвирнин не согласился, чем и спас себя от увечья...

...Всякий раз, когда думаю о своих фронтовых побратимах, я непременно вспоминаю своего земляка, однокашника и однополчанина, ныне полковника в отставке, заслуженного работника культуры РСФСР Георгия Васильевича Просвирнина...

1985

Семён Борзунов

«С ПЕРОМ И АВТОМАТОМ»

(Из книги фронтовых очерков)

БОРЗУНОВ
Семен Михайлович
(род. 23.02.1919, село Студеное Бобровского уезда Воронежской губернии)

Прозаик, очеркист, литературный критик, член Союза журналистов (1958), член Союза писателей СССР (1973), заслуженный работник культуры РСФСР (1969), лауреат нескольких литературных премий, в том числе Министерства обороны СССР.

Из крестьян. Учился в политпросветшколе (село Анна), работал там же, в районной газете «Коллективный труд» (с 1937 года). Сотрудник газеты «Коммуна» (1939). В 1939–1979 годах – в Красной армии. Окончил военно-политическое училище (1941). Полковник.

Участник Великой Отечественной войны. Корреспондент дивизионной и армейской газеты «В бой за Родину» (4-я армия Волховского фронта), а с июля 1942 года – специальный корреспондент газеты Воронежского (1-го Украинского) фронта «За честь Родины». 22 сентября 1943 года в районе села Григоровка переправился с первым десантом на правый берег Днепра, за что был представлен к званию Героя Советского Союза, но звания не получил. В 1945 году был награжден орденом Красного Знамени.

Окончил редакторский факультет Военно-политической академии имени Ленина (1951). Руководитель редакции военно-художественной литературы, заместитель главного редактора Воениздата (1959–1979). Заместитель главного редактора журнала «Знамя» (1979–1981), журнала «Роман-газета» (1981–1989). Активный участник ветеранского движения. Автор более 30 изданных в Москве документально-художественных книг, посвященных военной теме, в том числе «С пером и автоматом» (1964, 1974), «Ради нескольких строчек» (1969), «На линии огня» (1972, 1977), «Подвиг, отлитый в строки. Три повести о журналистах» (1974), «Высокой мерой правды» (1980), «Избранное» (1988), «Так кончаются войны» (2000), романа «Маршал Конев» (2001), «Верный сын России» (2006). Регулярно бывал в родных местах, поддерживал творческие связи с редакцией газеты «Коммуна». В Воронеже вышла книга «У родного порога» (1986).

ЦВЕТЫ И КРОВЬ

Конец лета, а солнце жжет нестерпимо. Но, может быть, это только кажется, потому что я иду по дороге своей молодости, по той самой, которая была дорогой войны. Ведь и тогда, в сорок втором, так же пекло солнце. Неужели здесь, под Воронежем, вокруг были окопы, траншеи, дзоты? Неужели не всегда над безбрежной желтизной созревших хлебов простиралась ослепляющая голубизна неба? А как тихо… Очень тихо!

Шепчут колосья… И чем больше я вслушиваюсь в их приглушенные шорохи, тем беспощаднее возникают в моей памяти дни войны. Тем явственнее вспоминаю себя – молодого политрука, крещенного железом и кровью 22 июня 1941 года, вспоминаю пулеметчика Мурзу Хабибулина, погибшего в боях за мой родной Воронеж…

* * *

Лето 1942 года. Синее, рассветное небо закрыла пелена рыжей пыли. От жажды сухо во рту. Мурза колеблется: «Выпью остаток воды, а потом? Нет, надо оставить. Как будет сладко на привале!

А скоро ли он? Вон ребята совсем устали. Еще бы, сколько идем!.. Закрою глаза, чудится, будто иду я из самого детства, иду от Волги, от своего дома. И кажется, что пить хочется очень давно, от самого родного порога. Но надо терпеть».

Солдаты идут плотно, устало переставляя ноги. Лица у них запыленные, а глаза устремлены куда-то вдаль. Чуть пошатнулся Шумилов. Нет, видно, показалось.

Мурза отстегнул от пояса фляжку и тронул за плечо Шумилова:

– Попей.

Марш продолжается, солдаты идут и идут. И чем ближе к фронту, тем чаще по обочинам дороги – воронки, окопы, тем больше сожженных деревень. Все чаще встречаются толпы молчаливых беженцев, стада коров и овец в тучах знойной пыли. Все движется на восток. И туда невольно летят мысли Мурзы – к дому, к далекому детству.

Навстречу – комья земли, выброшенные из окопа, а он видит землю родного села, богатую и до боли милую сердцу.

Навстречу – кланяется подрубленный снарядом клен, а он видит целый хоровод белоствольх, в зеленых косах берез.

Навстречу – догорающая деревня, а перед глазами встает новенький сруб, добротные дома в деревне, где отшумело его детство.

И чем острее воспоминания, чем ярче картины далекого и близкого прошлого, тем жестче взгляд Мурзы, тем плотнее сжимаются губы. Воспоминания будто заставляют забыть о жажде, дают силу, уверенность. И шагает, шагает Мурза…

– Задумался? – вдруг спрашивает его Шумилов.

Мурза не слышит.

– Хабибулин! – не унимается Шумилов. – Мурза! О чем задумался?

А Мурза видит себя семилетним мальчишкой. Вот он выхватывает из воды первую рыбку. Она блеснула на солнце и сорвалась с крючка…

Он у школьной доски. Учитель укоризненно качает головой: «Думать надо, Мурза! Нет безвыходных положений. Раз кто-то задал задачу, значит, есть у нее решение».

Шестнадцатилетний, он в гостях у брата – рабочего завода. «Скоро и ты будешь работать здесь…» – сказал тогда брат.

Мурза стоит за станком и оттачивает гранату. С гордостью несет ее контролеру. Тот бросает на юношу одобрительный взгляд и ставит клеймо. Сделано неплохо. Только вот заусеница…

«Клеймо-то с хвостиком!» – смеется Мурза.

Клеймо контролера действительно с хвостиком – его личное изобретение. Но заусеницу Мурза снять не успевает: вызвали к начальнику цеха.

Девятнадцатилетний Мурза – учитель начальной школы…

И снова родное село. Он прощается с матерью. Последнее свидание с девушкой: она обещает ждать. А поцеловать не разрешила: «Вернешься, тогда…»

Воспоминания, воспоминания… Вдруг их обрывает рев мотора: над бросившейся врассыпную колонной с воем проносится пикирующий фашистский бомбардировщик. Совсем близко от дороги рвутся бомбы. Крики, стоны раненых…

Снова дорога – щербатая от воронок, опаленная, заваленная обломками машин и повозок. Значит, скоро фронт. Все явственнее доносится гул боя…

Наконец показался Дон. Вот он какой, тихий Дон…

Привал. Зачерпнули воды, напились. Попробовал и Мурза: вкусно!

На горизонте поднималось солнце, и лучи его золотили донскую гладь. Река, разлившаяся широко, течет непривычно тихо и мирно. Мурзе припомнились прочитанные когда-то книги о Доне. Он с волнением смотрел вокруг, глубоко задумавшись. Вспомнил родную Волгу.

– Ничего, еще из Эльбы напьемся! – как бы угадав мысли Мурзы, бросает Шумилов. – Доберемся и до их речек…

Солдаты говорят, что скоро бой. «Выдержу ли?» – думает Мурза.

Приказано окопаться. Зазвенели лопаты, ломы, кирки. Рядом роет окоп Мороз – высокий, сухощавый солдат. Иногда он утирает пот, бросает сердитый взгляд на небо и опять копает: по его росту нужен глубокий окоп.

– Жарко, товарищ Мороз? – улыбается Мурза. – Не страшно?

– Страшновато! – признается сосед и, наклонившись к Мурзе, доверительно добавляет: – Даже очень страшно. У меня ведь профессия мирная: до войны был цветоводом. А сегодня увидел кровь на цветах… Понимаешь, цветы и кровь!.. Это же противоестественно. – Мороз положил перед Мурзой две ромашки с темными пятнами крови на белых лепестках и с ожесточением снова заработал лопатой. Время идет, надо спешить. Это понимает каждый.

К окопам подошел комбат старший лейтенант Иськов – коренастый, широкогрудый крепыш с коричневым от загара скуластым лицом. Он осмотрел вырытые ячейки и, присев на корточки, просто сказал:

– Ничего, надежные. Надо держаться крепко! Нельзя дать им форсировать реку. Если день выстоим, ночью сами будем на том берегу.

– Выстоим, – со спокойной деловитостью ответил Мороз.

Мурза с удивлением взглянул на соседа: на лице его не было и тени страха.

Комбат пошел к другим окопам. Ему надо обойти все позиции батальона, сказать солдатам самое главное…

Тишину разорвал огонь артиллерии. Над первой линией фашистских окопов на том берегу прокатилась мощная волна взрывов…

На лодках, на бревнах, просто вплавь солдаты пересекали Дон. Мурза одним из первых вскарабкался на крутой берег и побежал вперед. Вот уже рядом бегут Мороз и Шумилов, чуть правее – Копылов, Анохин, Галимов, Якубовский. Вдруг все, и Мурза тоже, бросились на землю: из-под каменной избы, видневшейся впереди, по ним ударил пулемет.

Мурза вскинул винтовку. Нет, он не видел врага, он различал только вспышки… Да, огонь надо гасить огнем. Он вскочил и рванулся к избе, чувствуя за собой тяжелый топот товарищей.

Бой за плацдарм только начался, но уже мог затихнуть: слишком мало наших успели форсировать Дон. Фашисты опомнились, открыли огонь по наступающим и перешли в контратаку.

Мурза Хабибулин и его товарищи, которые засели в избе, оказались отрезанными от своих. Метров за семьдесят от дома резко затормозил вражеский бронетранспортер. Из него высыпали гитлеровцы.

– Ахтунг! – донесся выкрик офицера.

– Ахтунг! – неожиданно повторил Мороз и, повернувшись к Мурзе, подмигнул ему.

– Что ты делаешь? – испуганно крикнул Мурза Морозу, который перепрыгнул через подоконник и бросился вперед. На фоне рассветного неба была хорошо видна его бегущая фигура с поднятыми руками.

Шумилов моментально вскинул винтовку, но Мурза успел прижать ее к подоконнику. Все, затаив дыхание, следили за Морозом.

Гитлеровцы, заметив бегущего к ним солдата, выжидали. Вот Мороз уже рядом с ними. В сторону транспортера летит граната. Затем – вторая… Загорелась машина. Упал и Мороз, подкошенный осколком…

Мурза был ошеломлен. С другого конца улицы ударил вражеский пулемет. Хабибулин припал к «максиму», установленному в проеме окна…

Неужели прошло двое суток, как держатся они в этом доме?..

Третьи сутки без сна и еды. Мучит жажда – давно нет воды. Третьи сутки… В голове страшный звон. Глаза воспалились, и перед ними непрерывно мелькают разноцветные мухи…

Решили обмануть бдительность осаждавших. Сделали вид, что покинули дом. Пробежали на виду у врага несколько метров и свернули за угол. Снова влезли в окно, притаились. От нечеловеческой усталости Мурза на секунду задремал у своего пулемета и увидел себя мальчишкой с удочкой. Рыбка сорвалась, зато он напился из Волги. Очнулся от автоматной стрельбы.

Галимов, доставивший патроны, еле переводил дыхание. Шумилов словно окаменел, глядя на приближавшихся гитлеровцев.

«Стреляй, Мурза, стреляй!» – мысленно приказывал он.

Но руки Мурзы недвижно застыли на рукоятках «максима». Может, он в эту минуту вспоминал чапаевскую Анку-пулеметчицу…

Вот один фашист вырвался вперед. Видно даже, как каска съехала ему на глаза. Бежит по-спортивному легко. Мурза нажал на спуск. Гитлеровец упал на спину. Следующая очередь скосила остальных.

– Окружают, гады! – крикнул Шумилов.

Взгляд Мурзы остановился на возвышенности, простершейся в нескольких метрах от домика. По ней с автоматами в руках густой цепью шли немцы. Они шли сюда, к домику.

– Исаев, бегите к комбату и доложите обстановку, – отдал приказание Шумилов.

– Есть, – ответил связной и, пригнувшись, быстро побежал по улице.

– Ребята, – как можно спокойнее сказал Шумилов, – принимаем бой… Мурза, Анохин, Копылов, Галимов, займите огневые позиции у окон. Якубовский и я – будем в сенях.

Шумилов быстро присел у двери, вставил автомат в щель, стал внимательно наблюдать за противником. Фашисты приближались. И когда расстояние сократилось до минимума, скомандовал:

– Огонь!

Длинные очереди автомата и меткие выстрелы Мурзы смешали вражеские ряды. Фашисты падали буквально как подкошенные. Бежавший впереди гитлеровский офицер как-то неестественно взмахнул руками и грузно опустился на землю, отбросив автомат в сторону.

Пьяные фрицы с гиканьем бросились к домику. Окружили его со всех сторон. Один из них сорвал с петель дверь и забежал в сени. Шумилов прикладом ударил незваного гостя по башке. Фашист распластался на полу.

Гитлеровцы стали простреливать стены дома из автоматов. Шумилов нажал на спусковой крючок и… вздрогнул. Автомат не стрелял. Кончились патроны. Он бросился в избу.

На полу неподвижно лежал Копылов. Кровь заливала его грудь. Он тихо стонал. Шумилов поднял лежавшую рядом гранату и прильнул к стене. Вдруг почувствовал острый запах бензина, смешанный с дымом. «Подожгли», – словно игла, пронзила его сознание догадка.

Широкие огненные языки стали лизать стены дома, пробиваясь внутрь. То и дело раздавались крики:

– Рус, сдавайся!

В разбитое окно втиснулась рыжая морда.

Сильным ударом приклада Анохин раскроил фашисту череп. Едкий дым резал глаза. Огонь подбирался к гимнастеркам и брюкам, жег лицо. Шумилов стиснул зубы и метнул гранату за окно, туда, где столпилась группа торжествующих победу гитлеровцев. Раздался взрыв. Послышались крики и стоны. Шумилов, обессилев, упал на пол, но сознания не потерял. До его слуха донеслась частая пулеметная очередь. Опираясь на руки, встал. «Наши», – подумал он, и перед ним все завертелось, закружилось, понеслось куда-то в пропасть. Он уже не слышал, как яростно стрелял Хабибулин, как из окон дома выпрыгнули его друзья-автоматчики. Завязалась рукопашная схватка. Отстреливаясь, гитлеровцы отступали. Выбежали на улицу. Кинулись к блиндажу, в укрытия. Но всюду настигал их меткий огонь. Уцелевшие бросились наутек.

…Наши перешли в решительную контратаку. Наступал и Мурза со своим пулеметным расчетом, хотя усталость валила с ног. Пулемет казался вдвое тяжелее. Он еще горячий. Он что-то слишком горячий и очень тяжелый, этот «максим»…

Уже бои за Воронежем! И какие бои! Тут забыли о голоде, об усталости. Расчет Хабибулина пристроил пулемет в окопе под сожженным немецким танком. Мурза дал очередь, вторую, и вдруг пулемет осекся, замолк. Гитлеровцы, решив, что он вышел из строя, сперва поползли в сторону Мурзы, потом приподнялись и рванулись бегом.

– В атаку-у! – послышалась протяжная команда и утонула в орудийном залпе…

Трудно пулеметчикам поспевать за пехотой. Силы оставляют Мурзу. Смертельно устали Шумилов, Галимов, а тут еще во фланг ударили вражеские автоматчики. Группами, прячась за танками, прикрытые их броней и огнем, они охватывают наших бойцов с двух сторон.

Но вот случилось страшное: взрывом снаряда разворотило станок «максима». Исчезла последняя надежда на успех. Что делать? Как остановить врага? И вдруг…

– Куда? – закричал Шумилов, видя, как Мурза, сняв с разбитого станка тело пулемета, стремительно бросился к одиноко стоявшему дереву.

Мурза уже не слышал голоса друга. Он падал, вставал, бежал невероятно быстро. Шумилов видел, как Мурза, то и дело оглядываясь на автоматчиков, торопливо доставал из сумки гранату.

В минуты опасности Мурза был сметлив и решителен. Но что это такое? Почему граната царапнула о брезент сумки? Мурза мельком взглянул на нее и не поверил своим глазам. Не может быть! Клеймо с хвостиком?.. Его граната! Он сам когда-то обтачивал этот корпус и не успел снять заусеницу!..

А враги рядом, и граната, высоко взметнувшись, падает к их ногам…

Приближается новая цепь гитлеровцев. Шумилов ведет огонь из винтовки и кричит Мурзе:

– Отходи, я прикрою!

Мурза, привалившись спиной к дереву, ставит ствол пулемета на колени, пытается открыть огонь. Но сил не хватает…

– Мурза! – окрик Шумилова приводит его в себя. «Ага! Вот они. Еще несколько шагов… Еще!» И тут руки Мурзы нажали на гашетки. Ударила огненная струя…

Пулемет казался ему живым существом. Он дергался, рвался из рук, судорожно, словно в лихорадке, бился о колени. Мурза, закусив губу, продолжал что было сил яростно жать на гашетку.

От боли мутилось в голове, туманилось в глазах. Но Мурза стрелял, стрелял, стрелял. Он стрелял до тех пор, пока вражеская атака не захлебнулась…

Когда после атаки ему перевязывали обожженные руки, он почему-то вспомнил о ромашках, подаренных Морозом. Ему захотелось преподнести эти цветы сестре в благодарность. Но руки уже были забинтованы. И он, кивнув на ромашки, лежавшие на койке, просительно сказал:

– Сестра, возьмите, пожалуйста, эти ромашки. – И смущенно добавил: – На них попала кровь. Но после войны я подарю вам другие цветы, чистые. Победим, и больше никогда не будет крови на цветах.

* * *

Третьего сентября 1942 года в газете «За честь Родины» было опубликовано приветствие Военного совета и политуправления Воронежского фронта. Оно гласило:

«Военный совет и политическое управление горячо поздравляют отважного патриота нашей Родины пулеметчика Хабибулина, показавшего образец воинской находчивости, беззаветной смелости и выручки товарищей в бою.

Героический подвиг тов. Хабибулина должен стать примером для всех бойцов фронта в нашей борьбе по истреблению фашистских мерзавцев, стремившихся поработить наш народ.

Военный Совет и политуправление».

О замечательном подвиге Мурзы Хабибулина тогда, в том же номере газеты, мне удалось напечатать всего лишь несколько строчек.

Обращение к солдатам противника. Передача из окопов боевого охранения. Фото Н. Аснина, июнь 1942 года

КОМИССАР

Знакомая снежная тропка вела Федю на командный пункт полка. За спиной то и дело полыхали разрывы снарядов. И хотя Федя не относился к робкому десятку, но, так как непрерывно находился на переднем крае, ему нередко доводилось прятать голову от вражеских пуль. Делал он это стыдливо, полагая, что за ним наблюдают товарищи. Бои были жаркие, и он изрядно устал. Устал утюжить животом землю. Устал стрелять из автомата. И вдруг – о, он не думал об этом! – командир роты вызвал его к себе и сказал: «Товарищ Марков, вы назначены ординарцем комиссара полка». Федя был доволен, но вида не подал, что рад, только подумал: «Теперь хоть пулям не буду кланяться». Он полагал, что комиссар полка, которого еще в глаза не видел, чаще бывает на командном пункте, где, конечно, надежная крыша над головой.

…Тропка привела в лощину. Справа бугрился блиндаж. Горел костер. Пожилой человек в новом ватнике и кирзовых сапогах подбрасывал в огонь сухой хворост.

– Погрейся, – предложил он Маркову.

– Мне к комиссару полка, – ответил Федя и, понизив голос, добавил: – Ординарцем назначили к нему.

Собеседник достал из полевой сумки блокнот, раскрыл его и, сощурив свои спокойные большие глаза, сказал:

– Федор Марков, из первой роты?

– Так точно, Марков.

– Хорошо. – Затем поднялся, крикнул в блиндаж: – Командир, я пошел, как договорились, в первый батальон. – И Феде: – Пошли, Марков.

– Мне надо к комиссару, – повторил Федя.

– А я и есть комиссар, Колыванов Иван Михайлович, старший политрук. Пойдем, дорогой познакомимся.

Шли той же извилистой тропкой. Комиссар говорил, что он только позавчера прибыл в полк и что ему не терпится быстрее посмотреть, как люди готовятся к наступлению. И еще он слышал от командира полка, что некоторые храбрецы – он произнес это слово с

иронией – недооценивают окопы и маскировку, подставляют шальной пуле головы. А храбрость-то вовсе не в этом.

– Веди меня в свою роту, – сказал Колыванов, пропуская Федю впереди себя…

Долго они ползли по переднему краю, от окопа к окопу. Когда свистели пули, Колыванов замирал, и Федя удивлялся тому, как этот довольно солидный человек ловко использует для маскировки складки местности. Потом они подползли к пулеметной точке, и комиссар, найдя изъяны в маскировке, нашумел на сержанта:

– Голое царство! Немедленно углубить окоп и замаскировать надлежащим образом. – И сам показал, как, не поднимая головы, надо рыть землю…

– Пошли, товарищ Марков, – сказал он, убедившись, что пулеметчики его поняли. Но они не пошли, а опять поползли. На бугорке вражеская пуля пробила Феде шапку. Комиссар это заметил, когда они уже находились в безопасном месте. Колыванов незлобно пожурил ординарца за его оплошность. Смущенный Марков упирался:

– Это не сейчас, это давно, товарищ комиссар.

– Не обманывай, вижу: след пули свежий. И врать вообще нехорошо, товарищ Марков.

Феде стало неудобно перед комиссаром, и он признался:

– Там, на бугорке, не успел пригнуться…

– То-то, брат, не успел… Будь проворнее. Шальной пуле подставлять голову не резон…

Они вернулись на командный пункт ночью. Вместе поужинали. Пришел командир полка. Он раскрыл перед комиссаром карту с нанесенной на ней обстановкой, и они начали о чем-то совещаться. Потом комиссар сказал Феде:

– Товарищ Марков, ложитесь спать.

Федя лег на соломенный матрац, но уснул не сразу, размечтался о том, что наконец ему повезло и что он теперь самый счастливый человек. Едва он сомкнул глаза, его разбудил комиссар.

– Пошли, товарищ Марков. Во второй батальон, – сказал Колыванов, поправляя на груди автомат. – Партийное собрание там.

После собрания они опять ползали от окопа к окопу. На этот раз пуля прошила рукав Фединого ватника. Он прикрыл было дырочку, а комиссар засмеялся. И Марков улыбнулся:

– Не каждая пуля в кость, иная и в мякоть, – сказал Федя, осмелев.

– Точно, – кивнул головой комиссар.

В это время на правом фланге загрохотало. Федя увидел, как на гребне выросла зеленая цепочка гитлеровцев.

– Разведка боем, – сказал комиссар. – Решили попробовать на зуб.

Наше боевое охранение чуть отошло назад, К комиссару подбежал комбат. Он лег рядом с Колывановым и одним духом выпалил свое решение.

– Хорошо! – крикнул комиссар. – Накройте их артиллерийским огнем.

Комбат уполз. А комиссар все лежал на прежнем месте и смотрел, как работали пушкари. Вражеская цепочка то поднималась, то вновь прижималась к земле. Наконец гитлеровцы выдохлись, залегли. Колыванов снял автомат, и снова Федя услышал:

– Пошли, товарищ Марков.

И опять комиссар пополз, пополз и Федя. Потом комиссар поднялся, Марков тоже вскочил на ноги. Они оказались впереди наших окопов.

– За мной, в атаку! – устремился вперед Колыванов.

– Ура-а-а! – отозвалось и справа, и слева.

Стремительная волна бойцов катилась прямо на зеленые пятна, разбросанные по снегу на взгорье. Федя еле поспевал за комиссаром. Гитлеровцы дрогнули, начали отступать. Потом все смешалось, и Марков потерял из виду комиссара…

* * *

Вокруг чудесный лес. Тишина. Слышно, как потрескивают сучья в огне. Возле костра сидит со мной Федя Марков, краснощекий девятнадцатилетний паренек. Мы уже познакомились, и я знаю подробности вчерашнего боя, знаю, как он начался и как кончился – отбита у врага важная высота, взято в плен полтора десятка гитлеровцев, комиссар полка Иван Михайлович Колыванов представлен к правительственной награде – ордену Ленина.

Я спрашиваю у Феди:

– Рядом с комиссаром, наверное, легче?

Федя улыбается, затем отрицательно качает головой:

– Он все время там, на передовой…

– А сейчас где Колыванов?

– Там же…

– А почему ты не с ним?

– Выходной получил, – отвечает Федя. – Приказал, вот и греюсь у костра… Комиссар наш… Он какой? Другим говорит, пуля-дура, а сам идет напрямую. Скорее бы стемнело… Ночью он возвратится. – Федя смотрит на часы и вздыхает: – Черепашья скорость у этих часов. На ваших-то сколько? – спрашивает он и долго-долго молча смотрит на огонь.

– Придет, – с грустинкой в голосе тянет Федя. – Придет…

КРУТОВЫ

Минометчик Владимир Крутов шел в штаб батальона. Хотя уже на исходе был сентябрь, день стоял солнечный и жаркий. Душно и пыльно было на дорогах. И какая-то гнетущая, зловещая тишина: ни выстрела, ни гула моторов. Владимир шел задумчивый и сосредоточенный. Поднялся на высоту, перерезанную грейдерной дорогой. На ней располагались бронебойщики. Длинные стволы противотанковых ружей направлены в сторону противника. Вдруг Владимир резко остановился – его внимание привлекла темно-синяя шестигранная фуражка. Такую его отец носил. Владимир невольно отступил назад, чтобы заглянуть в лицо бронебойщику. Он и есть – отец! От радости бешено застучало сердце, кровь ударила в лицо, закружилась голова…

– Папа?! – громко позвал он.

Иван Николаевич вздрогнул от неожиданно прозвучавшего голоса. Он быстро поднял глаза и увидел перед собой сына. Словно невидимая сила выбросила его из окопа. Они крепко обнялись…

– Володя! Сын! – радостно произнес отец.

…Случилось это в дни ожесточенных боев у волжской твердыни, в Сталинграде, в котором родились, жили и работали Крутовы. Здесь знакомы им каждая улица, каждый дом, каждая аллейка.

Еще в годы Гражданской войны с оружием в руках защищал эти места Иван Николаевич от белогвардейцев и иностранных наемников. Советская власть сделала их родной город цветущим. Обеспеченной и счастливой жизнью зажили все советские люди и семья Крутовых. А тут война. Пламя ее окутало Сталинград.

– Дело серьезное, – прощаясь с семьей, сказал Иван Николаевич. – Но я твердо верю, что враг будет уничтожен. Все люди поднялись на священную борьбу. А это грозная сила.

Иван Николаевич ушел на фронт. Владимир, семнадцатилетний юноша, комсомолец, заменил его на заводе. Как и отец, он дневал и ночевал в цехе, выполнял две нормы – за отца и за себя.

Вскоре завод эвакуировали в тыл.

– Теперь и мое место на фронте, рядом с отцом, – гордо заявил матери Владимир…

* * *

И вот отец и сын лежат в одном окопе, за одним противотанковым ружьем. По приказу командования их свели в один расчет.

Вражеские полчища рвались к городу. Круглые сутки грохотала артиллерийская канонада. Били залпами минометные батареи, непрерывно трещали пулеметы и зенитные установки. Все поле было изрыто воронками от бомб и снарядов. Земля горела в огне. Больно было видеть все это Крутовым. Каждый, кто защищал тогда священную волжскую землю, понимал, что здесь решается судьба Родины.

В кровопролитных боях с отборной фашистской армией советские воины показали образцы стойкости, самоотверженности и героизма. Простой окоп – два-три квадратных метра. Но это родная земля… И пока в этом окопе был хоть один советский воин, он оставался для гитлеровцев неприступным. Обычный городской дом сопротивлялся врагу намного дольше, чем иные европейские столицы. Знаменитый Дом Павлова выдержал, например, двухмесячную непрерывную вражескую осаду, но не сдался. В боях за этот дом враг понес больше по-

терь, чем при взятии столицы Франции – Парижа. Нередко одна часть здания находилась в наших руках, другая – в руках противника.

В те дни мир измерял боевые дела сталинградцев не только количеством убитых ими гитлеровцев или уничтоженных танков, но и количеством дней, которые фашисты теряли на Волге.

* * *

«За Волгой для нас места нет!» – эти слова стали девизом каждого советского солдата, офицера и генерала. Они были законом и для Крутовых.

И вот настал час, которого так долго ждали Крутовы, обороняя крохотный кусочек родной земли, – час нашего великого наступления. Оглушительный грохот артиллерии нарушил предрассветную тишину. Сотни советских орудий и минометов били по врагу. Вокруг все гудело и раскалывалось.

В тылу врага. Корреспондент газеты «За Родину» Б. Р. Изаков выступает на оккупированной территории перед жителями деревни Акулёво Псковской области. Фото М. Трахмана, май 1943 года

С рассветом поднялись в атаку пехотинцы. То там, то здесь вспыхивали ожесточенные схватки… Вот гитлеровцы подбросили свежие силы и стали поливать свинцом нашу пехоту. Наступление подразделения было приостановлено. Создалось критическое положение. Командир поставил Крутовым задачу: выдвинуться вперед и уничтожить вражеские огневые точки на высоте. Это надо было сделать во что бы то ни стало, любой ценой.

…Иван Николаевич полз впереди, таща за собой бронебойку. Владимир следовал за отцом с автоматом. Плотно прижимаясь к земле, пробирались они к высоте с фланга. Вот уже отчетливо стало видно, как строчили вражеские пулеметы. Крутовы сделали несколько выстрелов, и пулеметы замолкли. По убегающим гитлеровцам Владимир открыл огонь из своего автомата.

– Молодец, сын! Так их, так!.. – одобрительно приговаривал отец.

Снова поднялась в атаку пехота. Иван Николаевич и Владимир шли вместе с наступающими, стреляли по врагу, расчищая путь пехоте. Слава об отважных патриотах прогремела всюду. О Крутовых заговорили не только в полку, но и далеко за его пределами.

Однажды, чуть только забрезжил рассвет, к позициям бронебойщиков подкатила легковая автомашина.

– Кто тут Крутовы? – раздался голос.

Иван Николаевич и Владимир откликнулись, вылезли из окопа.

– Садитесь в машину. Генерал вызывает, – сказал им адъютант.

…Генерал пристально поглядел на Крутовых и крепко пожал им руки.

– Молодцы! Настоящие патриоты родного города, своей Отчизны! – И приколол к их гимнастеркам высокую награду Родины – по ордену Красной Звезды, а Владимиру к тому же прикрепил еще и гвардейский значок, сняв его со своего кителя.

– Я… оправдаю это, – взволнованно ответил Владимир. – Буду бить фашистов, бить…

– Бить до тех пор, пока землю свою не освободим от этой нечисти, – добавил Иван Николаевич…

И слово свое Крутовы сдержали. Отец и сын побывали у стен рейхстага и расписались на стенах мрачного здания: «Мы – Крутовы!»

РАССКАЗ ОБ ОРДЕНЕ

Пожалуй, в суровые годы войны не было на фронте военного журналиста, который не вел бы записок просто так, «для себя», на всякий случай. Был и у меня блокнот. Потертый и повидавший виды, испещренный беглыми карандашными пометками, он сохранился по сей день. Есть в нем записки о подвигах советских воинов, награжденных орденом Отечественной войны I степени. В то время я находился в одном артиллерийском подразделении. Вот эти странички. Они так и озаглавлены – «Рассказ об ордене».

…Теплое весеннее утро. Тишина. Будто и не было жаркого боя. А ведь только что окончился трудный поединок наших артиллеристов с танками врага. Солдаты орудийного расчета, которым командует гвардии старший лейтенант Алексей Смирнов, собравшись в тесный кружок, о чем-то толкуют… В центре, на ящике из-под снарядов, сидит Смирнов – высокий худощавый парень. Его грудь украшают орден Красного Знамени и орден Отечественной войны I степени, полученный им несколько дней назад. Он горд тем, что удостоен этой славной награды в числе первых.

Гвардии старший сержант рассказывает не торопясь, как бы припоминая все детали боя:

– Было их, фашистов, видимо-невидимо. Прут на нас скопом… Позади Дон, отступать некуда. Огневая позиция наша в тени высокого каменного дома. Местность чуть всхолмленная, с хорошим обзором. Едва успели установить орудие, как послышался отдаленный гул моторов. «Танки», – говорит командир. Ладно, пусть танки, будем жечь, уничтожать.

Заняли мы свои места. Я за панораму – наводчиком тогда был. Машины уже показались в соседнем селе, что от нас примерно в двух километрах. Потом двинулись в нашем направлении девять танков. Не в первый раз встречался я с ними. Но на этот раз, признаться, по спине мурашки пошли… Но, думаю, рассуждать теперь некогда. Будем действовать!

Ребята, затаив дыхание, смотрят на меня, ждут, когда начну. А танки приближаются. Прильнул я к панораме и стал наводить

на головной. Раздался выстрел – угодил в гусеницу. Не отрываясь от панорамы, выстрелил вторично. Танк загорелся. Ладно, хорошо. Другой стал обходить его слева. С первого выстрела запылал и этот. Двумя выстрелами я подбил и третий. Вот уже подбит четвертый, пятый, шестой… Глядь, из лощины мотоциклист вывернулся и пустился что есть духу по дороге. Крутнул я ручку поворотного механизма, повернул орудие, навел как следует – и пропал мотоциклист, как в воду канул.

Тут гитлеровцы навалились на нас. Один танк продолжал идти прямо, а два из-за кустов стали стрелять из орудий и пулеметов. Пули задзинькали по щиту. Мы пригнулись к земле. Сплошной грохот стоял в ушах. Вдруг осколок вражеского снаряда попал в лафет нашего орудия, покорежил его. Приподнялся я, смотрю: ребята все живы, ствол цел и снаряды есть. Заряжаем – и снова по врагу. Сделали несколько выстрелов – подбили еще два танка. Вот остановился и последний, девятый. Обе гусеницы слетели с него, но орудие стреляло и пулемет строчил.

Опять взрыв. Меня оглушило. Пришел в себя, но подняться не могу. Был на мне противогаз, а осталась одна лямка. Слышу, кто-то стонет. Повернул голову, вижу: Титов, санинструктор наш, около младшего лейтенанта хлопочет. Понял я, что командир взвода ранен.

Боеприпасов больше нет. Да и пушка непригодна к стрельбе – колеса в разные стороны разлетелись. Неужели, думаю, все теперь? Попытался было подползти к командиру, но опять раздался взрыв. Мы только плотнее прижались к земле. А тут вражеские автоматчики подбираться к нам стали.

– Фашисты! – тихо сообщил я младшему лейтенанту, а сам схватил гранату. Уж не знаю, откуда она подвернулась мне в этот момент. Командир вытащил пистолет, а у Титова, санинструктора, ничего не было.

Когда гитлеровцы подошли совсем близко, я пустил в них гранату. И вдруг, как сквозь сон, послышалось громкое «ура». Из деревни на помощь бежали наши бойцы…

За это и был награжден…

Ольга Кожухова

ПОКА НЕ ЗАБЫЛОСЬ…

(Страницы из дневников)

КОЖУХОВА
Ольга Константиновна
(20.06.1922, Воронеж – 08.02.2007, Москва)

Прозаик, поэтесса, член Союза писателей СССР (1962), лауреат Государственной премии РСФСР (1979).

Из семьи агронома.

Путевку в литературную жизнь школьнице Ольге Кожуховой дал Б. Г. Песков. Публиковалась в газетах «Будь готов!», «Молодой коммунар» (с 1937 года), альманахе «Литературный Воронеж» (с 1938 года).

В 1941 году окончила среднюю школу № 9 Воронежа и сразу ушла на фронт. Служила сначала медсестрой в 329-й стрелковой дивизии, затем по окончании курсов младших лейтенантов – в редакции армейской газеты «За правое дело». В1945 году в Воронеже вышел сборник ее фронтовых стихов «Белый камень».

Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (1950). После Великой Отечественной войны жила в Москва, работала заместителем редактора в молодёжном журнале «Смена», а также в приёмной СП РСФСР.

Автор около 20 изданных в Москве книг прозы, в том числе «Хлеб, которым делишься» (1960; впервые была опубликована в журнале «Подъем», 1959), «День мой, век мой» (1969), «Тридцать лет и три года: Избранные произведения» (1977; том 1–2), «Рано утром и поздно вечером» (1979), «Ночные птицы» (1985), «Луноцвет» (1988), «Избранное» (1990).

Часто была в родном городе. Многообразные автобиографические воронежские мотивы отчетливо звучат в романе «Ранний снег», повести «Не бросай слов на ветер...», «Фонарики, плывущие по реке», «Донник», «Двум смертям не бывать», рассказе «Молчание неба» (пребывание в Каменной степи) и других. В журнале «Подъем» (2007, № 11; 2010, № 5; 2011, № 11) были опубликованы фрагменты из дневников О. К. Кожуховой.

Конец апреля 1942 года. Смоленщина. Между деревней Грибово и Износками. Захожу в деревенский дом, прошу попить молока.

– Двадцать рублей кружка.

Мое жалованье медсестры – 312 рублей. 300 рублей я отсылаю матери по аттестату, 12 рублей оставляю себе: на зубной порошок, на одеколон (если его можно купить). Сейчас у меня накопилось за зиму немного – жили мы в 600 метрах от передовой, в сожженной деревне. Тратить негде. И я говорю:

– Хорошо, пожалуйста, еще кружечку.

Пью молоко с таким наслаждением, что, кажется, выпила бы его не кружку, а целую реку – с весны 1941 года не пила, даже вкус позабыла, а оно вот какое прекрасное!

Плачу сорок рублей. Но от второй кружки молока во рту вкус какой-то очень странный, не тот, что от первой. Я не придаю этому значения. Не придаю значения и тому, что хозяин-старик и хозяйка как будто бы перемигнулись. Выхожу на улицу. Поправляю снаряжение и снова в путь. В Грибово я прихожу уже больная. Рвота. Понос. Тело все в огне. Я почти уже не помню, как меня укладывают на нары, чем отпаивают, какие дают лекарства...

* * *

Еду на полуторке с грузом медсанбатовских носилок и меховых одеял после того, как сдала своих тяжелораненых в полевой армейский госпиталь. Машина идет к фронту, к передовой, а это значит, что загружена до предела. И все же молодой паренек, шофер, находит возможным подобрать меня, замерзающую на перекрестке дорог, на ветру, на тридцатиградусном морозе. Я сажусь к нему в чуть подогретую мотором, воняющую отработанным газом кабину. Уже ночь. Клонит в сон. Мотор мерно гудит. На обдутых ветрами обледенелых подъемах и взгорках он взвывает, ревет, а потом притихает, когда осторожно спускаемся к руслам каких-то неведомых мне, занесенных снегом речушек, в овраги.

Едем без фар из-за ночных бомбардировок с немецких самолетов. Фашисты обычно выискивают такие одиночные машины, чтобы помешать перевозкам, нагнать страху. Бросят бомбу – и деру. И все безнаказанно, по-пиратски.

Мы задремываем понемногу. И вдруг резкий рывок, и визг тормозов: вероятно, водитель заснул, а проснулся от ужаса – прямо перед нами белесый, чуть покосившийся кузов застрявшей полуторки. Шофер быстрым, почти механическим движением успевает вывернуть руль. Мы выезжаем на мост, огибая машину, – и с грохотом, с треском и лязгом железа врезаемся в кузов другой такой же полуторки, почему-то стоящей вне ряда. В радиаторе, сплющенном как гармошка, что-то злобно переливается и шипит, громко булькает. Осколки ветрового стекла мелко-мелко позванивают.

– Хорош-шо! – говорим в одно слово и вздыхаем.

Мы сидим и глядим друг на друга. Потом медленно выползаем из кабины, он – влево, я – вправо, и оглядываемся в темноте, озираемся, проходим вперед.

Если бы машина, в которую мы врезались, не стояла бы на мосту, вне ряда, наверное, ничего бы не случилось. Но она стояла, тоже врезавшись в кого-то, впереди идущего. И у нее радиатор сплющен, словно кто-то его сдвинул двумя могучими руками – и больше не растянул, не сумел.

Споры, крики, матерная брань. А я хожу позади своего шофера и все удивляюсь. Ведь по правилам мы должны были бы влипнуть не

в эту, стоящую чуть подальше машину, а в ту, что находилась к нам ближе, в самую первую. Но тогда у нас не только радиатор был бы сплющен в лепешку, а и наши тела. Тогда мы, наверное, больше не двигались бы, не говорили, не ахали, не заглядывали бы под колеса, не стряхивали бы с себя звенящие стеклышки. А этот ужасный гремящий удар – он уже на придержанных тормозах… На излете.

Ночь туманная, темная – «тучная», как сказал бы мой попутчик-шофер. А я думаю о войне и о том, что возможность не сносить головы для солдата, а наверное и для меня, существует не только во время боя, бомбежки или вражеского артналета, в момент окружения, а еще и в тылу, в ночной поздний час, когда притупляются чувства и нервы…

Я испытываю почти нежность к незнакомому человеку, спасшему меня и себя, просидевшему в темной, вонючей кабине со мной рядом всю ночь, но сказать ничего не успеваю. Грузный, темный мужчина, водитель грузовика, стоящего в голове колонны, молча, даже с какой-то намеренной грубостью загребает мои одеяла, носилки и уходит вперед. И я тихо, покорно шагаю за ним…

Как звать тебя, парень?

В живых ли ты сейчас?..

* * *

В первых же боях потеряли 4000 человек…

Дивизия вообще была слабая, из резервистов, людей в возрасте, они умом очень многое понимали, а проявить себя не могли. Немцы минометами нанесли нам непоправимый урон.

А самое главное, что меня удивляет и сегодня, это выбор участка фронта для контрудара: через лед Москвы-реки – на крутой холмистый берег – должны были идти солдаты с винтовками наперевес… Это или недомыслие, или заранее продуманный вред стране, нашей армии. Я за это возненавидела Говорова[1].

[1] *Говоров Л. А.* (1897–1955) во время Великой Отечественной войны был начальником артиллерии фронта, стратегического направления, линии обороны, командовал армией, группой войск, войсками фронта, координировал действия фронтов. Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1945).

* * *

Было время, я задавалась вопросом: а что же такое – военный писатель?

Это человек, который должен знать об армии значительно больше самих военных, ибо кроме устава и наставлений, кроме прав и обязанностей всех членов того или иного армейского коллектива, их военных возможностей, он должен также знать, если не в первую очередь, всех – как просто людей, так и отдельные индивидуальности, знать до тонкостей человека, причем каждого самого по себе и каждого вкупе с прочими.

Один автор смеется над гибнущим человеком, для которого самым ужасным был не страх смерти, а страх «некрасивости» ее вида, страх позора. Что же, готовы мы спросить, хорошо это или плохо? Мы ведь так и не знаем, хорошо ли бояться позора. Акцент остается довольно двусмысленным: вот, мол, и перед лицом смерти кощунствует, пыжится, хочет себя показать. Однако переверни картинку, и можно об этом же написать так: вот оно, неподдельное мужество, он думал не о собственной смерти, а о людях, которые увидят эту смерть и которые поразятся ее безобразию. Оберегая неизвестных ему, незнакомых людей, он, насколько хватило сил, сделал свою смерть наименее безобразной.

Книга фронтовой лирики Ольги Кожуховой, вышедшая в Воронежском книгоиздательстве в 1945 году

За что же смеяться над ним?

Конечно, есть смерти, когда не успеешь... Или не хватит сил. И тоже смеяться нельзя. Ни над своими, ни над врагом. Смерть – явление грозное, непонятное до сих пор, и, надеюсь, останется таким во веки веков, непонятным и неподвластным людям. Так что, миленькие,

склонитесь перед мертвецом и, если не можете сказать ничего доброго, то лучше всего – помолчите.

Срывать покровы со всего и со всех – хорошо. Но тот, кто не срывает покровов, сохраняет в себе какую-то тонкую чувствующую струну, а тот, кто срывает, – остается без этой струны. И ему без нее, возможно, даже лучше жить на свете. Но лучше ли окружающим? Вот в чем дело.

* * *

В школе-интернате, в Вотчинке (под Медынью), где стоял наш госпиталь 2631, почему-то помню себя поздней осенью, в шинели и плащ-палатке, в пилотке. Стою на высоком крыльце, хлещет дождь, ветер рвет и относит полы плащ-палатки, а мне нужно куда-то идти, и не хочется. Настроение горькое, черное, смутное от какой-то беды. Потом девочка из моего отделения, медсестра, мне сказала: «Ты стояла такая суровая, гордая, я тебе позавидовала. Вот, думаю, сила!» Эти девочки мне приносили много горя. Я по молодости лет все воспитывала их, все учила. А они не хотели учиться, не любили меня. Потом, когда я ушла от них в армейскую редакцию и приехала уже под Мстиславлем навестить, в какие-то конюшни, где расположился госпиталь, те же самые девочки говорили мне: «Как мы жалеем, что ты ушла! Мы теперь никому не нужны. Нас никто не ругает и не хвалит, чего бы мы ни сделали. И хорошее, и плохое – начальству на все наплевать. Нет, нас ты драила справедливо…» Эти слова прозвучали для меня, как музыка…

* * *

Ранней-ранней весной, очень вьюжной и снежной, в едва наступившие теплые дни пошла я пешком на Шанский завод, а оттуда хотела пройти в 110-ю стрелковую дивизию, к Лиде Терещенко, тоже бывшей медицинской сестре. А теперь «комиссару», политработнику. Налетел страшной силы снежный заряд. В двух шагах ничего не видать, крутит, рвет, снег липучий, насыщенный влагой. Все на мне промокло: сапоги, полушубок, ушанка; я чувствую, сырость уже проникает к белью, и не вижу дороги, не знаю, куда повернуть-

ся, заблудилась. Сугробы такие, что не вытянешь ног. И вдруг натыкаюсь на угол избы, на какую-то стену. Стучусь. Открывает мне дверь здоровенный мужик в замасленной телогрейке. И штаны у него вроде кожаных, тоже в масле. Шофер. Говорю: разрешите обсохнуть, согреться. Отвечает: пожалуйста. Захожу. В избе их человек восемь-девять. Все шоферы. Одни только мужчины. Документов они у меня не спросили. Говорят: раздевайтесь и лезьте на печку, она теплая, недавно топили. Ну, я залезаю, снимаю с себя все, что есть, остаюсь только в брюках и нижней рубашке. Все сырое. У меня даже партийный билет отсырел, разложила сушить. А у них, видать, тоже в такую метель не работа. Сидят, делать нечего. Кто смотрит в окно, кто курит. Кто на лавке разлегся, накрылся зеленым бушлатом.

А метель все метет, воет, стукает в окна, пытается выдавить стекла.

Вот один говорит:

– Ты, сестренка, не спишь?

Я для них – хотя и с двумя кубарями, и с красной звездой на рукаве – все равно, что сестренка.

Отвечаю:

– Не сплю...

– Чего ж ты не спишь? Ты усни.

– Да не спится.

– Ну, давай я тебе сказочку расскажу...

– Рассказывайте, я послушаю.

– Ну, в некотором царстве, в некотором государстве... – и пошел мне рассказывать сказку. Как в детстве. С колдуньями, с бабой Ягой, с красной девицей Марьей-царевной, с Иванушкой-дурачком. Я слушаю. И все слушают. В избе уже сумерки, дело к вечеру.

А другой говорит:

– Ты, сестренка, голодная, небось. Сколько шла... А он баснями соловья кормит. Слезай-ка, давай, да похлебочки нашей поешь, я достану из печки. Еще теплая. Да и мы с тобою поснедаем... Пора.

А есть, правда, хочется.

Я слезаю и говорю:

– Извините, я не одета. Все мокрое...

Тут какой-то парнишка встает и без слов, без всякого объяснения подает мне свою телогрейку.

Я накинула ее на себя. Парнишка мне на руки полил, я умылась. Тот, что сказку рассказывал, подал полотенце. И ложку нашли, я с собой не носила за сапогом. Как окончила офицерские курсы, разучилась с собой свою ложку носить. У нас в госпитале столовая, там все подадут.

После ужина я задремывала на печке и опять просыпалась. А когда просыпалась, смотрела вниз, в комнату, где горел на столе лиловенький фитилек. А шоферы сидели, кто на лавке возле окна, кто возле порога, а кто возле печки. Они тихо вели разговор: боялись меня разбудить. Но стоило мне пошевелиться – и тот, кто рассказывал сказку, небритый, рябой, с большими, распухшими от мороза руками, меня окликал:

– Ты живая, сестренка?

– Живая.

– А мы уж слушаем, спишь – и даже не слышно…

– Да нет… Ничего…

– Ну, и то хорошо… Отдохни. Спи спокойно…

Ну зачем я им всем, незнакомая, никому не известная? Забрела, взбаламутила, а кого-то и места для спанья лишила. И вот вынуждены вполголоса говорить, я-то знаю, какой у них между собою бывает мужской разговор. И рассказанная на «засыпанье», как в детстве, старинная сказка… И похлебка из концентратов с консервами… И чужая, еще новенькая, не промасленная телогрейка, – промасленную, грязную мне не дали. И ложка…

Все мое существо, обогретое и накормленное, переполняет невысказанное, – а его, вероятно, и высказать невозможно, – чувство искренней благодарности, чувство братства с сидящими в полумраке людьми. Я даже не знаю их имен, я с усталости не разглядела их лиц. Только чувствую это спокойное, доброе, излучающее тепло их присутствие рядом с собой, в одной комнате. Может быть, что они в будний день не такие, а сейчас для них праздник, они без работы, поели, попили в тепле, а на печке – сестренка…

Я чувствую, что была бы не я, а другая, но такая же молодая, усталая, занесенная снегом, – они и к другой отнеслись бы с такой же суровой, ненавязчивой добротой, с удивительной человечностью. Так же тихо, сердечно, боясь шевельнуться, терпеливо оберегали бы ее сон...

Утро было морозное, синее, золотое от солнца, и, когда я проснулась, в избе никого уже не было, только старший, рябой, что рассказывал сказку, вошел с улицы, внеся с собой запах бензина, и сказал:

– Ну, сестренка, вставай, мы уехали. Дверь прикрой и, во-он, ломиком подопри. Прощевай...

– До свиданья, большое спасибо вам... Что обогрели...

– Будь здорова!

И он только кивнул, уходя, унося с собой все, что было хорошего в эти долгие снежные сутки, уже внешне другой, озабоченный, строгий. И я, выйдя на улицу, оглянулась на дом почему-то с беспечностью, не спросив: кто они, эти люди? Из какого полка, батальона? Что это за улица, на которой стоит их бревенчатый дом, какая деревня? Почему я не знаю их лиц, их имен?

На войне очень многое не имеет цены. Человек словно замкнут в своей бесконечной тревоге внутри – и во внешней, как будто спокойной, привычной беспечности. Кто подвез до развилки дорог? Я не знаю. Кто крикнул «Ложись!», когда налетел самолет? Кто тащил меня по снегу? Кому я в разбитом, с распахнутой дверью доме перевязывала раны – единственным, сохраненным только лишь для себя, но разрезанным на кусочки и отданным людям бинтом, разве я их расспрашивала, этих раненых: кто они и откуда? Да если бы и спросила, то, наверное, не запомнила бы. А если бы и запомнила, с той поры прошло столько лет, все равно бы забыла. И они, в свою очередь, не расспрашивали меня.

И прошло сорок лет, а я помню и печку, и сказку, и похлебку из концентратов, и долгий метельный тот мартовский вечер с буйной вьюгой за окнами, и рябого, и парня, подавшего телогрейку, и лиловенький огонек.

Может быть, и они меня помнят?

* * *

До войны мне нечасто доводилось бывать в Москве, всего два-три раза. Но запомнилась какая-то ликующая, праздничная мелодия огромного города. Днем – потоки машин и людей, вечером – яркие всполохи световых реклам, огни вывесок и витрин, много музыки, она долетает из открытых окон квартир, с площадей – из серебряно-серых колокольчиков радиорупоров: эта музыка очень бодрая, молодая, ликующая.

И вот – в темных, плотно закрытых теплушках: на улице 30-градусный мороз, – нас провозят вокруг столицы по бессонной, грохочущей окружной дороге. Только самые любопытные чуть откатывают тяжелые двери продутого вьюгами пульмана и вглядываются в контуры очень близкого, но невидимого во тьме осажденного города. Нас везут на Волоколамское направление, туда, где идут самые яростные бои с наступающими немецко-фашистскими войсками. Мы должны будем сменить 8-ю гвардейскую дивизию генерала Панфилова. Иногда, когда поезд замирает где-нибудь у закрытого семафора, мы прислушиваемся к войне. Она – рядом. То совсем явственно слышны раскаты орудий, то тише, как бы приглушенней. За вьюгой, за снегом, как зарницы спадающей или же приближающейся грозы, – кто это знает! – багровые клубы пожаров. А мороз – руки липнут к железу, от дыхания – длинные струйки пара, из ноздрей, изо рта; брови, волосы, мех ушанок, ворс на воротниках шинелей и полушубков – все в длинных, колючих иголочках инея. Что-то грозное, опаляющее душу было в этой морозной, простуженной темноте, в этом гуле орудий, в тревожном пощелкивании колес вагонов, в лязге белых от инея буферов…

Наша 329-я стрелковая дивизия входила в резервную армию и была предназначена для боев за Москву в намечаемом Ставкой Верховного Главнокомандования контрударе. Однако в бой она вступила не на Волоколамском шоссе, где мы выгрузились из эшелонов, а на Можайском направлении, чуть северо-западней Кубинки, и пошла еще дальше, освобождая села Никифоровское, Троицкое, Хотяжи, Апарину Гору, на Рузу.

Москва оставалась у нас за спиной, но так близко, что, кажется, было слышно дыхание города. Суровой, невиданно грозной показа-

лась нам она, когда мы привозили в Лефортово раненых из дивизии. Противотанковые ежи на окраинных улицах, завалы из камня и мешков с песком, в домах амбразуры и ниши для пулеметов, у домов – баррикады, окопы, колючая проволока. Люди все деловиты, с усталыми лицами: немцы часто бомбят древний город, приходится после долгого дня работы дежурить на крыше, обезвреживать зажигалки. Стены многих зданий, в том числе Большого театра и Кремля, разрисованы камуфляжем. То и дело встречаются какие-то странные пустыри: щебень убран, но как-то тоскливо от этой поспешности, с какой убирают следы вражеского налета. В трамваях, в метро – ни улыбки, ни шутки...

Помню, на Тверском бульваре меня поразило странное шествие: шли девушки в серых шинелях и вели, как ведут лошадь под уздцы, сигарообразное серое чудище, заключенное в стропы, – аэростат воздушного заграждения. Шли они на отдых после ночного дежурства в небе столицы, и в тупой, круглой морде аэростата было что-то послушное, укрощенное, подчиненное женской руке, словно аэростат тоже, как человек, все знал, понимал и хотел нам помочь в нашем грозном противоборстве с вражескими полчищами. Я, признаться, слегка позавидовала тогда девчатам, шагавшим не в лад в тяжелых кованых сапогах по булыжникам мостовой рядом с этим чудовищем.

* * *

Есть в году один день, в который мне обязательно позвонит, хоть из-под земли, бывший лейтенант-зенитчик из 113-й стрелковой дивизии. Да и земля-то перевернется, если такого звонка не будет. Я уже с утра жду его, говорю своим близким: «Неужели Толя Горышев не позвонит?» И он обязательно, хоть поздно вечером, но позвонит... Мой спаситель, человек, которому я обязана жизнью. Это он с Гришей Парамоновым тащил меня, контуженную, по снеговой целине, под пулеметными очередями с налетающих «мессеров». А с запада уже перли видимые невооруженным взглядом немецкие танки. А по окраине деревни, куда меня несли на руках два бравеньких лейтенантика, уже били и били немецкие минометы. И вот эти два лейтенантика, не донеся до самых ближних домов, зарыли меня в снег, – пули клацали о ледянистый наст в каких-нибудь двух шагах

от меня, – а сами ушли искать снаряды для своих крохотных пушечек, 37-миллиметровок.

А потом я лежала в нетопленой, грязной избе на полу, а мои лейтенантики втаскивали в горницу раненых и каждому говорили: «Ну, ты наклонись к ней поближе, она перевяжет». И я резала ножницами единственный индивидуальный пакет, чтобы приложить хотя бы небольшой стерильный кусочек к ране, а мои лейтенантики рвали свои нижние рубахи на полосы и привязывали, прибинтовывали к телу эти жалкие лоскутки.

...А потом они вышли на улицу и поймали бесхозную лошадь, запряженную в сани. Положили меня на сено, а лошадь хлестнули – и помчалась я в тыл под сериями летящих прямо на голову бомб...

А потом я лежала в санчасти, километрах в семи от переднего края, и опять налетели самолеты, и одна бомба попала как раз в тот самый дом, в котором я лежала на нарах. И они прибежали возбужденные, белые. «Ты жива?» – «Как видите, жива, только жить больше негде, и шинель мою изорвало в клочки». – «А мы с Гришею смотрим, летит бомба – и прямо в санчасть. И батарею бросить нельзя. Мы вчера ее притащили сюда, со снарядами...»

Святые люди...

Гриша погиб на Кубани: подбил самолет, и тот рухнул прямо к нему на батарею. А Толя прошел всю Европу «за три перекура». И вот встретились мы после войны на Неглинной, в Госбанке, в очереди. Я меняла марки, а он – форинты. На советские наши рубли. Еще в форме, со всеми положенными орденами. Гвардеец, в усах. Я даже сперва не узнала.

2 февраля 1942 года. Западный фронт. Деревня Белый Камень...

Неужели мы все это видели, пережили – и остались в живых?!

* * *

Один известный советский поэт заметил как-то, что на фронте любили фронтовых девушек, так сказать, за неимением лучших. Но, однако, желаю задать частный вопрос: а почему же лучшие-то не были в то жестокое время на фронте? И чем они лучше тех, которые воевали?

Я их знаю, хваленых, с каким презрением окидывали они взглядом нас, на сутки приехавших с Западного фронта в Москву. И шинель-то на нас мешком, и сапоги-то кирзовые на четыре номера больше ноги, чтобы можно было их натянуть на портянки. И в брюках-то мы, но не в дамских, изящных, а в ватных, мужичьих.

И я как-то однажды привезла с переднего края раненых в госпиталь, в Голицыно. И выбежала мне навстречу сестричка, кудрявая-раскудрявая, кудри шелковые по плечам, в чисто выстиранном белом халатике, и схватила моего раненого прямо за простреленную, в гипсе, ногу, потащила перекладывать с наших медсанбатовских на свои госпитальные носилки. Раненый громко вскрикнул от боли, потом помолчал и говорит: «Отойди, кудрявая, пусть меня наша сестра переложит...»

Наборщики корпусной газеты «Доброволец» гвардии рядовые Е. Белкова, М. Замараева, метранпажи гвардии сержант А. Торопов и К. Брызгалова за работой в наборном цехе типографии в полевых условиях. Фото М. Инсарова. Действующая армия, 1945 год

Для меня эти слова – лучшая награда. Я-то ведь и не знала, что уже наловчилась, «умею», я все думала о себе – недоучка, «скороварка», «вертолет». Нас учили-то всего два месяца, а потом, после выпуска с курсов, в тот же день – в стрелковую дивизию.

А может быть, и не нужно слишком много знать, чтобы сразу хвататься за перебитую ногу, нужно просто – любить? Вот тогда и научишься…

* * *

До войны я не знала, что такое бессонница. Лежать до рассвета с раскрытыми глазами и глядеть в потолок – занятие малопривлекательное. По доброй воле ему не будешь учиться.

Может быть, после войны, после тяжелой физической нагрузки мне стало этой нагрузки не хватать, поэтому и бессонница? Не знаю.

Но ведь началась она не после салюта Победы. Началась она там же, еще в сорок первом, еще под Москвой, в те самые дни и часы, когда падали от усталости. Бывало, трое-четверо суток на ногах. Сперва на марше по глубоким снегам километров 25–30. Потом – по прибытии на место, а это чаще всего глухой подмосковный лес, занесенный снегом, и тебя в нем никто не ждет, никому ты не нужен, никто не приготовил тебе ни жилья, ни еды, – сразу же, без отдыха, сходу беремся мы за лопаты и начинаем этот снег под деревьями расчищать. На расчищенные места выгружаем имущество, тяжеленные тюки брезента для ДПМских[2] палаток, доски, колья, стекло, оборудование, печки-бочки, автоклавы, носилки, пачки меховых одеял, продукты, медикаменты… Потом вбиваем колья в промерзшую землю, натягиваем брезент, устанавливаем печки-бочки. И пока мы работаем, пока двигаемся, нам тепло, даже когда стоит 20-22 градусный мороз. Но как только усталость взяла свое, захотелось присесть, так тут же начинаешь мерзнуть.

Потом мы еще не успели затопить печки, погреться, поесть, как приходит приказ: ехать дальше. Дивизия за это время продвинулась на десять-пятнадцать километров, и мы не должны от нее отставать.

[2] ДПМ – дивизионный пункт медпомощи.

Значит, нужно гасить печи, укладывать, свертывать имущество, грузить его на повозки, на машины, а самим снова в путь, по снегам. А там, на новом месте, начинать все сначала. Да еще в самый трудный момент развертывания приведут колонну машин, груженную ранеными. И тогда – разрывайся, спеши, торопись, успевай поворачиваться.

Иногда без подсменки работаешь столько времени, что уже не различаешь ни ночи, ни дня, лица людей расплываются перед тобой как в тумане, берешь в руки шприц, а пальцы не держат, он вываливается из рук на брезентовую подстилку.

Помню, я однажды сменилась-таки, наконец, легла в отгороженном ото всех закутке на ветках елового лапника, а уснуть не могу. Кровь звенит в голове, в теле неестественная невесомость, словно я уже живу в каком-то другом измерении. Приняла одну таблетку снотворного – не берет. Другую. А сна – ни в одном глазу. Третью. Только начала засыпать, приходит комиссар батальона Румилов и говорит, что привезли раненых, что Лизунова, которая меня сменила, дежурство мне «вернет» и повезет колонну уже обработанных раненых, а мы будем принимать «новеньких», кормить их, перевязывать. Спать теперь нельзя, уже некогда.

Я, конечно, встала. Приняла снова дежурство от Иры. Пошла по палатке, хотя чувство невесомости, никогда не ощущавшееся прежде, пошатывало меня. С трудом добралась до печки-бочки: возле нее стояли складные брезентовые табуреты. Я села на один из них – и чувствую: падаю, а удержаться не могу. Больше ничего не помню.

После санитары рассказывали: упала я лицом в дрова, в лапник. И лежу. Они меня подняли, положили возле печки, в тепле, укрыли шинелью. И я проспала почти сутки, беспробудно, а они сами, одни управлялись, все делали без меня мои мужички, воронежские колхознички, не спавшие столько же, сколько и я, и делавшие всю тяжелую работу, как и мы, плюс еще тяжелейшую, которая нам, девчонкам, не по силам. Долбить землю для могил в промерзшем грунте, таскать раненых в операционную и обратно, подавать судна «лежачим», выносить мертвых...

Я уже в который раз берусь описывать этот эпизод, и в книгах моих он как-то косвенно был отражен, и все же не могу найти достаточно выразительных слов, чтобы человек, не видавший войны и не переживший всех этих тягот, понял хотя бы десятую часть: каково оно было *там*. Тот самый человек, – имярек, – их теперь очень много, который сейчас говорит: «Хватит жить старыми заслугами! Подумаешь, вы – воевали… А чего вы там делали, на войне?!»

Чего делали – делали. Обо всем не напишешь. Достаточно вспомнить, как в лютый мороз по ночам выходили за огороды сожженной деревни, – подальше от мужских глаз, – раздевались и горстями сгребали с нижних рубах вшей, набиравшихся от раненых, от мертвяков. Не мылись-то больше месяца, спали не раздеваясь, не снимая ни шапок-ушанок, ни валенок. Хоть разбейся, а от вши не убережешься. И не денешь ее никуда…

* * *

Расскажу, как я этих вшей впервые увидела.

Приехала я из Звенигорода, куда отвозила раненых, а навстречу мне комбат.

– Зайди к Солдащенскому! Он тебя ищет.

Солдащенский Леша, балагур, весельчак, пришел к нам в батальон с новым главным хирургом Дроздовым. Военфельдшер по званию, Леша, несомненно, знал больше многих и многих военных фельдшеров, так как родом был из Ленинграда, из очень интеллигентной семьи. Немножечко скрипучим голосом, без улыбки, он всегда говорил смешные вещи, и я любила ходить к нему «в гости», когда выпадало свободное время. А тут – времени ни у кого, ни у меня, ни у Солдащенского нет, а он меня зовет. Странно!

Прихожу к ним в палатку, переполненную послеоперационными ранеными.

Леша от усталости еле двигается.

– Посиди возле солдатика, – просит он меня. – Дай ему кислород, камфору. Регулярно слушай пульс.

Солдатик лежал на носилках, поставленных прямо на пол. И я села на пол рядом с ним, у самого изголовья.

Раненый был без сознания, дышал он так тяжело, так хватал воздух губами, что, казалось, искал кислорода, как чего-то текучего, овеществленного, а тот был бесплотен, не улавливался, не ощущался.

Я нащупала пульс, он был очень частый и мелкий. Неглубокого наполнения.

Обвязав марлей нагубник, я дала ему подышать из подушки. Лицо солдата на какое-то время порозовело, но ритм дыхания не изменился. Такой же был тревожный, хватающий, жгучий. После камфоры раненый стал немного спокойнее. Но бледность его лица уже переходила в серость, в складках рта, в крыльях носа лежали зеленые тени.

Леша время от времени издали взглядывал на меня, а то и подходил, давал какой-нибудь совет. Потом еще раз подошел, помолчал. Покачал головой.

– Ладно, больше ничего не надо делать. Сиди!

Длинна и темна непогожая декабрьская ночь. Длинна и темна тончайшая теплая ниточка жизни в лежащем рядом со мной на носилках, прикрытых стеганым брезентовым одеялом, измученном теле. Нет, уже не длинна. Уже виден ее конец, ее хвостик... Ничего не выражает лицо, глаза плотно прикрыты. Дыхание тихое, почти в норме. Пульс куда-то бежит, бежит – и вдруг словно бы кто-то поймал его, сжал, – и он задохнулся, отстукал свое. По руке, от пальцев к сердцу, вместо теплой крови теперь быстро бежит белизна...

Я гляжу в лицо солдата, понимая и не понимая, что с ним произошло. Понимаю, что умирает, что умер у меня на глазах, но не могу этого постигнуть: как? Зачем? Почему? Что случилось в его распростертом обессиленном теле, отчего перестали двигаться легкие, перестало работать сердце? Почему не помогла операция, не подействовала введенная мною камфора, кислород, перелитая кровь?

Остановившимся взглядом я смотрю и смотрю на серое обескровленное лицо с бесцветными бровями, с рыжеватыми, давно не стриженными прядями волос на висках. И вдруг вижу – лицо, шея, грудь солдата внезапно будто бы зашевелились.

Точно какая-то серая пленка задвигалась у него на щеках, на губах, на веках, на лбу, на бровях.

Я в ужасе оглянулась на Лешу. Может, это лампочка к утру ослабела накалом, или глаза мои от усталости уже ничего не разбирают… Что это такое на нем?!

И тут меня осенило: да это же вши! Целые полчища вшей покидали остывающий труп, тянулись к живому телу от мертвого… Как же, как же! Живое – к живому…

Я вскочила и бросилась на мороз, заплясала, отряхиваясь…

* * *

День Красной армии. 23 февраля 1942 года.

Износки, бомбежка с утра, баня, смерть женщины-врача, девушки-сандружинницы, трупы людей и лошадей на улице, мы в окопе возле дома весь день, в дом попала бомба. И я пошла и приняла дежурство в 104-м ппг, в палате для тяжелораненых.

1943-й. Госпиталь 2631, я – замполит в хирургическом отделении (тысяча человек). 1944-й – литсотрудник армейской газеты «За правое дело», под Витебском (город Лиозно). Бомбежки с утра и до ночи.

23 февраля 1945 года. Германия, 1-й Белорусский фронт. Вечер с ВВВ. Танцуем с ним. Поместье какого-то немецкого генерала.

23 февраля 1946 – Лит. институт.

Общежитие. Зал…

* * *

Между прочим, в романе «Весна на Одере» Э. Казакевича есть такой эпизод. Капитан Чохов едет в карете с гербами к линии фронта, и начальство ругает его за эту карету. С фактической точки зрения это полная чушь. Кто мог ругать Чохова, когда целые армии и дивизии, и полки, и отдельные, догоняющие свои части бойцы вихрем мчались к переднему краю на самых невиданных транспортных средствах, как тогда говорили. На велосипедах всех марок, в том числе и на гоночных, и на «дамских», и даже на детских. На похоронных дрогах, в архимандритских колясках, на шарабанах, на тарантасах, на двуколках, на фурманках и в жокейских качалках. И все это двигалось не раздельно, так, чтобы можно было нечто диковинное

разглядеть, а в общем едином потоке, сплошной лавой, по грязнейшей весенней дороге, по валяющимся на булыжнике трупам убитых автоматными очередями свиней, по пуху из подушек и перин, по комьям бумаг, развеянных кем-то по ветру, по брошенным противогазам, по тряпкам.

Помню, в Бомсте солдаты разбили универсальный магазин, и какой-то боец расстелил по расплывшейся грязи целую штуку малинового сукна, раскатал аж до самой кромки, а потом, как король, подбоченясь, прошел по ней в своих кирзовых сапогах: знай, мол, наших! Сел опять в драндулет – и покатил на запад. И никто его не ругал. Да и некому было ругать, ведь все двигалось, ехало, мчалось к Берлину, мимо остолбенелых фрицев, с оружием и поклажей, с походными кухнями стоящих в весенних лесах. Прямо возле дороги, ожидающих, когда же, наконец, их возьмут в плен...

* * *

Только военный корреспондент поймет до конца и основательно другого военного корреспондента.

Ехать в любой час суток, в любую погоду в район, еще не освобожденный от врага, туда, где идут бои. Ехать, не зная ни географии этого района, ни его топографии. Ехать, не зная: там победа или же наше поражение. Например, я иду, а навстречу мне раненые, опирающиеся кто на винтовку, а кто – на плечо такого же раненого товарища. Бинты в саже, в крови. А рядом со мной, на дороге, дурманными факелами один за другим вспыхивают от немецких снарядов бронетранспортеры с нашей пехотой. И никто из бойцов не успевает выскочить из этих бронетранспортеров. Все дымится густым мазутным дымом и вонью горелого мяса.

И кто мне объяснит. Что здесь происходит?

Но я иду дальше.

У меня нет оружия. Я уже прошла пешком около двадцати километров. Я голодна. А там, впереди, – неизвестные мне, незнакомые люди, занятые самым страшным и самым важным для них делом: они ведут бой. И им наплевать, кто пришел и зачем, опишет он их подвиги или не опишет, потому что и подвигов нет, и желания быть

прославленным – в час позора – нет, а есть одно-единственное желание: устоять, победить, не быть расстрелянным за трусость, не быть разжалованным или сосланным в штрафбат. А враг прет. Подкалиберные снаряды пролетают над полем боя, светясь от возникшего в них накала, несущего смерть. И сразу же, рядом, шагах в десяти от меня опять вспыхивает бронетранспортер, полный молоденьких бойцов. Все в новенькой форме, и все с автоматами.

В обороне, например, солдаты настолько изучат и запомнят повадки врага, что живут и ходят, и исполняют свои обязанности, не неся ни каких потерь. А вот приехал человек посторонний или же вернулся из госпиталя после ранения солдат, размагнитившийся, разучившийся ползать и пригибаться, а может, еще не успевший ознакомиться с обстановкой, – и вот он убит. Сразу. С ходу. Легко. Наповал. И все это так впечатляет, так волнует тебя… И вот тут дурак или дура, не ведающий или же не ведающая ни о чем, кроме своего задания. Да и задание иной раз смешное до слез: напишите о ротном поваре. Или же о повозочном. Напишите, как пришивают подворотнички. Как налаживают вошебойку. Напишите о бане. О том, как подвозят почту. Напишите о санинструкторе, спасшем столько-то раненых… Он-то спас, может быть, и большое количество раненых, а убитых сейчас на поле боя куда больше…

Напишите о генерале.

А черт бы о нем написал! Что же он, не видел что ли, что враг накапливает свои танки и пушки за холмами?

Напишите о связисте…

А я хотела бы в данный момент написать о себе. О том, что я вижу и слышу и что происходит вокруг меня, и какой нестерпимою болью все это отзывается в моей душе. Но кто напечатает?..

* * *

Для некоторых людей война оказалась таким неожиданным новым кругом их жизни, столь несхожим со всем, к чему они приспособились прежде, что они тоже сделались как бы новыми совершенно. Может быть, этим людям казалось, что им нужно во всем соответствовать окружающей смерти?

Человек малограмотный, глупый, ничтожный мог грубо тебя оборвать, осмеять перед всеми. Мог придраться к совершенному пустяку, если должность и чин позволяют придраться. Природа неоправданной жестокости – жестокости к своим – по-моему, еще никем не осмыслена и не изучена. Солдаты всем сердцем любили своих больших и малых командиров, насаждавших железную дисциплину, то есть, тех, кто поощрял отличившихся и наказывал провинившихся. И лютой ненавистью ненавидели тех, кто мелкими, несносными придирками отравлял жизнь своим подчиненным, кто действовал по произволу: нынче так, а завтра – как моя левая нога пожелает.

Я заметила, на войне почти ни у кого из нас не возникала одна важная мысль: а ведь кто-то из нас уцелеет... И мы встретимся после победы. И припомним хорошее и плохое. И тому, кто тогда, на войне, обижал незаслуженно, унижал беспричинно, будет горько и стыдно...

Нет, я тоже об этом не думала. Никогда не загадывала, что в компании друзей увижу доносчика, подхалима. Или предавшую меня женщину, предавшую глупо, бессмысленно, в пустяке... Или...

Мы стояли тогда в Кременском и ходили по трассе, которую строил наш батальон. Здесь каждый знал каждого: в батальоне, на стройке, не так-то уж много солдат.

Утром рано берешь санитарную сумку, кусок хлеба – и на трассу на весь день, до захода солнца. По березовой и осиновой гати километров на двадцать. Возвращаешься поздно вечером.

И вдруг у развилки дорог появился пост пограничника. Возвращаюсь в село, а ко мне часовой: кто такая, откуда? Предъявите документы. Я в карман, а на мне новая гимнастерка, старая вся истлела, я ее закинула в угол, на нары, а красноармейскую книжку переложить из кармана в карман позабыла.

Называю себя, свою должность, фамилию командира части, комиссара. Объясняю, где мои документы. И вдруг вижу: по дороге в село идет наша же девушка, военфельдшер, только из другой роты. Я из второй, а она из первой.

– Вот, – говорю, – она подтвердит. Она из первой роты, а я из второй.

А девушка эта – не буду сейчас называть ее имени – глядит на меня и качает головой в темно-синем беретике с красной звездочкой:

– Представления не имею, кто такая. Знать не знаю ее.

И протягивает спокойно и даже подчеркнуто равнодушно свою красноармейскую книжку и спокойно проходит.

Пограничники глядят на меня с подозрением: что, попалась? Ну-ну… А еще говорила!

До сих пор не пойму: неужели этой девушке было так важно, так сладко в ту минуту соврать – и унизить меня? Неужели это так ее окрыляло, так поддерживало в ней самой чувство силы и какого-то превосходства надо мной, что она не задумалась, не побоялась ни встречи лицом к лицу в тот же вечер в нашей общей избе в Кременском, где мы вместе с ней жили, ни встречи за гранью войны, уже в мирной жизни?! Ни того, что я ее осмею, опозорю? Да, мирная жизнь казалась нам тогда почти такой же фантастической, как и полет на Луну. Но мы все же дожили до Победы и до полета на Луну и живем теперь этой мирной жизнью, где все устроилось и повернулось немножечко по-другому: иной рядовой неуклюжий солдат или скромный сержант стал ученым, писателем или даже министром, а гроза ежедневная, еженощная, старшина или злой помкомвзвода как был в прошлом ничем, так и в нынешнем, и в грядущем не станет никем…

Прошло уже много лет с той поры, когда я на вокзале в одном городе встретила ту, предавшую меня женщину. Я взглянула в ее постаревшее, исхитренное жизнью пустое лицо и не стала ей ничего говорить. Меня она не узнала. А может быть, просто представить себе не могла, что особа с прической, в сером костюме, в замшевых туфлях-лодочках – это та самая, от которой она отреклась в жаркий солнечный день на дороге, у поста пограничников. Если б я назвалась, вот бы хлынула краска в лицо, а глаза заслезились, забегали бы…

Нет, этого я не хотела.

Неумение повлиять на судьбу подчиненных никакими иными средствами, кроме грубости и жестокости, – это, собственно, капитуляция перед сложностью жизни. Я расцениваю сейчас это так. А тогда… Что ж, тогда это было одной из реальностей очень грозной и страшной войны, и с реальностью этой невольно мирились, ибо были другие, гораздо страшнее, не зависящие ни от кого.

* * *

Последний ночлег на польской земле был под Калишем, у приветливой, доброй старушки, которая напоила и накормила меня. И спать уложила на собственную свою кровать, под белейшую воздушную «пежину».

Утром мы сели по машинам, я – на самую верхотуру, и тронулись прямо на запад, все еще погромыхивающий орудиями, но уже отдаленно и не громко, не грозно, как прежде.

Проезжаем Опочно.

Где-то западнее его вся дорога в разбитых немецких машинах, повозках и танках. Поле справа и слева от узенькой ленты шоссе распаханное, с побелевшими от мороза, но бесснежными бороздами. И вот по кюветам и по полю, поперек борозды, как злобное какое-то стадо, как взбесившиеся мастодонты, врассыпную бежали от наших штурмовиков гигантские, неизвестных мне марок зеленые и оранжевые, и белесые грузовики, штабные автобусы, легковые машины. Всюду смятый, изломанный, искореженный, обгоревший металл, обнажившиеся конструкции, радиаторы, сплющенные в гармошку, груды ящиков из-под снарядов и всякого хлама, старья, каски, сумки, противогазы, и над всем этим – черный пепел и оборванные, измятые, как-то мертвенно шелестящие комья бумаг. Тут и толстые рваные книги, и «дебет-кредит», и длиннейшие списки, и ведомости, и приказы, словом, вся бухгалтерия смерти. И повсюду – на бороздах, на дорогах, в кюветах, под колесами обгоревших машин – трупы, трупы... Смердящие приторной вонью трупы немцев. Армейская мертвечина... А еще говорят, что труп врага хорошо пахнет! Вот уж этого не заметила. Чего нет, того нет. Эти трупы воняли, как воняют все смертные: и правые, и виноватые. Эти, плоско лежащие на земле, виноваты: захватчики, оккупанты, грабители и убийцы, они пришли к нам, на советскую нашу землю, – и вот тлеют теперь на февральском ветру, еще шевелятся их рыжие, черные и седые, и белые волосы...

Первый город на старой немецкой границе был Бомст. Он запомнился мне черным дымом, клубящимся над домами, резким, звонким потрескиванием лопающейся от огня черепицы, непроез-

жей, размазанной грязью обочин, мрачным обликом старых ветел, сжимающих своим четким строем шоссе. Над домами повсюду, из окон и чердаков, хоть и белые, все равно словно траурные, свисают какие-то тряпки, символ полной покорности, сдачи в плен, подчинения перед силой, переломившей их силу.

Мы подъехали к маленькой площади, замощенной булыжником, окруженной домами с высокими крышами и широкими окнами под железными жалюзи, – это были, наверное, магазины, но владельцы давно сняли вывески и закрылись, сидят по подвалам, ожидая, когда пронесет, – здесь и встали борт к борту машины. Я сидела в кузове грузовика, скучая и даже задремывая, – может быть, поэтому и не сразу поняла, что случилось. Только видела: среди группы бойцов проходит высокая немка в черном теплом платке и вдруг, выхватив пистолет, стреляет в упор в стоящего посреди площади офицера. На женщину сразу же навалились солдаты, схватили, сорвали платок, ударили несколько раз по лицу, потом с тяжелой армейской бранью, с угрозами, криками потащили за угол. На площади, возле лежавшего на земле офицера, сгрудилась толпа, набежавшая на звук выстрела. Я спросила у шофера, вертевшего головой (он-то видел все, стоя на высокой подножке кабины):

– Что случилось?

– Да немец… Эсэсовец переодетый сидел тут в подвале, вот вышел, стрелял…

– Ах, сволочь… Убил?

– Да не-е, только ранил. Не наш офицер, а какой-то танкист.

– Ишь, белые флаги они развесили, – сказал незнакомый мне рыжий ефрейтор, – а сами стреляют из-за угла… Паразиты, фашисты!

Одна за другой выезжали из Бомста наши машины.

Когда разворачивались на площади, я увидела сцену, которая поразила меня навсегда.

Три тяжелых американских машины, нагруженные говяжьими тушами, – по нормам военного времени еда, может быть, на дивизию, не меньше, – свернули к кювету, к обочинам в черной жидкой грязи, и бойцы, стоявшие возле бортов, принялись эти красные го-

лые туши с прожилками жира лихо, весело сбрасывать прямо на землю, в грязь, не глядя куда.

– Что вы делаете, эй, хлопцы? – крикнул кто-то из-под колес. – Вы что, очумели?

– Валяйте, валяйте, – ответил боец, перекинувший тушу через себя. – Там курятину будете жрать да индеек, у фрицев в берлоге. А снарядов – нема. Кто их вам привезет?

«Да-а, – подумала я в ту минуту. – Далеко мы ушли от конины, которую ели в Износках под бомбами...»

На окраине Бомста, уже где-то на выезде из него, мы немного свернули и въехали в оплетенные колючей проволокой распахнутые ворота. Из приплюснутых низких серых бараков навстречу нам вышли уехавшие вперед «квартирьеры»: Валерий Скуридин и наши солдаты – Перемышленников, Тугушев, Данилкин, старшина Виноградов.

– А-а, приехали, – как всегда чуть насмешливо улыбнулся Валерий. – Ну, входите в немецкие наши дворцы...

– Да, не очень приглядно, – сказал наш шофер. – Что здесь было при немцах?

– Лагерь для военнопленных.

– Для русских солдат?

– Ну, конечно.

– А где ж они сами-то, наши пленные?

– Да, наверное, уже топают к дому. Ничего. Походи, погляди. Как тут жили... Такое увидишь!

Пусто, мрачно в бараках. Лютый ветер февральский засвистывает в щелях. На нарах – истертая в порошок солома, это вместо матрацев. Стены голые. Голый плац посредине лагеря. Вокруг высокий дощатый забор, оплетенный колючей проволокой. Все какое-то неприютное, обнаженное, приведенное, в общем, к нулю. Упрощать больше нечего, разве что смерть. И смерть была здесь, по-видимому, очень проста.

Нет, не хочется мне находиться в этих бараках.

Хотя, кроме – негде: в самом Бомсте все занято другими войсками, там еще и штаб армии, особенно не развернешься. Но я ухожу из распахнутых, точно пасть, ненавистных ворот.

* * *

На войне так бывает: впечатлениям некогда перевариться. Они друг на друга накладываются, накладываются вперемешку – к сожалению, не слоями, – и какая-то незначительная деталь после в собственном представлении неожиданно и незаслуженно приобретает значение символа, вырастает до неба, а то, самое важное, самое главное из увиденного, что поразило тебя когда-то на миг – между выстрелом и взрывом бомбы, – вдруг уходит безвестно, бесцельно на дно взбудораженной памяти, будто какая-то мусоринка, песчинка, будто комочек земли, чтобы лечь там, на дне, и невидимо раствориться, превратиться в бесформенное ничто, именуемое забвением. А забвение – вещь безглазая, бесконечная, у нее нет другой стороны, в ней кончается диалектика, гибнет молча и нехотя все. Так, наверное, утонули во мне и какие-то сцены и встречи в том злопамятном городе Бомсте, а вот что-то осталось пустое, какой-то, действительно, пустячок, так, ничто, быль и небыль, они и остались в душе. И я как сквозь мутные стекла сегодня гляжу на свое отражение в те далекие годы, в ту войну, в той стране.

Выпуск газеты «Сын Родины» 3-го Белорусского фронта. Фото К. Максимова. 1945 год

Первым делом там, в Бомсте, я бросилась к старым друзьям, в редакцию армейской газеты «За правое дело», в некогда родной свой коллектив. Я у них проработала литсотрудником очень недолго, всего только год. Но ведь это, во-первых, был год на войне, целый год, во-вторых, я у них и до этого часто печаталась, приходила к ним, помню, пешком издалека, и это они разыскали меня в армейской среде, подняли «из низов» и взрастили, и, что самое важное, – именно здесь я услышала и увидела очень хороших лю-

дей, здесь узнала мужскую суровую дружбу, настоящую дружбу. Не какие-то там разговоры с пошлятиной, не известный всем женщинам на войне, очень «тонкий» намек, – а великую дружбу, при взаимном и радостном уважении битву умов, бесконечное рыцарство, легкую «травлю» и беззлобное остроумие.

Вот я в Бомсте и разыскала их в богато обставленном доме, сияющем белизной, чистотой, с изумительным садом. Пожилая хозяйка – для меня она была дряхлой старухой – фрау Марта тотчас же принесла чашечку кофе «эрзац» с еще теплым печеньем.

И я поглядела на Ивана Федоровича Трусова, своего старого друга, с нескрываемым удивлением.

– О?! Вот даже как?

И он усмехнулся.

– А что ж... Теперь мы для нее оккупанты!

– Да, но сами-то мы оккупантам печеньице не носили...

– Ну, то мы... Дикари! А это – Европа, – объяснил он мне достаточно смутную ситуацию.

– Нет, она бабка, видно, хорошая, – вступил в разговор Анатолий Иванский. – Она делает все от души.

– Мда-а-а, душа... От души... Чужая душа – потемки.

– Ничего. Все наладится. Ну, не сразу, конечно.

Я глядела на лица добрейших моих, поседевших за годы войны, товарищей. Сколько трудностей, горя, лишений пережили они, пока добрались вот до этого Бомста, и как хочется им сейчас тишины и довольства, счастья, радости, мира – вопреки всему, этой проклятой войне, еще не закончившейся, и той «женщине в черном», то есть эсэсовцу, в упор стрелявшему в нашего офицера, и барачному городку для военнопленных, за колючей проволокой, и той смятой, истертой в пыль черной соломе на нарах, и снарядам, которые подвезут на машинах, откуда разгружали сегодня мясные туши прямо в грязь, на обочину...

Мы не виделись очень давно, и давно уже разговор перешел на другие, газетные, литературные темы, а в душе все немного скребется какая-то жалкая, грустная мысль: «Фрау Марта... Фрау Марта... Какая заботливая. Ведь никто же не просит ее ни о чем... А она то печенье, то супчик, то кофе несет: “Цо пан хце?” Фрау Марта пред-

почитает говорить с моими друзьями по-польски, не по-немецки, ей сегодня уж очень хочется быть не немкой, а полькой. Так, наверное, удобней: смягчает, как буфер.

Я разглядываю гостиную, где живут мои братья по перу и газете. Диваны и кресла в аккуратных чехлах. Всюду зелень в вазонах, на стенах картины и везде вышивки, вышивки: дорожки, салфеточки, расшитые шелковой гладью подушки. Хотя сегодня здесь, конечно, совсем не немецкий, а все тот же, знакомый мне армейский порядок: столы подтащены к окнам, должно быть, собраны изо всех прочих комнат, тут же смятые ложа на привезенных еще со Смоленщины топчанах, разбросанные бумаги, гранки, стопки пожелтевших книг, фронтовых блокнотов, исписанных экономии ради такими немыслимыми закорючками, что сам черт их не поймет. Однако все это смотрится по-особому, непохоже на прежнее, куда чище, богаче житье по сравнению с жизнью в Лиозно, где нас днем и ночью бомбили, или в деревеньке Гришино, где мы работали в крестьянских избах, а спали на сеновале.

За четыре года войны у нас на глазах было столько разрухи, столько бедности, нищеты, столько всякой рванины, что нам это германское благополучие и довольство и обилие сахара и муки, без которых печеньица не испечешь, уже кажется роскошью, даже чем-то преступным. Да и есть эти вкусности тоже преступно: для чего они нам?!

Когда я ухожу, фрау Марта стоит на дорожке в саду, вся такая опрятная, чистая, почти серая от седины, в серой кофточке, в черной юбке. На ней грубые, но добротные башмаки, руки в старых перчатках, измазанных глиной: фрау Марта сажает цветы, разрыхляет рабатки и клумбы, разбрасывает удобрения. На прощанье она мне почтительно кланяется.

Мы прожили три дня в этом городе, целых три дня, ожидая приказа.

Уже двинулся весь штаб армии, уехала вся редакция, в том числе и мои друзья, уже солнышко по-весеннему припекало, на сирени набухли коричневатые почки, а мы все еще ждем, все слоняемся по готическим улочкам, между старых богатых усадеб, обнесенных, как крепости, высоченными заборами, мимо замкнутых, запертых за железными ставнями чистых, крепких домов. Бесконечные тол-

пы пленных немцев – на этот раз немцев! – потянулись по грязным дорогам с запада к нам, на восток. Многосотенные, а то и многотысячные колонны, – а ведут их всего лишь два-три скучающих автоматчика, уныло шагающих сбоку дороги. А за колоннами пленных, за последними замыкающими, такие же длинные, неохраняемые стада одичавших недоенных черно-белых коров.

– Эх, помыться бы, в баньку сходить, – скулит целый вечер на нарах сержант Тугушев. – Скоро месяц, как топаем, всю Польшу протопали, хоть бы морду почище к победе отмыть...

– Да, неплохо помыться, да где ее, баньку, взять? У них, у фрицев, видать, бани не в моде.

– Хоть водички нагреть бы в ведре... Да только вот в бараке холодина! Еще холодней, чем на улице, просквозит до костей. И Берлина уже не увидишь...

Я внимательно слушаю этот тоскливый солдатский скулеж.

И вдруг в голову пришла мысль: фрау Марта! Да, она обязательно меня вспомнит. Мы к ней сходим, попросим натопить пожарче печь, нагреем воды и устроим себе хорошую баню, уж расплатимся чем-нибудь. Не деньгами, так банками со «вторым фронтом» или плитками шоколада немецкого, из трофеев.

– Пошли, хлопцы! Будет баня. Устрою...

И вот перед нами тот зажиточный, чистенький дом, белый сад. Но никто не встречает на желтой, усыпанной песком, аккуратной дорожке. Мы проходим двором, поднимаемся на крыльцо, осторожно стучимся. Никто нас не слышит. Но дверь не закрыта, я это чувствую всем плечом. Нажимаю слегка, не очень-то сильно. Дверь бесшумно распахивается прямо в сени, – здесь, в сенях, не темно, здесь желтым плотным столбом стоит солнце, проникшее из кухни сквозь такую же, распахнутую дверь.

В кухне пахнет похлебкой, только что вскипяченным молоком и знакомым мне, пряным, сладким песочным печеньем. За столом сидит щуплый, морщинистый, уже седенький старичок в фольксштурмовской форме, с былинками сена в нестриженных волосах. Он спешит, что-то быстро жует, рядом к стенке приставлена винтовка. Фрау Марта стоит перед стариком, спрятав руки под вышитым ярким передником.

Вдруг глаза старика странно выпучились, как у вареного рака, он увидел меня и солдат за моей спиной, сперва побледнел, потом покраснел, поперхнулся, закашлялся. Вскочил, глядя в окно, вероятно, раздумывая, не прыгнуть ли прямо в сад, разбив толстые стекла, и застыл без движения. Фрау Марта обернулась – и согнулась, как будто бы кто ударил ее в лицо. В грудь, под ложечку. Я не сделала еще и шага, а она уже подползала по ковровой дорожке, целовала мои сапоги, измазанные жидкой, липкой грязью, обнимала мои ноги, лепеча уже по-немецки, а не по-польски.

– Фрау Марта! Как не стыдно! Не смейте! – кричала я, с омерзеньем отрывая ее цепкие, крепкие пальцы от колен, от сапог. Я на миг задохнулась; что-то стиснуло горло. Наконец я стряхнула ее брезгливо, отступила назад, за порог.

Мои хлопцы рванули быстрее меня, мы опомнились за воротами. Нет, ни я, ни бойцы не боялись винтовки фольксштурмовца, хотя мы пришли безоружные. Да об этой винтовке и не думал никто, мы бежали от смертного ужаса, проступившего на лице старика, от униженной, распластавшейся фрау Марты, целовавшей мои сапоги. Это было неслыханным, нестерпимым, немыслимым, отвратительным зрелищем, я их чувствовала на себе эти липкие поцелуи, как какое-то стыдное, оскорбляющее меня унизительное клеймо. И еще – ощущение было такое, словно я наступила на что-то живое, и вот это живое было – липкое, гадкое, какое-то скользкое. Я шла, передергивая плечами, как-то ежась и морщась от только что пережитого незнакомого чувства. Что-то было испорчено, и притом безвозвратно, в этом ласковом солнечном небе, в этих теплых, нахохленных почках сирени, в длинных вешних ручьях, в белых тряпках знамен безоговорочной капитуляции, словно радость и молодость мои как-то сразу уменьшились, словно это не старая немка, а я только что унижалась во имя спасения чьей-то жизни, и сама эта жизнь, и само унижение не имели цены, не хотели спасения.

Молча, медленно прибрели мы в барак, уселись на нарах.

Я не знаю, что думали мои добрые хлопцы, как они пережили и перечувствовали всю эту сцену. Ведь никто ничего не сказал, не обмолвился ни словечком. А я не забуду ее никогда. До последнего часа.

Михаил Домогацких

ОТРЫВОК ИЗ «ПОВЕСТИ О ДЕСАНТНИКАХ»

ДОМОГАЦКИХ
Михаил Георгиевич
(29.07.1923, деревня Воскресеновка Усманского уезда Воронежской губернии – 03.07.2000, Москва)

Прозаик, член Союза писателей СССР (1984), заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премий журналов «Огонек» (1963), «Новое время» (1963), «Знамя» (1983).

Из крестьян. Рано остался без родителей, и их, четырех детей-сирот, взяла на воспитание семья брата отца. Со школьных лет он сотрудничал в районной газете «Ленинский путь», куда его, ученика Чуевской школы, в период летних каникул пригласил заведующий отделом писем В. С. Рязанцев.

Участник Великой Отечественной войны. В двадцать лет в звании лейтенанта он стал командиром роты подрывников-разведчиков, с 1942 года служил в военно-десантных войсках. Воевал под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, Украине, освобождал Будапешт и Вену.

Из письма редактора военной газеты «За Отечество!» Кузнецова: «В рядах нашей гвардии сражается с немецкими захват-

чиками совсем еще юный по летам Михаил Домогацких, бывший работник районной газеты. Добринцы могут гордиться своим земляком. Семнадцать немецких бандитов убил Домогацких из личного оружия в исторических боях на подступах к Москве. Неоднократно приходилось ему быть в рукопашных схватках с ненавистным врагом. В этих боях Михаил Домогацких был тяжело ранен. После выздоровления – снова боевые будни. Домогацких сражается в рядах стойких защитников Сталинграда. Затем командование посылает его на выполнение специального задания в глубокий тыл врага. Там он принимает активное участие в деятельности одного из партизанских отрядов на Украине. Летом 1943 года Домогацких участвует в боях за Днепр… Командование наградило его орденом Красной Звезды. Сейчас он работает корреспондентом военной газеты и опять зарекомендовал себя лучшим журналистом…».

Из наградных листов:

«Тов. Домогацких, работая заместителем редактора дивизионной газеты, инициативным, смелым и решительным, добросовестно выполняющим свои обязанности, плодотворным журналистом. На Воронежском фронте, находясь на передовых позициях, в трудной боевой обстановке организовывал боевой материал для газеты и много работал по созданию военкоровского актива из бойцов и командиров, повседневно старался улучшить качество выпускаемой газеты, освещая в ней в своих статьях лучших бойцов и командиров, проявивших себя в бою. Тов. Домогацких непосредственно в подразделениях учил работе редакторов стенных газет и боевых листков, показывая на деле, как надо делать газету».

«Гвардии старший лейтенант Домогацких работает в должности заместителя редактора дивизионной газеты со дня её организации и прошёл весь славный путь с дивизией. Будучи контужен при расширении плацдарма на правом берегу Днепра, Домогацких после госпиталя, несмотря на то, что был демобилизован по состоянию здоровья из рядов РККА, возвратился снова в дивизию и начал работать вновь на своей работе. Тов. Домогацких – способный, квалифицированный журналист. Он умело работает с военкоровским активом дивизии и какая бы обстановка не сложилась на переднем крае, он идёт в батальон, роту, беседует с бойцами, офицерами и своевременно организует материал хорошего качества о героях боев. Так было в районе севернее Секешфехервара в д. Замоль, где Домогацких ходил на передний край, в дни наступления немцев, орга-

низовал материал о героических ротах Коробейникова и Барышкова. Домогацких пользуется большим авторитетом среди бойцов и офицеров дивизии. Его любят и знают все. Много пишет сам статей и стихов для газеты. Помогает непосредственно на переднем крае редакторам "Боевых листков" и листков "Слава героям гвардии" в их выпуск. В дни Яссо-Кишиневской операции Домогацкий, уйдя на задание по прочёске лесов с одним батальонов, имеет на своём боевом счету 27 лично убитых немцев. Тов. Домогацких написал "Марш 5 дивизии", который утверждён ВС армии и исполняется в подразделениях».

После войны, окончив центральные газетные курсы при ЦК ВКП (б), М. Г. Домогацких стал работать в редакции воронежской областной газеты «Коммуна». После окончания в 1949 году экстерном исторического отделения историко-филологического факультета ВГУ был назначен главным редактором возобновившей выход областной газеты «Молодой коммунар». Затем Воронежским обкомом партии направлен в Высшую дипломатическую школу МИД СССР. Окончив восточное отделение школы в 1953 году, стажировался в Токио, затем два года учился в Пекинском университете.

Журналист-международник, собственный корреспондент газеты «Правда» в Китайской Народной Республике, Африке, Индонезии, Индокитае (1953–1991). Он говорил на основных европейских и на азиатских языках. Это давало ему возможность свободно путешествовать по разным странам Европы, Азии и Африки.

Был переводчиком Н. С. Хрущева и Мао Цзэдуна.

Автор многих книг, в том числе «Народ раздвигает горы» (Москва, 1959), «Повесть о десантниках» (Воронеж, 1961), «Далекое созвездие» (Воронеж, 1966), «Особое задание» (Воронеж, 1976), «Южнее реки Бенхай» (Москва, 1985), «Последний штурм» (Москва, 1987) и др.

Большой железнодорожный мост, который уже давно не выходил у всех из головы, существовал последние минуты. Хотя все так же были прочны его огромные железобетонные устои, уткнувшиеся в холодную воду; все так же без единой трещинки покоились на них массивные металлические фермы, полукружьем по-

висшие над темной лентой реки; все так же, как все последние месяцы, расхаживали по деревянному настилу немецкие часовые, шаги которых гулко отдавались в ничем не нарушаемой тишине.

Ночью, на фоне серебристо-фосфорического неба, мост был особенно красив. Сложные переплетения металла казались сейчас очень тонкими, изящными, и в то же время чувствовалась их массивность и надежная прочность. Построенный для того, чтобы стоять века, мост доживал свое время. Пройдет несколько минут, и страшная сила, скрытая пока под слоем воды, поднимет на воздух это тяжелое, сверхпрочное сооружение, искорежит стальные балки, разрушит многометровой толщины опоры и бросит все это бесформенным ломом металла и глыбами бетона в реку. Потребуется всего лишь один поворот рукоятки взрывной машинки, чтобы превратить в ничто творение тысяч человеческих рук.

Откровенно говоря, было жаль этого красавца. Только суровая необходимость заставляла отбросить жалость и направить всю силу на то, чтобы обрушить его в реку, остановить движение на оживленной магистрали, попавшей в руки врага.

Стрелки часов показывали десять минут четвертого утра. Через двадцать минут мы включим взрывную машинку, и вслед за этим прогремят взрывы по всему участку, над минированием которого мы трудились все последнее время.

Архипов, Лю Тянь-хэ и я уже переползли с опушки леса, где пролежали около двух часов, ближе к мосту – на минимально безопасное расстояние. Борис вытащил из-под берега спрятанный сразу после минирования моста провод, и мы соединили его с механизмом взрывной машинки. Мы укрылись в мелком прибрежном кустарнике и с нетерпением поглядывали на светящиеся циферблаты часов.

– Ну, как, – шепотом спросил Борис у Саши, – сердце на месте?

Тот ничего не ответил, только махнул рукой: «Молчи ты». Но видно, что он был очень взволнован: ему же предстоит взрывать мост. За это право перед уходом из лагеря разгорелся спор. Я мог бы отдать приказ, чтобы передать взрывную машинку Архипову, Цыганову или Лю Тянь-хэ. Но я знал, как много вложил каждый из нас в этот мост, и хотел, чтобы право взрыва было определено жребием.

В конце концов мост будет взорван, кто бы не включал машинку. Шесть моих товарищей сорвали шесть клейких молоденьких листочков и на одном из них выцарапали иглой крошечный треугольничек. Счастливый листочек достался Саше Лю, и он был на седьмом небе от радости.

«Везет же человеку!» – комментировал Цыганов. Он долго не отходил от Лю Тянь-хэ, а потом предложил:

– Саша, уступи мне свой листочек, а я тебе подарю за это свой нож.

Десантный нож у Цыганова был редким по своей красоте. Отделанный пластинками черненого серебра, он вызывал зависть не одного Саши Лю. Но кроме рукоятки у ножа был замечательный обоюдоострый клинок, на котором четко выделялась выгравированная фраза: «В память о Великой Отечественной войне. 1941–».

– В конце войны поставлю вторую дату, – часто говорил Цыганов. – Собирался это сделать в 1942 году, да вот повременить приходится. Наверное, в будущем сделаю.

Фоторепортаж на линии фронта

Нож Цыганову подарил его старый товарищ, работавший до призыва в армию мастером в одной крупной ювелирной мастерской.

– В гражданскую войну награждали орденоносным оружием, – шутили в отряде, – но на саблю с орденом Цыганов не вытянул, так ему просто нож из ювелирторга прислали. Ты его сдай в хлеборезку. Ему там место.

Надо было как-то скрывать зависть.

Предложение Цыганова было необычайным по щедрости. И все-таки Саша отказался.

– На что он мне? Очень хитрый ты, Андрей. Хочешь на маленький ножичек выменять такой большой мост.

Цыганову не повезло и второй раз. Он хотел в момент взрыва быть у моста, а я послал его в охранение.

Но самыми несчастными считали себя те, кто остался охранять лагерь, в том числе и Иван Чеканов. Эту группу из восьми человек пришлось отбирать с большой трудностью.

– Чего тут охранять-то, товарищ старший лейтенант, – ныл все время Чеканов.

– Как что? А рация, вещи?

– Ниночка, – ластился Иван к Нине Волковой, – ну скажи командиру, что тебя охранять не надо. Что тебе стоит?

– Меня, Иван, охранять не надо, это верно. Я сейчас скажу командиру, чтобы он меня тоже взял на операцию. Что тут делать?

– Верно, – радовался Иван, чувствуя неожиданную поддержку, – и пойдем все вместе.

– Ты не торопись. Это я пойду, а ты останешься охранять лагерь. А то еще опять потеряешься, как при высадке.

Этого Иван уже не мог простить девушке. Назвав Нину «бесчувственной коробкой с батареями», он ушел непонятый.

Мы уходили из лагеря первыми, чувствуя на себе теплые взгляды остающихся товарищей.

Время для операции мы выбрали самое подходящее, установив его после почти ежедневных наблюдений за распорядком немецкой охраны. Это был последний час перед сменой. Самый трудный час.

Охранники устали, ноги гудят от четырехчасового хождения, все тело ломит, а голова наливается тяжестью. В это время особенно хочется спать. Дай человеку присесть на минуту, и его уже трудно будет разбудить. А тут еще предутренний холод. От воды тянет сыростью. Часовые все реже останавливаются на мосту. Они предпочитают ходить по шпалам. Пусть неудобно, зато теплее. Сейчас они со злостью думают о тех, кто их должен сменить. Говорить им не о чем, уже обо всем переговорили за четыре часа. Теперь завалиться бы на постель, укрывшись с головой теплым одеялом.

Опять слышатся дробные шаги по настилу моста. Часовые уходят влево, поближе к караульному помещению, чтобы сразу, как только сменщики выйдут на улицу, сдать им пост.

Я думаю обо всех своих товарищах, которые, как и мы, лежат сейчас против своих объектов, ожидая нашего сигнала. Вижу каждого из них, кажется, знаю о них все, что знают о себе они сами. И все-таки волнуюсь: как бы не сорвалось что-нибудь, хотя, кажется, и нет для этого оснований. Ведь сделали же мы самое главное и опасное – минирование объектов – так, что не вызвали никаких подозрений. Значит, тренировки, после которых часто небо казалось с овчинку, были не напрасны. Осталось немного, несколько минут напряжения, и все будет кончено.

Много опасностей на пути десантника, прежде чем он выполнит задание: могут подбить самолет, когда он перелетает фронт, можно неудачно приземлиться, враги могут догадаться о выброске. Мало ли непредвиденного. Всего никогда не учтешь. У нас все прошло удачно, а теперь тем более, кажется, нечего сомневаться в выполнении задания. Мы выполним его даже ценой жизни. Теперь уже ничто не может помешать этому. Осталось несколько минут. А затем сбор в лагере, хороший отдых. Через несколько дней соединимся с партизанами и будем ждать самолет с Большой земли. А потом... Но думать, что будет потом, некогда. Справа доносится глухой шум. Идет поезд.

– Эх, черт, – еле слышно шепчет Борис, – не мог подождать несколько минут.

Сжимаю его плечо: «Тихо. Далеко не уйдет».

Все напряжено до предела. Сейчас особенно нужны выдержка и осторожность.

Шум нарастает. Четко стучат колеса на стыках рельс. Паровоз идет с малым светом. Узкий белый пучок скользит по рельсам, вырывает из мрака мостовые фермы. Поезд груженый, это легко определить по тому, как стучат вагоны. Что-то в них там? Чего это увозят на запад враги с нашей земли? Прижимаемся плотнее к влажной земле, хотя знаем, что заметить нас невозможно. На всякий случай кладу ладонь на руки Саши Лю: вдруг не выдержат нервы, и он крутанет рукоятку. Взрыв должен быть произведен в точно установленное время. По моим часам идут сейчас часы всего отряда. Саша спокоен, только руки у него горячие-горячие и немного влажные. Ловлю себя на мысли, что самому хочется включить машинку. Но дисциплина одинакова для всех.

Паровоз мчится по мосту. Всем телом ощущаю, как дрожит земля. С сожалением думаю, что поезд уходит. Но мысль о том, что на одном из участков он, вероятно, попадет под взрыв, немного успокаивает.

На хвостовом вагоне покачивается тусклый фонарь. Поезд постепенно удаляется, а фонарь все маячит, как воспаленный глаз какого-то чудовища.

Осталось семь минут. Хочется оттянуть головку часов и перевести стрелки – настолько невыносимым становится ожидание. Для меня эти минуты кажутся самыми трудными. Если бы нервы были сделаны из обычного материала, они бы не выдержали и лопнули – так велика сейчас на них нагрузка.

– Пора, – говорит Борис.

Но я не отрываю глаз от циферблата и вижу, что еще остается полторы минуты. Саша уже стоит на коленях, готовый включить машинку. Он ждет моего сигнала. Лица не видно. Слышно учащенное дыхание. О чем он думает?

– Огонь, – тихо говорю я и слышу, как Саша поворачивает рукоятку.

Взрыва нет. Удивительная тишина, а должен грохотать гром. Отстраняю Сашу и берусь за рукоятку, с трудом соображаю, что про-

изошло что-то страшное. Проверяю провод. Он соединен хорошо. «Возможно, сорвалась рука», – думаю про себя и делаю резкий поворот. Взрыва нет.

Все завертелось в голове, сердце делает перебои, чувствую, что задыхаюсь. Расстегиваю молнию куртки и с силой разрываю ворот гимнастерки. Отлетают пуговицы.

– Проверить провод! – приказываю Борису.

Борис тянет провод. Никакого сопротивления. Все ясно. В какие-то доли секунды восстанавливаю картину происшедшего. Вероятно, за десять дней после минирования моста, провод отсоединился, вырвался из специального зажима под действием волн. А может, закоченевшие руки минера не очень плотно прижали провод? Ругаю себя, что не сам устанавливал основной заряд. Но ведь такое могло произойти и со мной. Однако теперь поздно раздумывать и анализировать. Надо любой ценой подорвать мост. Пусть даже ценой жизни.

– Дай сюда, – вырываю провод у Бориса. – Я пойду соединять.

– Я пойду, – шепчет Саша, и я чувствую на щеке прикосновение его губ. – Прощайте.

– Стой! – приказываю ему шепотом.

– Нет, так нужно.

И чувствую, что он пополз.

Перебирая рукой по влажной шероховатой поверхности провода, тоже спешу к мосту. Ползти некогда, нужно бежать. Берег скользкий, того и гляди сорвешься в воду, наделаешь шуму и тогда все пропало.

– Саша! Сержант Лю!

Крикнуть бы во все горло, а так разве услышит? Бегу вперед. Еще немного, и можно входить в воду, чтобы плыть к опоре. Слышу легкий всплеск. Саша уже плывет. «Молодец!» Несколько секунд прислушиваюсь. Сбрасываю сапоги, чтобы плыть на помощь Саше. Но тут какая-то страшная сила бросает меня на землю. Огромное, ослепительное пламя, столб воды, перемешанной с огнем, рушащийся мост... «Взорвал гранату», – проносится в голове догадка, и теряю сознание.

Пришел в себя от холода. Откуда-то сверху на лицо, в нос, за ворот куртки тонким ручейком течет ледяная вода. Делаю попытку подняться, но руки, как ватные, не слушаются, не могу опереться на них, они сгибаются. Тело словно пропустили через мялку, какой обрабатывают коноплю в деревне: оно не болит, а ноет, обмякло, будто все кости переломаны. Голова кружится, в глазах – ослепительное багровое пламя… Вода больше не льется.

Откуда-то издалека доносятся голоса. Очень плохо слышны, но различаю:

– Как вы себя чувствуете?

Не отвечаю, думая, что это относится не ко мне.

«Где я?» – думаю про себя.

– Готово, – слышу опять знакомый, но очень далекий голос.

– Пошли.

Меня поднимают, потом опускают вниз, и я стремительно лечу в какую-то яму…

Контузия оказалась не очень тяжелой. Хотя взрывная волна и ударила меня о берег так, что лопнула прочная десантная куртка, все-таки, пройдя через толщу воды, она уже ослабла. Это и спасло меня. Окончательно в сознание я пришел к вечеру. Стоял невообразимый шум и звон в голове, болело тело, и все время крутилось перед глазами пламя, мешающее смотреть.

– Рассказывайте, что произошло? – спрашиваю товарищей.

– Задание выполнено, товарищ старший лейтенант.

Это голос Бирюкова, но очень тихий.

– Говори громче, – прошу его.

– Да я и так громко говорю, это у тебя контузия.

– Где Саша Лю?

– Погиб при выполнении боевого задания. Старший сержант коммунист Лю Тянь-хэ пожертвовал жизнью, чтобы выполнить приказ.

– Как погиб?

– Нырнул к основанию опоры и взорвал там гранату. Другого выхода не было.

Да, другого выхода не было. Так поступил бы любой из нас.

Огромная тяжесть наваливается на меня и душит. Нет сил от этой тяжести. По щекам потекло что-то горячее и обжигающее. Мягкой, непослушной рукой тянусь к глазам и чувствую, что плачу. Плачу оттого, что бесконечно жаль хорошего товарища, друга и брата.

– Как же так? – говорю я, но мысли путаются, а перед глазами все то же багровое пламя и рушащиеся фермы моста.

Опять текут слезы. И я, человек, прошедший через тяжелые испытания, повидавший почти за два года войны много смертей, не стыжусь своих слез. Мне больно от непоправимой утраты. Пусть бы погиб я, но ему надо было жить.

– Саша, Саша… – шепчу я и больше не нахожу слов, чтобы выразить муки сердца.

А рядом плачет Нина Волкова, красивая русская девушка, для которой Саша – этот чудесный юноша-китаец – был больше, чем друг…

В шифрованной радиограмме мы доложили в штаб, что задание командования выполнено: железнодорожная магистраль, как артерия, питавшая немецкие армии, стоящие у стен Ленинграда, выведена из строя. В отряде трое легко раненых и один погибший – старший сержант Лю Тянь-хэ. Ждем указаний.

«Командование, – говорилось в ответной радиограмме, – выражает глубокое соболезнование по случаю героической гибели старшего сержанта Лю… Поздравляем с успешным выполнением задания. Весь личный состав отряда представляем к правительственным наградам. Приказываем начинать отход на соединение с партизанскими отрядами. Соблюдайте осторожность и маскировку. Враг предпримет меры для поисков отряда и его уничтожения. Докладывайте ежедневно обстановку. После соединения с партизанами немедленно сообщайте координаты. Желаем успеха».

Первое, что я предпринял – это послал в разведку Юрия Симакова, Анатолия Коваленко и Ивана Чеканова. Они должны были через партизанских связных, разбросанных по всему краю, установить место нахождения партизанского штаба. Всему отряду идти сейчас без разведки было рискованно. Тем более, что мне еще было трудно ходить. Трех-четырехдневный отдых был бы для меня хорошим лекарством.

Разведчики ушли, рассчитывая вернуться не позже чем через трое суток.

Но мы не могли предусмотреть событий, которые начались после этого. Следующий день положил начало длинной цепи тяжелых испытаний для нашего отряда.

В полдень, когда яркое весеннее солнце щедро бросало теплые стрелы своих лучей, мы сидели на небольшой полянке, вспоминая минувшее. Парторг группы старшина Архипов по моему поручению писал в толстой полевой книжке боевые характеристики на членов отряда, которые мы должны были представить в штаб. Небо было чистое, словно умытое. Ни облачка. В воздухе, напоенном запахами разогретой земли, не чувствовалось ни единого дуновения. Кажется, земля отдыхала вместе с нами.

– Товарищ старший лейтенант, – обратилась ко мне Нина, – через пятнадцать минут надо связываться со штабом. Будет радиограмма?

Я посмотрел на нее и увидел припухшие, покрасневшие глаза. Хотелось ей сказать что-нибудь в утешение, но все слова, какие вертелись в голове, казались неподходящими, банальными. И вряд ли могли бы сейчас помочь ей слова.

– Да, сейчас приготовлю.

На листках, вырванных из тетради, я набросал донесение, сообщив о высылке разведчиков для установления связи с партизанами, о том, что существенного за последние сутки ничего не произошло. Раненые поправляются. Подходят к концу продукты, но надеемся, что в ближайшие дни, после соединения с партизанами, этот вопрос решится.

– Посмотри, товарищ лейтенант, – передал я листки Бирюкову, – у меня голова еще болит, и, наверное, получилось не очень хорошо.

Николай прочитал и предложил вычеркнуть фразу о продуктах.

– Раз думаем, что это временная трудность, то и писать нечего. И так длинно.

Я согласился.

Нина быстро зашифровала текст и стала настраивать рацию.

В самой середине сеанса прямо над нами появилась «рама» – немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик. Самолет шел на большой высоте. Но мы знали зоркость телеобъективов его фотокамер и постарались укрыться под кустами. Нина продолжала работать, ее «домик» был хорошо замаскирован. Самолет ушел почти сразу после окончания передачи. Это нам показалось подозрительным.

– Нина, пощупай эфир, – попросил я радистку.

Медленно поползла стрелка по темному диску рации.

Врывалась откуда-то музыка авиационных радиомаяков, стучала морзянка, потом опять песня. И наконец – немецкая речь:

«...всем комендатурам создать ударные группы и выслать в наше распоряжение. Усилить наблюдение, всех подозрительных лиц задерживать и подвергать строгому допросу. О результатах докладывать немедленно...»

Передача шла открытым текстом. Голос был высокий, властный, с металлическим оттенком.

– Не о нас ли это речь идет? – спросил Бирюков.

Я показал ему глазами на ребят: зачем поднимать панику? Послушаем, узнаем.

Но передача прекратилась.

Часа через два «рама» прилетела вновь.

– Чего этот костыль высматривает? – заволновались ребята. – Будто его магнитом тянет сюда.

А потом началось невообразимое. С западной стороны налетело пять самолетов. Они стали пикировать на лес. Бомбы рвались совсем рядом, хотя и не захватывали наш лагерь.

Нет ничего неприятнее, чем бомбежка в лесу. Тут ты сразу теряешь всякую ориентировку. Лес наполняется таким грохотом и свистом, так угрожающе шумит и стонет, что теряются даже опытные бойцы.

Сбросив бомбы, самолеты на бреющем полете проносились над нами, строча из крупнокалиберных пулеметов. Разрывные пули, ударяясь о ветки и стволы деревьев, создавали такой треск, что казалось, будто стреляют в тебя из-за каждого куста и из-за каждого ствола дерева спрятавшиеся там автоматчики. Бомбежка

и обстрел продолжались минут сорок. Мы лежали у корней деревьев, не зная ничего друг о друге, бессильные предпринять что-нибудь в свою защиту.

Но, наконец, ад кончился. Тянуло гарью и дымом. Самолеты улетели. Мы вышли из своих ненадежных укрытий. Все были живы. Только лица у всех побледнели. Каждый понимал, что мы обнаружены и немцы, постараются отомстить нам за тот подарок, который мы преподнесли им. Бросить на нас карательный отряд немцы не могли. Он не пробрался бы через топи и дебри. Да и найти горстку людей в таком лесу дело безнадежное. Но самолеты могли еще принести нам много неприятностей. И это подтвердилось очень скоро.

– А где Нина? – спросил я.

– Да она у рации. Разве она отойдет от нее?

Николай скрылся в зарослях и через несколько минут вышел оттуда, спотыкаясь, уставившись вперед ничего невидящими глазами. На руках у него была Нина. Маленькая тёмно-красная точечка виднелась над переносицей. Руки вяло повисли. Лицо было спокойное, будто девушка заснула. Николай опустился на колени и положил ее на молодую зеленую травку.

– Нина, Нина! – стали звать мы ее.

– Чего зовете? – сердито сказал Николай. – Насмерть.

Так мы потеряли нашу общую любимицу, нашу бесстрашную Нину.

С тяжелым чувством на сердце вырыли мы под столетней сосной могилу и вместе с Ниной положили в сырую землю солдатскую пилотку с красной звездочкой – все, что осталось на память от Саши Лю.

Мы решили немедленно покинуть свой лагерь. Дальнейшее пребывание в нем становилось опасным. Нам хотелось как-то предупредить наших разведчиков, и на одной из больших сосен мы вырезали силуэт кремлевской башни, с большим циферблатом. Стрелки часов показывали не только время – пятнадцать минут четвертого, но и направление на восток. Мы рассчитывали, что Чеканов догадается. Более подробных указаний мы оставить не могли, опасаясь, что в лагерь могут нагрянуть немцы.

У могилы товарища. Фотокорреспондент газеты «За Родину» Иван Фролов погиб во время вражеского налета на поезд-типографию. Фото П. Бернштейна. Северо-Западный фронт, Новгородская область, июль 1941 года

Но перед самым нашим уходом в лагерь вернулись Симаков и Чеканов. Они рассказали, что все подходы, ведущие в лес, заняты врагом. Дороги перерезаны и контролируются противником. Связаться с кем-нибудь из доверенных людей они не смогли. Анатолий Коваленко, зашедший в домик лесника, наскочил на засаду и подорвал самого себя гранатой, предупредив тем самым Симакова и Чеканова.

Немцы начинали большой карательный поход против партизан, которых они считали главными виновниками диверсии.

Соскоблив условный знак, оставленный на старой сосне, и простившись с Ниной и Сашей Лю, мы пошли на восток.

* * *

Шел десятый день нашего трудного и утомительного рейда.

Кончились продукты, которыми нас снабдили еще до диверсии партизаны, и теперь мы питались лишь тем, что находили в лесу. Но

весенний лес – не очень хороший снабженец. Только Николай Бирюков, выросший в сибирской тайге, да Андрей Цыганов, прослуживший несколько лет на Дальнем Востоке, помогали отряду, разыскивая съедобные корни и травы. Но прокормить сорок человек травой и корнями нелегко. И люди начали слабеть.

Отойдя от старого лагеря, по нашим подсчетам, километров на сто, мы решили связаться со штабом. Раньше мы боялись вести разговор с Большой землей, чтобы не оказаться в сетях пеленгаторов. Но нас все-таки засекли. Вновь мы пережили страшную бомбежку, потеряв на этот раз уже рацию. Разрывная пуля разворошила ее внутренности так, что все наши попытки восстановить рацию кончились безуспешно. Хорошо еще то, что мы приняли последний приказ, в котором были даны координаты района, куда нам предстояло следовать – район, лежащий в нескольких десятках километров западнее реки Ловать.

Тот, кто воевал на Северо-Западном фронте, знает, что значит рейд по болотам, где деревня от деревни отстоит на многие километры, где проезжие дороги контролировались врагом, где достать кусок хлеба было труднее, чем найти под ногами самородок золота. Все население этих мест было угнано немцами или в Германию, или в концентрационные лагеря, а деревянные дома пошли на устройство блиндажей и жилых помещений для офицеров и солдат или на застилку дорог. А у нас не было ни крошки хлеба. У нас не было рации, чтобы вызвать транспортный самолет, который сбросил бы нам продукты. Весь наш продовольственный запас состоял примерно из десятка килограммов соли да неизвестно какими судьбами оказавшегося в мешке большого пакета с лавровым листом.

И все-таки мы не падали духом. Нам придавало бодрость сознание, что мы выполнили задание и идем к своим.

Каждый день рано утром Николай Бирюков поднимал всех обычной фразой:

– Травоядные, выходи строиться!

«Травоядные» нехотя поднимались, зная, что настало время идти в лес искать что-нибудь съедобное. За дни голодания мы все

научились с помощью наших «лесников» угадывать, чем можно наполнить желудок, хотя и без особой пользы, но зато и без опасности нажить какую-нибудь болезнь.

Вопросы снабжения были целиком в ведении лейтенанта Бирюкова. Он распределял людей для своих лесных поисков, готовил с помощью Цыганова рецепты и меню блюд, давая им самые красивые и аппетитные названия, хотя эти кулинарные изобретения не всегда легко было проглотить.

– Сегодня на завтрак, – объявляли наши снабженцы, – салат «Весна» и кофе с ликером.

«Кофе с ликером» было обязательным напитком в течение всего дня. Мы единогласно постановили подчиняться в вопросах питания Николаю. Только так можно было заставить себя жевать и глотать разваренные листья каких-то растений и побеги, называемые салатом «Весна», запивая их противным отваром сосновой хвои, именуемой «кофе с ликером». Заготовкой продовольствия занимались все. Меня хотели освободить от этого, но я не согласился, хотя последние дни мне было очень трудно. Контузия, легко излечимая в нормальных условиях, сейчас давала о себе знать. Ежедневные утомительные переходы на травяном рационе подрывали организм, и я чувствовал, что с каждым днем слабею все больше. По утрам с величайшим трудом заставлял себя вставать с хвойного ложа, делать несколько гимнастических упражнений.

На двенадцатый день пути мы решили устроить суточный отдых. Нагрели воды и побрились. Постирали белье, подшили чистые воротнички.

К толстой белоствольной березе Борис Архипов прикрепил объявление, написанное карандашом на куске коры: «Сегодня в Лесном клубе состоятся танцы. Явка обязательна».

Объявление напомнило о студенческих вечерах, о шутках, на которые так изобретательна вузовская молодежь.

Двенадцать суток мы спали, не разуваясь и не раздеваясь, и теперь, устроив себе выходной, решили походить босиком по мягкой лесной поляне. Я стянул сапоги и обомлел: ступни ног приняли ка-

кой-то прозрачно-синеватый оттенок и стали очень полными. Я надавил пальцем, и на подъеме осталась глубокая вмятина. Ноги опухли. Вот, оказывается, почему последние три дня я ощущал, что сапоги стали неожиданно тесны. Распухли и икры ног. Это же обнаружили у себя и другие ребята. Но больше всех изменился Виталий Овчаренко. После бритья у него оказалось одутловатое, припухшее лицо. Под глазами набухли прозрачные мешки. Большой, всегда деятельный, озорной, он теперь стал вялым, хотя и продолжал иногда шутить.

«Так долго не выдержим», – подумал я. А идти еще много. Если бы путь наш лежал по прямой, то мы уже были бы почти на месте. Но проезжие дороги были для нас закрыты, и часто мы, пройдя за день километров двадцать, оказывались всего-навсего на противоположном берегу огромного болота.

Несколько раз мы выходили к дороге, думая подкараулить какую-нибудь немецкую машину с продуктами, но ничего не удавалось. Машины шли обычно колоннами, а это было нам не по силам. Все наше вооружение состояло из автоматов да нескольких гранат. С одной-двумя машинами мы бы справились, но таких случаев не подвертывалось.

После однодневного отдыха идти стало еще труднее. Мы выбились из ритма, в который организм втянулся. Через день Виталий не поднялся. Его ноги разнесло так, что нам пришлось распороть ему штанины. Временами он впадал в забытье и начинал бредить.

– Оставьте меня здесь, товарищи, – стал просить он. – Я же не маленький, чтобы не понимать положения в этих условиях. Днем позже, днем раньше, но результат-то один. Видно, отвоевался.

– Ты что захныкал! – полусерьезно, полушутя обрушился на него Архипов. – Оставьте, видите ли, его здесь! Очень много захотел! Мы, выходит, пойдем, будем опять колесить вокруг этих проклятых болот, а ты будешь отлеживаться. Отпуск решил взять? Ну нет, брат, не выйдет.

В этой грубоватой нотации не было и тени осуждения. Просто никто и не мог допустить себе мысль оставить товарища.

– Виталий, потерпи, – сказал лейтенант Бирюков, – я тебя котлетами скоро кормить буду.

– Какие уж котлеты! Я вот Бориса бы съел, да боюсь зубы поломать о его кости. – И, помолчав, Виталий добавил: – Нет, серьезно, ноги не слушаются.

– И я серьезно говорю, что котлетами буду кормить тебя скоро. А на свои ноги не обращай внимания. Нас ноги еще слушаются.

Мы соорудили носилки из срезанных молодых сосенок и двух плащ-палаток и, уложив на них еще более потяжелевшего Виталия, отправились в путь.

В этот же день пророчество Николая почти подтвердилось. После полудня, собираясь отправляться дальше, мы вдруг услышали совсем рядом лошадиное ржанье.

Несмотря на слабость, мы быстро заняли оборону.

– Цыганов, Архипов, разведайте,– приказал я.

Мы подумали, что рядом остановилось на привал какое-нибудь тыловое подразделение немцев. Это нам сулило большие трофеи. С тыловиками мы могли бы справиться.

Борис и Андрей вернулись минут через двадцать.

– Товарищ старший лейтенант, – доложили они, – на поляне пасутся котлеты, которые обещал лейтенант Бирюков.

– Виталька, радуйся, до котлет добрались.

В лесу мирно паслась лошадь. Одна передняя нога у нее была перебита, и лошадь неуклюже прыгала, даже не стараясь убежать от нас, а приближалась к нам, будто соскучилась по людям.

Не прошло и часа, как в наших котелках уже варилась конина, пуская густую пену. Лошадь была, видно, не очень старой, да к тому же еще и отъевшаяся на привольном пастбище. По случаю неожиданно подвернувшегося счастья мы решили опять устроить отдых. Впервые за несказанно долгие дни мы ели припахивающую конским потом и лавровым листом похлебку с какой-то растительной чепухой и съели по куску густо посоленного мяса. Мы запросто могли бы сейчас съесть всю лошадь, но, зная, как тяжелы последствия неумеренной еды после долгой голодовки, оказались благоразумными. Но оставить в лесу хотя бы маленький кусочек мяса мы не могли. Поэтому до глубокой ночи мы варили в котелках, а потом, посолив, обжаривали на кострах куски конины, разрезали

на куски и опалили шкуру, раздробили кости и приготовили мозговой суп к утру.

Поднялись чуть свет, мучимые голодом, который был еще сильнее от сознания, что у нас есть пища. Но Николай, не изменяя ничего в распорядке, повел нескольких человек за растительной приправой, не слушая никаких уговоров. До тех пор, пока не был приготовлен салат «Столичный» и «кофе с ликером», он не разрешил никому притронуться к приготовленной с вечера пище.

Завтрак у нас был, по единодушному мнению, царский. Кажется, что никогда в жизни мы не ели так вкусно.

– Эх, кусочек бы хлеба теперь! – не выдержал Цыганов.

– А слоеного пирога с малиной не хочешь? – спросил его Чеканов. – Мы это враз приготовим.

– Пирог? С малиной? Нет, не хочу. Кушай сам, – с серьезной миной на лице ответил Андрей. – Я не люблю сладкого.

Повеселел и наш Виталий. Он был единственным человеком, кому вчера дали поесть дважды, хотя он и отказывался. Сегодня он собирался сам идти, но мы все-таки уложили его на носилки.

– Да вы что, товарищи? Я теперь взбрыкивать буду. И голос у меня прорезался. Вот послушайте.

И вдруг лес огласился таким задорным лошадиным ржанием, что мы минут пять не могли разогнуться от смеха.

– Хорошо ржешь, – похлопал его Борис. – Но придется полежать. Ты понимаешь: боюсь. Если ты при таком голосе да с такими ногами начнешь брыкаться, нам не уцелеть.

А ноги у Виталия были действительно страшные. Они налились водой, и, кажется, чуть нажми, как из них брызнет целый фонтан.

Так хорошо начавшийся день кончился для нас трагически. Топографические карты, которые были у нас, кончились после двухдневного рейда, и мы двигались теперь в основном по азимуту. Правда, у нас была затертая до дыр школьная карта Северо-Запада Европейской части СССР, но она практически была непригодна. Перед вечером, когда уже делали последний переход, прежде чем остановиться на ночлег, мы вышли на большую поляну. На проти-

воположном конце ее виднелся деревянный домик, наверное, сторожка лесника. В ней мы и решили провести ночь. Первая ночь под настоящим кровом.

Сторожка оказалась просторным пятистенным домом с двумя половинами, разделенным сенями. Внутри его было чисто, хотя и чувствовалось запустение давно нежилого помещения. Напротив дома стоял просторный сарай, набитый сеном. Привыкшие иметь дело с взрывчаткой, мы остерегались, как бы самим не оказаться на минах. Поэтому, прежде чем расположиться на отдых, мы осмотрели все уголки дома и сарай, набитый прошлогодним сеном. Ничего подозрительного обнаружить не удалось, и мы успокоились.

– Кто как, а я буду спать вон в том дворце, – сказал Цыганов, указывая на сарай, – человек я травоядный, меня теперь больше на сено тянет.

– А может, кусочек мяса съешь все-таки? – спросил его Симаков.

– Мясо? С удовольствием, тем более конину. Оно к сену будет неплохой приправой.

Мы поужинали на воздухе. Потом натаскали в дом из стоящего рядом стога сена и улеглись. На улице остался только часовой. С Цыгановым ушло на сеновал двенадцать человек. Андрей первый залез наверх, попрыгал на твердом, слежавшемся сене и стал звать своих последователей.

– А ну, спешите, а то не останется плацкартных мест.

Уговаривать долго не пришлось.

Ребята улеглись, но мы еще долго слышали их смех. Потом Цыганов крикнул:

– Иван, закрой дверь в нашем дворце, а то ветерком продувает.

Чеканов, стоявший на часах первую смену, находился метрах в тридцати от сарая.

– Не велик барин, сам закроешь. Облюбовал дворец, так надо иметь привратника.

– Ну, как человека прошу, закрой. На такую верхотуру забрался, что слезать страшно. Потом, понимаешь, разделся, только про-

стыни нагрел, вылезу из-под пухового одеяла и простужусь. Самому же завтра будет труднее, если кроме Виталия еще и меня нести придется. Я очень к простуде расположен.

Цыганова переполняла радость от неожиданно подвернувшегося счастья хорошо отдохнуть.

– Не простудишься. Помни, самый здоровый отдых в прохладном помещении. И чему тебя только учили, Андрей.

– Эх, и неуважительный ты человек, Иван. А я собирался тебе за это завтра отдать свою порцию лошадиной шкуры. Хочешь ешь, хочешь на подметки береги. А ты, видно, заелся и заважничал. – И Цыганов, ворча, стал спускаться вниз.

– Ноги не поломай! – крикнул ему Чеканов. – А то действительно носилки потребуются.

– Вот назло сломаю и попрошу командира, чтобы приказал одному тебе нести искалеченного человека. В наказанье.

Андрей взялся за ручку двери и потянул на себя. И сразу раздался страшный взрыв. Чеканова, который присел на крылечко, сдунуло, как перышко. В нашем доме вылетели рамы. Все озарилось багровым пламенем. Натыкаясь друг на друга, мы выскочили на улицу. Там, где только что стоял сарай, уже бушевал огонь. Крыша и опоры сарая рухнули, и ребята оказались придавленными. Освещенные пламенем пожара, мы хватали колья и, не думая о том, что может раздаться еще один взрыв, стали разворачивать горевшую груду. Большим проржавевшим ведром мы доставали воду из колодца и выливали ее на огонь. Но сил наших было недостаточно.

С каждой минутой становилось все труднее, мы уже все обгорели, одежду приходилось то и дело смачивать водой, раскаленный воздух обжигал легкие, но мы все-таки продолжали борьбу. Ослабленные от недоедания, уставшие, потрясенные случившимся несчастьем, ребята стали падать прямо на землю, теряя сознание. Те, кто мог еще держаться на ногах, оттаскивали их в сторону, обливали водой и опять бросались к огню. Но надежд оставалось все меньше, огненный холм оседал все ниже и ниже, и все тяжелее становилось на сердце, которое и без того вынесло нечеловеческую нагрузку.

Пожар стал угасать. Скорбно опустив головы, сразу постаревшие на несколько лет, стояли мы у огненной могилы наших боевых друзей. У нас уже не было слез в воспаленных глазах. Было одно невыразимое горе, опустившееся на наши плечи, да нестерпимая боль от ожогов.

Утром мы зарыли в братской могиле то, что осталось от товарищей...

И опять мы пошли на восток. Нас осталось двадцать девять человек.

Мы шли несколько часов без отдыха, не думая о еде и почти не сознавая, куда ведут нас ноги. Только опыт помогал почти механически двигаться на восток, навстречу солнцу.

Мы напились из прозрачного лесного ручейка, умыли обожженные, потрескавшиеся лица. Холодная вода сняла оцепенение, и мы почувствовали, что дальше идти невозможно. Нервное напряжение спало, и организм отказывался подчиняться рассудку. Через силу доели мы последние остатки жесткой, крепко соленой лошадиной шкуры, не чувствуя ни запаха, ни вкуса, запили холодной водой и, измученные, повалились спать.

Сон освежил и подкрепил нас. Надо было начинать новый этап. Жизнь требовала своего.

В первую очередь необходимо было выяснить, где мы находимся. Забрав с собой Архипова, Чеканова и Лобжанидзе, я отправился в разведку, приказав отряду ожидать нас на этом месте не больше двух суток, а потом сниматься с привала и идти дальше.

От места остановки мы пошли прямо на юг, куда бежал безымянный лесной ручеек. Часа через полтора ручеек повернул на восток, и наши пути разошлись. Мы шли по прямой, надеясь выйти к магистральной дороге. Опускалась на землю ночь, а мы еще не знали, как далеки мы от цели. Решили идти, пока не стемнеет окончательно.

Минут через сорок до нашего слуха донесся рокот проходящих машин. Мы вышли к дороге и залегли для наблюдения. Примерно в полночь мы услышали стреляющий звук мотоцикла. Потом увидели

ярко горевший глаз его фары. Ни слева, ни справа не было никаких признаков врага.

– Берем, – приказал я.

Мы выдвинулись к самому кювету, и, когда мотоцикл почти поравнялся с нами, я дал длинную очередь из автомата. Мотоцикл перевернулся и свалился в противоположный кювет. Не больше пяти минут потребовалось нам на то, чтобы затащить мотоцикл в лес. Мотоциклист был убит. В коляске лежал объемистый солдатский ранец и две фляги. Мы сняли с убитого полевую сумку, вынули документы и. оттащив его вместе с разбитой машиной поглубже в лес, остались наблюдать у дороги. За ночь прошло несколько колонн тяжело груженных машин, чему мы были очень рады: они затерли следы нашего нападения.

Забрезжил рассвет. Мы углубились в лес и стали изучать документы. Сильнее всего нас обрадовала большая топографическая карта, склеенная из двенадцати листов. На ней был кусочек района, куда нам предстояло выйти. Значит, мы где-то рядом. Скоро мы нашли и ручеек, с которым вчера днем разошлись наши пути. Ручеек петлял среди зеленого и синего в черточку цвета, который означал леса и болота, и в нижнем углу десятого листа впадал в реку Ловать, изображенную на карте широкой голубой лентой.

О такой удаче мы даже не мечтали. Подняла настроение и сумка убитого мотоциклиста. В ней были сухие, словно испеченные из опилок, галеты, семь банок мясных консервов, две банки сгущенного молока, кофе-концентрат в кубиках и большой – килограмма на три кусок жирного свиного сала.

Теперь нужно было уходить, пока не начали разыскивать рядового 209 пехотного полка 16 немецкой армии Ганса Штумпке.

Наша удача вызвала ликование у товарищей, уже начавших тревожиться нашим долгим отсутствием. Здесь, на берегу лесного ручья, получившего название Ручей Счастья, мы устроили себе пир, отдав должное хозяйственным способностям рядового Ганса Штумпке.

Отныне мы шли уже с открытыми глазами и к концу пятого дня в урочище Клюквенное встретились с партизанскими разведчика-

ми, которые уже несколько дней ожидали нас на дальних подступах к штабу партизанского соединения.

Партизаны, показавшиеся нам вначале угрюмыми и неразговорчивыми, накормили нас кашей из пшенного концентрата с маслом, сухарями и напоили настоящим чаем с сахаром.

– Видно, наголодались вы, ребята? – спросил партизан с густой рыжей бородой. – У нас тоже бывает, когда едим воздух и запиваем водой, но до такого не доходили.

– И не желаем вам этого, – сказал Николай.

Мы готовы были сразу идти в штаб, но партизаны предложили передохнуть.

– Поспите немного, а мы покараулим.

И сразу после этих слов захотелось спать. Не нужно было выставлять часовых, спать одним глазом, вскакивать от малейшего шороха. Просто – лечь и заснуть…

Линию фронта мы переходили на участке 68-й армии, занимавшей оборону вдоль реки Ловать. Одна из дивизий армии устроила инсценировку готовящегося наступления на опорные пункты немцев, облегчив этим нашу задачу.

Командир дивизии, пожилой полковник, встретивший нас сразу, как только мы очутились на своей земле, обнял нас каждого по-отечески и сказал, что во втором эшелоне дивизии нас ожидают машины, которые утром доставят в штаб армии.

Насколько медленно мы шли к линии фронта, настолько стремительно мы теперь удалялись от нее. Машины, подпрыгивая по деревянному настилу дороги, увозили нас все дальше и дальше.

Командующий армией Федор Иванович Толбухин устроил для нас обед.

– Слышал, много слышал о вас, – чокаясь с каждым рюмкой, говорил он своим немного глуховатым, видно, простуженным голосом, – молодцы, большое дело сделали. Давайте выпьем за нашу победу!

Мы еще не освоились со своим положением, чувствовали себя стесненными в присутствии прославленного генерала, и он, заметив это, просто, как будто говорил с сыновьями, сказал:

– Да вы ешьте, не стесняйтесь. Вижу, что у вас глаза разбегаются. Вот колбаса, сало, хлеб совсем свежий, только из пекарни.

Он пододвинул мне тарелку с хлебом, налил рюмку вина.

– Давайте выпьем, гвардии капитан.

– Не капитан и не гвардии, а просто старший лейтенант, товарищ генерал.

– Да, да, гвардии капитан Викторов, гвардии старший лейтенант Бирюков, младшие лейтенанты Архипов, Овчаренко, Чеканов, Ушков, тоже гвардии. Это просил меня сообщить вам генерал Воронов. Давайте выпьем за ваше возвращение, за ваш успех, доставшийся вам тяжелой ценой, выпьем за тех, кто отдал свою жизнь за нашу великую Родину, приблизив час нашей победы. За ваше здоровье, гвардейцы-десантники!

И, стоя вокруг празднично убранного стола, мы за короткие мгновения пережили все, что уже осталось позади, думая о тех, кого не было сейчас вместе с нами, но кто всю жизнь будет жить в наших сердцах…

Москва–Пекин–Москва
1958–1961 годы

Борис Кривенко

ПУТЬ К БЕРЛИНУ

(Воспоминания с отступлениями)

КРИВЕНКО
Борис Владимирович
(20.04.1924, Воронеж – 09.02.2003, Воронеж)

Лингвист, педагог, доктор филологических наук (1988), профессор факультета журналистики ВГУ, член Союза журналистов (1964).

Участник Великой Отечественной войны с 28 июля 1942 года. Участвовал в боях на Юго-Западном, 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Командир отделения, помощник командира стрелкового взвода, гвардии старшина. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью Польской Народной Республики «За Одер, Нису, Балтику». В наградном листе, подписанном командиром отдельной зенитно-пулеметной роты 301-й стрелковой дивизии гвардии капитаном Ломакин, говорится: «После прорыва обороны противника на западном берегу реки Висла, гвардии старший сержант Кривенко с установленным на машине пулеметом, неотступно преследовал отступающего противника, беспощадно уничтожил гитлеровцев. Несколько раз, выполняя приказ командования, гвардии старший сержант Кри-

венко ночью пробрался в расположение противника, устанавливая расположение его огневых точек и приносил ценные сведения.

Во время боев на плацдарме на западном берегу реки Одер гвардии старший сержант Кривенко показал образцы стойкости, мужества и воинского мастерства. Выдвинув свой пулемет в боевые порядки пехоты, он оказал ценную помощь стрелковым подразделениям при отражении контратак противника. Не дрогнув перед превосходящими силами противника, ни на шаг не отойдя с занимаемого рубежа, беспощадно истреблял гитлеровцев. Вражеские контратаки одна за другой захлебывались в собственной крови. Превратив свою огневую позицию в неприступный рубеж для противника, гвардии старший сержант Кривенко меткими очередями поражал немецкую пехоту, уничтожив свыше сорока гитлеровцев».

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1953). Работал в Липецком государственном педагогическом институте (1956–1959), Воронежском государственном университете (1959–1999), где стоял у истоков журналистского образования: заведующий кафедрой журналистики (1967–1974), практической стилистики и литературного редактирования (1974–1978), истории журналистики и журналистского мастерства (1978–1983). Основные научные интересы: история и современное состояние русского языка, теория и практика кино и телевизионного языка публицистики. Автор около 200 научных и методических работ, в том числе монографии «Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект» (Воронеж, 1993), а также «Частотного словаря языка массовой коммуникации» (Воронеж, 1992). Один из создателей городского киноклуба (1965). Регулярно выступал в местной прессе с материалами, посвящёнными культуре речи.

...Нашу дивизию перебрасывают на другой участок фронта. Куда – пока неизвестно. 1944 год. Конец августа. Только что завершилась Ясско-Кишиневская операция («Седьмой сталинский удар», – как писали тогда в газетах). На

отдых дано пять дней. Огневые позиции Оборудованы в Слободзейских садах. Прямо над головой свисали созревшие яблоки, груши, сливы, абрикосы… Наш повар Сайко не терял времени даром: нарезал, насушил впрок для будущих компотов — хватило до Берлина…

Погрузка дивизии в эшелоны, идет на станции Веселый Кут, и это название соответствует настроению – впереди хоть небольшая, но передышка. Стало известно, что наша 301-я стрелковая дивизия, как и весь 9-й Краснознаменный стрелковый корпус, выходят из подчинения 57-й армии: и вливаются в состав 5-й Ударной армии. Наши «Шевроле», на которых укреплены ДШК «Дегтярев, Шпагин, Колесников», и «Студебеккер» со всем имуществом роты тщательно монтируются на железнодорожных платформах – значит, путь предстоит неблизкий.

В начале сентября тронулся в путь и наш эшелон. Идет днем. Идет ночью. Идет день, другой, неделю. Ночью, если нет дежурства, можно выспаться, ведь столько бессонных ночей прошло в боях на молдавской земле. Ночью одолевают сны, днем мысли то и дело возвращаются к прошедшим военным годам.

Снится одно и то же: время «до войны», наш девятый «А», наша 5-я школа. Тогда это был такой «культурный пятачок»: напротив школы был Дом культуры пищевиков, в нем работал драмкружок. По диагонали от школы – Молодой театр (сейчас на его месте кинотеатр «Юность»): идут «Разбойники» Шиллера, Карл Моор – С. Папов, Амалия – В. Рощина. А напротив школы, но не по Фридриха Энгельса, а по Комиссаржевской – 9-я школа. Окна нашего девятого «А» как раз напротив окон другого девятого – из 9-й школы. И мой сосед по парте Дима Васильев обменивается условными, знаками с девочкой из того девятого – Надей Меркуловой, наверное, о свидании после уроков. Была весна 1941 года.

…Эшелон резко тормозит – впереди восстанавливается путь, разрушенный дневной бомбежкой. А наяву – военный быт, и на память приходят главные события минувших тяжелых лет.

Начало войны застало в пути. Как и всегда, на каникулах мы отправлялись к маминой сестре – тёте Мане, которая с 1901 года учительствовала в селе Средняя Матренка Добринского района (по мест-

ному – Губино). Так было и после окончания девятого класса, 22 июня 1941 года восьмичасовым поездом мы доехали до города Усмани, а там, на Хомутовском мосту, ловили попутную крестьянскую подводу, из тех, что приезжали в Усмань на базар. На подводе обычно добирались до Грачевки, или до Верхней Мосоловки, или до самого Губина. На этот раз было что-то непонятное: уже в первом селе, Хомутовке, в селе, в котором обычно в воскресные дни не увидишь ни души, у изб толпились взволнованные люди, о чем-то шептались, всплескивали руками. Наш возница не выдержал, заподозрив что-то неладное, остановил лошадь, подошел к группе мужиков. Вернулся: «Война!»

По возвращении в Воронеж города было не узнать: окна почти во всех домах были заклеены крест-накрест бумажными полосками. «Это чтобы при взрыве бомбы не поранило крупными осколками стекла», – так объяснили эту меру предосторожности. После первого же налета стекла вылетели вместе с рамами – настолько отличалась настоящая война от умозрительной, книжной, киношной, которая разворачивалась на экранах в таких картинах, как «Родина зовет» или «Если завтра война».

Отправка тиража фронтовой газеты на передовую.
Фото Л. Яблонского, 1945 год

В прежнем здании школы на углу Комиссаржевской и Фридриха Энгельса новый 1941/42 учебный год продлился чуть больше месяца: школу отдали под госпиталь, и началась, кочевая жизнь – то в 13-й, то в 8-й, то еще в какой-то неизвестной школе. После получения приписного свидетельства (есть такой документ у призывников) два раза вызывали на комиссию, чтобы послать в авиационное училище. Увы, вращения на центрифуге не выдерживал и для летной работы оказался непригоден.

Конец учебного года я застал на Пушкинской, в здании рядом с «Утюжком», где были гулкие металлические лестницы. Бланков аттестатов не было – всем выдали справки на тетрадных листах в линейку за подписью директора школы К. П. Козловой.

Четвертое июля 1942 года. Воронеж горел. Захватив с собой лишь то, что можно унести в руках, двинулись через Чернавский мост, Придачу по направлению к Усмани, а потом – уже не на каникулы – добрались до Губина. Там на дверях сельсовета объявление: «Мужчинам 1924 года рождения приготовиться к отправке в военкомат». Так вместе с сельскими сверстниками я прибыл в Добринский райвоенкомат, откуда чуть было не был отправлен обратно – в приписном свидетельстве значилось: Центральный РВК города Воронежа, род войск – авиация. «Ищите свой военкомат в Борисоглебске, всё переехало туда. К тому же, здесь – авиация, а мы отправляем пополнение в пехотный полк», – сказали мне. «Пишите вместе со всеми». Так я пошел добровольцем…

В 177-м Запасном стрелковом полку, который располагался в Липецке, как на подбор, были ребята после десятилетки: Леня Митасов, Саша Шалимов, Петя Востриков, Миша Прудников, Леня Кибицкий, Валя Бердышев, Паша Гриднев, Саша Юрченко… – из Новохоперска, Графской, Воронежа, других городов и поселков Воронежской области. Видимо, поэтому всех нас послали в 1-е Куйбышевское военно-пехотное училище недалеко от станции Безымянка.

В августе 43-го всё училище отправили на фронт. Нас выгрузили под Харьковом. «Купцов» (так называли представителей частей действующей армии, которые прибывали за пополнением) было много, а нас, курсантов, не очень. Поэтому в 102-й Гвардей-

ский стрелковый полк 35-й Гвардейской стрелковой дивизии попали только мы двое – Миша Прудников, командиром «сорокапяток» (45-мм противотанковых пушек, которые были хорошей мишенью для танков, с тонким щитом, легко пробиваемым снарядом, поэтому на солдатском языке они назывались «Прощай, Родина!»), и я – командиром отделения автоматчиков в звании старшего сержанта.

Из солдатских разговоров стала вырисовываться тяжелая обстановка малоудачного наступления. Нас ведь в бой бросили прямо «с колес», даже отметок в красноармейских книжках не успели сделать – если бы убило, было бы одной могилой неизвестного солдата большие.

Еще на КП полка я слышал разговор трех разведчиков, только что вернувшихся с задания. Кто-то из штабных спросил: «А где Серега?» – «Накрылся», – с добавлением еще одного слова ответил один из разведчиков. Вот это будничное «накрылся» точнее и больнее всего обрисовало атмосферу передовой.

Двое суток просидели мы в боевом охранении, так и не увидев ни одного немца. На следующий день, собрав из разных мест передовой человек двенадцать, организовали в первой траншее нечто вроде штурмовой группы и приказали атаковать противника, который занимал позиции внизу, под высотой, на опушке небольшого леска. Из траншеи даже невооруженным глазом было видно, как мышиные мундиры суетятся возле двух минометов. Наша атака, увы, захлебнулась. Мины стали рваться в рядах наступающих (видно, пристрелка была проведена заранее), цепь залегла. На исходные позиции вернулись только двое. «Застрелю, сволочи!» – кричал нам капитан, стоя во весь рост в траншее с окровавленной повязкой на голове и орденом Отечественной войны (старого образца, с красной ленточкой) на выгоревшей гимнастерке. Но не застрелил. А с нейтральной полосы были слышны стоны и крик «Мама, мама...», который через несколько минут умолк. Вскоре по цепи передали: на обед. Поочередно, ползком, двинулись в овражек, что был метрах в пятидесяти от траншеи.

К вечеру собрали всех, кто мог носить оружие, включая поваров и ездовых, т.е. нестроевиков, у штаба полка, двухэтажного раз-

битого дома – видимо, школы. С рассветом должны были атаковать те же позиций. Но утром никакого сопротивления не последовало, и наш обескровленный полк (человек 150–200) без единого выстрела достиг той злополучной опушки, где еще вчера стояли минометы, и никого там не обнаружили. По лощине, что была правее, прошли километров 5–6, достигнув противоположного края леса. Окопались. И, хотя скоро наступила ночь, никто не сомкнул глаз.

Утро следующего дня, 26 августа, началось не с команды в наступление, а с громкого петушиного крика – в селе, что расположилось справа в лощине, за небольшим ручейком, горланил петух: что ему война! Ближний бой начался внезапно. Рядом со мной оказался солдат: его ранило в руку ниже локтям Индивидуального пакета у него не было, я разорвал свой, перевязал рану – и солдат побрел в медсанбат. А через несколько минут ранило и меня. Боли в плече сначала не почувствовал, только рука повисла, как плеть, и гимнастерка прилипла к телу от крови. Прижимая левой рукой с автоматом рану, дополз до ручья, а там – удача – оказалась девушка-санинструктор, которая разорвала гимнастерку и перевязала рану.

В медсанбате сделали и перевязку, и укол от столбняка, велели ждать очереди на операцию.

Ничем не примечательный бой, ничем не примечательный 102-й полк. Это потом он станет известным, потому что в его боевые порядки придет в Берлине 1 мая 1945 года генерал Кребс с важным сообщением о самоубийстве Гитлера.

…Операцию начали делать поздно ночью, часа в два или три, в палатке, при свете коптилок из снарядных гильз. Молоденькая женщина-хирург еле держалась на ногах: третьи сутки в медсанбате не смыкали глаз – так много было раненых.

Фронтовой полевой госпиталь находился неподалеку, километрах в двадцати от Изюма. Что такое полевой госпиталь? Это обыкновенные деревенские клуни (помещения для хранения сена или снопов зерна), внутри матрасы, набитые соломой; в одной хате – перевязочный пункт, в другой – кухня-столовая. Нам повезло: август, начало сентября. На окрестных полях, хотя и убран картофель, но если порыться, то можно найти десяток-другой клубней. Вот этим

и занимаются ходячие (т.е. способные передвигаться самостоятельно) «миноискатели». Найдешь 3–4 картофелины, положишь в консервную банку, нальешь воды из колодца – и на костер. Посолишь, помнешь – деликатесное блюдо готово.

Рана быстро зажила, и уже в начале ноября – в Днепропетровск, где формируются маршевые роты. Наша поступила в распоряжение 39-й Гвардейской стрелковой дивизии. И вновь нас развели по полкам. Теперь я в 120-м полку.

…Наступление началось 20 ноября 1943 года. По всем правилам военного искусства. Первый час наступление шло успешно. Мы вышли на околицу села Марьевки. У крайней хаты стоял седобородый старик с крынкой и кружкой: «Отпейте молочка, хлопцы!» Прошли село, вышли на противоположную окраину. Было видно, как удаляются серые цепи немецких солдат. Только в посадке за кустом притаился пулеметчик, готовый дать очередь. И тут двое или трое из нас одновременно выстрелили ему в голову, и он поник, так и не сделав ни одного выстрела. Кто его убил – не знаю, но меня стошнило. Оказывается, даже на войне убита человека – не так просто.

А мы двинулись дальше. Впереди уж видны пакгаузы и водонапорная башня станции Незабудино, что в нескольких десятках километров от Кривого Рога. И тут я почувствовал удар в живот. Просунул руку под шинель и ватник – крови нет. Значит – снова вперед. Но сопротивление немцев росло и росло. Вот уже горит один танк, подбит второй. Несколько пикирующих «Юнкерсов-87» носятся над головой, выискивая цели, и с противным воем бомбят и обстреливают наступающих. Пришлось залечь. И вдруг – сильный, словно оглоблей, удар в бок. Ватник мгновенно пропитался кровью. Очнувшись, с наступлением сумерек еле-еле добрался до медсанбата, достал из кармана шинели вязаный подшлемник, и из него выпала пуля с извилистой бороздкой. Так вон оно что! Это значит – пуля на излете попал в корпус ручной гранаты, укрепленной за поясом, срикошетила в карман шинели и застряла в подшлемнике. Ударь она на сантиметр выше, попала бы в запал гранаты, и меня бы разнесло в клочья.

…А эшелон все идет и идет. Проехали Фастов, Коростень, Житомир. Наверное, где-то в стороне остался Кременчуг.

В медсанбате даже не пришлось ложиться на операционный стол. Хирург посмотрел и сказал: «Нам тут делать нечего. Разрывная пуля сделала рассечение длиной 12 сантиметров. Хорошо, что не задето легкое. Но зарастать будет месяца три». И отправили в глубокий тыл, в город Славянск, и уже там я прочитал в «Правде», в сводке Совинформбюро, про освобождение ряда сел, в том числе и Марьевки.

А хирург ошибся. Если считать от дня ранения до прибытия в новую часть – 301-ю Стрелковую дивизию, то прошло ровно пять месяцев: с 20 ноября 1943-го по 20 апреля 1944 года. Именно в этот день (а это день моего рождения – двадцать лет!) к выстроившемуся разношерстному – кто в шинели с дырками от осколков, кто в бушлате, кто в телогрейке, кто в сапогах, кто в обмотках – пополнению, пришедшему с маршевой ротой, в молдавском селе Малаешти подошел командир отдельной зенитно-пулеметной роты (ОЗПР) гвардии капитан Ломакин и скомандовал: «У кого образование 10 классов – два шага вперед!» Так я оказался в 301-й Стрелковой дивизии, с которой дошел до Берлина.

Это было большое везение. В 35-й дивизии я был в наступлении 6 дней, в 39-й дивизии – 6 часов, а в 301-й – более года. Конечно, зенитно-пулеметная рота – это не пехота на передовой, ОЗПР были созданы в конце войны для охраны штаба дивизии от налетов вражеской авиации. А штаб дивизии находился порой и за 1, и за 2, и за 3 километра от передовой. Но люди гибли и в штабе дивизии…

…Наконец наш эшелон прибыл в конечный пункт – на станцию Ковель. Всю осень 1944 года дивизия была во втором эшелоне, в резерве Ставки. Вскоре стало известно, что вместе с другими дивизиями 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса генерала И. П. Рослого, как и вся 5-я Ударная армия, она нацелена острием на Берлин.

В Висло-Одерской операции наша дивизия действовала активно, после освобождения ряда польских городов взяла немецкий город Кюстрин, расположенный на Одере, с ходу форсировала реку и заняла там плацдарм. На безымянной речке у переправы появился плакат: «Вот она, проклятая Германия!».

В марте, во время боев на Одере, мне вручили первую «звездочку» – орден Красной Звезды.

О сражении за Берлин сняты художественные и документальные фильмы, сохранились многочисленные фотографии. Все это я видел своими глазами: и белые простыни, вывешенные из окон домов, – знаки капитуляции, и написанные огромными белыми буквами на фасадах зданий в Берлине геббельсовские лозунги: «Berlin bleibt deutsch!» и «Wir kapitulieren nie!» («Берлин останется немецким», «Мы не капитулируем никогда»).

Второго мая во второй половине дня знакомые ребята из СМЕРШа (отделение контрразведки «Смерть шпионам!») по секрету сказали: пойдем, покажем Геббельса. Через проломы в стенах, через разбитые подъезды, через кучи щебня, стекла, в дыму и гари, пробрались в какой-то двор. «Вот он!» – то ли всерьез, то ли разыгрывав показали мне на один из трупов. Я тогда не поверил: каждому солдату, а тем более разведчику, хотелось поймать Гитлера, Геринга, на худой конец Геббельса… Спустя тридцать лет, когда в издательстве «Наука» вышла книга, написанная командиром нашей дивизии Героем Советского Союза генерал-майором В. С. Антоновым «Путь к Берлину», стало ясно: было действительно так. Ведь наша 301-я дивизия вместе с другой, 248-й, штурмовала Имперскую канцелярию и овладела ею. Не случайно первым комендантом Имперской канцелярии был назначен заместитель командира нашей дивизии полковник В. Б. Шевцов. И я горжусь тем, что мое удостоверение к медали «За взятие Берлина» подписано полковником В. Е. Шевцовым.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Дмитрий Дьяков

«ИСЧЕЗНУТЬ, НЕ ДОЖДЯСЬ РАССВЕТА…»

Воронежские литераторы, погибшие в годы Великой Отечественной войны

«Я сегодня весь вечер буду,
Задыхаясь в табачном дыме,
Мучиться мыслями о каких-то людях,
Умерших очень молодыми,
Которые на заре или ночью
Неожиданно и неумело
Умирали, не дописав неровных строчек.
Не долюбив, не досказав, не доделав…», –

написал перед самой войной Борис Смоленский – поэт, родившийся в воронежском Новохоперске и в 20 лет погибший на фронте…

Сотни отечественных писателей и журналистов, сражавшихся с фашистами, навечно остались на той войне. Бессмертен подвиг татарского гения Мусы Джалиля, не сложившего своего оружия – поэтического слова – в гитлеровском застенке. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Как и тамбовскому поэту Борису Кото-

ву, погибшему в боях при форсировании Днепра, как и адыгейскому лирику Хусену Андрухаеву, павшему в первый год войны на луганской земле…

Список погибших на войне литераторов огромен и скорбен.

В октябре 1941 года в партизанском отряде, прикрывая отход боевых товарищей, погиб замечательный детский писатель Аркадий Гайдар, в самолетах, сбитых в разное время немцами, приняли смерть фронтовые корреспонденты – блестящий сатирик, один из авторов бессмертных «12 стульев» и «Золотого теленка» Евгений Петров и популярнейший комсомольский поэт эпохи Иосиф Уткин…

Трагична судьба юного лирика из нашего Острогожска Василия Кубанёва. Успевший за свою короткую жизнь поработать и сельским учителем, и сотрудником районной газеты, уйти добровольцем на фронт и, вернувшись по болезни, умереть от «гражданского» туберкулеза перед самым приходом в Острогожск немецких оккупантов, – Кубанёв в дошедших до нас стихах тонок и обаятелен, исповедален и масштабен.

Мир действием жив, разнороден
и светел.
Отдельное – смертно. Но в смерти его –
закон и залог мирового бессмертья.
бессмертья всеобщего
и моего…

…Очень дорогую цену заплатила отечественная литература за ту войну.

Под Ленинградом пал юный лирик Всеволод Багрицкий, убит в боях под Смоленском Борис Богатков, под Киевом погиб Борис Лапин, в боях под Смоленском убит Николай Майоров, защищая Сталинград, пал Михаил Кульчицкий. Геройски погибли на фронтах Великой Отечественной войны Павел Коган и Георгий Суворов; Али Шогенцуков и Дмитрий Вакаров замучены в концлагерях…

Борис Смоленский

Василий Кубанёв

Павел Винтман

21 июля 1942 года в боях за наш город Воронеж погиб киевлянин Павел Винтман. Он и сейчас лежит в воронежской земле, в братской могиле в поселке Шилово.

Вот его стихи:

Вчера был бой, и завтра будет бой.
(Святая цель оправдывает средства).
Пусть скомкан мир прозрачно голубой,
Разбит покой, забыто детство.
И нам осталось – всюду и везде –
Бои, победы, вечный хмель азарта.
Вчера был день, и завтра будет день.
Мы – только ночь между вчера и завтра.

…Среди не вернувшихся с войны есть и воронежские литераторы – прозаик Борис Песков, литературный критик, беллетрист Николай Романовский, поэт Валентин Шульчев. Они – из того самого «поколения убитых», которое, по словам Василя Быкова, почти сплошь было скошено войной.

ПЕРЕЛОМ

Воронежских писателей Бориса Пескова и Николая Романовского объединила судьба. Оба они погибли на фронте в 1944 году, прожив на земле по 35 лет. А до этого оба считались звездами воронежской литературы, ведущими авторами местного литературного журнала «Подъема». К примеру, в единственном в довоенный период областном литературном конкурсе на лучший рассказ, прошедшем в Воронеже в 1933 году, Песков и Романовский заняли два первых места.

На этом, впрочем, сходства заканчиваются. Кроме судьбы, у Пескова с Романовским ничего общего не было. Это абсолютно разные, подчас враждебно непримиримые люди, не только с разной степенью внутренней свободы, но и с разным пониманием свободы вообще.

Воронежский летописец Владимир Кораблинов вспоминал: «Меж собой они разнились во всем, кроме любви к русскому слову, драгоценному для обоих. Песков – молчун, Романовский – говорун-смешливец. Песков не пил, капли в рот не брал, Романовский – всегда был не промах выпить… Песков писал профессионально, едва не каждый день, а Романовский – когда блошица укусит. Из Пескова вышел бы большой писатель, а из Романовского… да что теперь об этом впустую сетовать. У обоих по их дару человеческому и литературному судьба не сложилась. Оба – еще до войны ошельмованные, а в войну – ушедшие на передовые»…

Борис Песков

Борис Песков был человек сильных чувств и страстных увлечений (свою первую книгу он так и называл – «Страсть»). Его стихией была природа, которую он считал «прекраснее и му-

дрее человека». Оттого его рассказы переполнены запоминающимися пейзажами. Причем отнюдь не празднично-яркими, как того требовала эпоха …

«Парк быстро увядал. Стаи листьев с шумом бежали по тропам, забиваясь в углы пустых киосков, раскрашенных и легких, как декорации. Цветущая бархатная клумба, на вершине которой летом стоял гипсовый Ленин с вытянутой рукой, – теперь была безобразной кучей мягкой земли, перемешанной с гнилыми растениями. Вечерами не было смеха, музыки и света. На парк с окраин города опускались полчища ворон и галок. Тяжелыми обильными плодами висели ночью птицы на деревьях, обрызгивая пометом, как известью, зеленые скамейки» («Театр Серафима»).

В этом угасании у Пескова была какая-то своя глубокая тишина, в которой открывались детали и архетипы совершенно из другой эпохи.

«Редко какое дерево так легко и ясно сквозит в воздухе, как ясень… На фоне теплого вечернего неба он вольготно раскинул свои узкие, иногда напоминающие человечьи губы листья. Выразительные острые листья слегка трепетали, отражая глянцем свет. Небо и ясень внушали желание вечной жизни и покоя…» («Годовые кольца»).

Борис Песков начал печататься в 1931 году. В то время ему было двадцать два года и он был студентом педагогического факультета Воронежского университета. В «Подъеме» он опубликовал свой первый очерк – «О товарище Климентове»:

«За шкафом, в тени вижу спину рослого человека. В широкой черной спецовке и толстой теплой засаленной кепке он не кажется старым, стоит прямо.

Я позвал. Тов. Климентов повернулся. Почти безбровые глаза. Редкие желтоватые усы не скрывают отсутствия передних зубов.

Познакомились. Он тщательно вытер паклей инструмент, и после гудка мы вышли из цеха»…

Очерк написан неопытной рукой, но от него веет дыханием горячих строительных будней первой пятилетки. Кроме того, литературный дебют Бориса Пескова имеет сегодня особую ценность. Сын

старого рабочего воронежского паровозоремонтного завода – героя его очерка – стал известным всему миру Андреем Платоновым, и Песков, похоже, оставил потомкам единственный словесный портрет отца гениального писателя.

В 1934 году областным издательством была выпущена первая книжка рассказов Бориса Пескова, через два года, в 1936-м, – вторая.

Творческая позиция писателя обозначилась предельно четко.

Стало ясно, что для Бориса Пескова особо важно пристальное внимание к человеку, переживающему слом эпох. Для своих рассказов писатель брал человека труда – рабочего, крестьянина, интеллигента, – отягощенного пережитками буржуазной морали, и на его примере прослеживал тяжелейший процесс слома старых привычек, нравов и обычаев, приход новой социалистической нравственности. Причем образы уходящего прошлого нередко получались у Пескова ярче и значительнее положительных героев.

За это ему доставалось. Однажды его публично высек даже всемогущий партийный хозяин области товарищ Варейкис, указав со страниц «Коммуны» на идейные просчеты в творчестве. «Главное содержание рассказа Пескова “Театр Серафима” сводится к проблеме невинности, – обличал Варейкис. – Молодой автор, начинающий писать рассказы после 15 лет пролетарской революции, огромной культурной всесторонней революционной работы, которую партия ведет во всех областях нашей общественной жизни, в том числе и в области художественной литературы, после решения ЦК о том, каким должен быть писатель и за что ему надо бороться, – выступает с рассказом, в котором центром является проблема невинности. Для него это, видите ли, главная задача нынешнего периода»…

Критика главного большевика области не возымела действия – Борис Песков упорно не желал исправляться.

Сохранился протокол общего собрания воронежских писателей от 11 сентября 1936 года, посвященного борьбе с классовыми врагами в местной литературной организации. Таковых оказалось трое: знаменитый «воронежский узник» Осип Мандельштам, автор первого романа, написанного в наших краях в советское время, ма-

стер психологической прозы Леонид Завадовский (когда-то он был эсером и входил в литературную группу «Перевал») и Борис Песков. Из всех троих повезло только Пескову. Его не расстреляли в Дубовке (как Завадовского), и он не умер в лагере (как Мандельштам). Его всего лишь исключили из Союза писателей. Песков уехал в какую-то глушь и там, в лесу, пересидел кровавые 1937-й и 1938-й годы.

В 1939-м он появился в Воронеже и признал часть своих ошибок. Поскольку шел период послабления, то Пескову вернули писательский билет и отправили на станцию Графская, командовать только что открывшимся в Эртелевке Домом писательского творчества, затерявшемся среди лесов.

Оттуда, из графских лесов, он и ушел на фронт. Дослужился до капитана и погиб в Эстонии. В одном из писем с фронта капитан Борис Глебович Песков практически предсказал собственную гибель:

«Вековой смешанный лес. Черные старые березы так высоко раскинули свои ветви, что листья кажутся величиною с гривенник. Там солнце. Внизу прохладно и сыро. Беззаботно и весело поют птицы, всюду папоротник. Но здесь боец наступил на противотанковую мину и от него на земле ничего не осталось. Высоко-высоко, на сучке березы – рукав гимнастерки вместе с окровавленной рукой…»

КОГДА ЖИЗНЬ – БОРЬБА

…В отличие от Пескова Николай Романовский представляется, скорее, партийно-литературным функционером, нежели сочинителем. Вот строки из его «подъемовской» публицистики.

«Воронежская губерния в период царизма, в период господства капиталистов, помещиков и кулаков, была известна своей нищетой и бескультурьем… Эта страшная действительность запечатлевалась трудовым населением в его песнях и сказаниях, в них запечатлевалась и ненависть, и стремление уничтожить власть буржуазии и помещиков, и великая, чудесная вера в то, что именно мужественный и великий трудовой народ станет хозяином своей жизни, своего

счастья. Немногие из этих песен и сказаний дошли до нас, ибо воронежские помещики и буржуа пускали в ход любые средства, чтобы убить, чтобы заглушить и авторов песен, и сами песни…

О литературе же, в которой отразились бы думы и чаяния народа, о воронежских писателях, вышедших из народа, – говорить не приходится. Огромная Воронежская губерния в период империализма… не выдвинула ни одного писателя из народа, т.к. малейшие попытки приобщения к культуре талантливых одиночек немедленно пресекались "всевидящей" и "всеслышащей" полицейщиной» («Воронежские писатели за 20 лет», в соавторстве с М. Булавиным).

А вот о современности:

«Советская литература создается не только широко известными мастерами, но и в гуще колхозников, в гуще рабочей массы… Ударники, вчера пришедшие в литературу, не отрываясь от производства, уже дали ряд произведений большой художественной значимости» («Орловские поэты»).

Ну и, конечно же, вот это: *«Наше сегодня величественно и прекрасно. Каждый день нашей жизни есть поэма о трудовом и боевом героизме, о новых победах страны, согретой и освещенной могучим гением Сталина. Мысль о том, что нами руководит, с нами живет и работает Сталин, стала источником творческого вдохновения, бодрости и мужества. Само имя Сталин есть символ несокрушимости наших сил, их организованности и неисчерпаемости»* («Сталин в художественной литературе»).

…Помните, первая книжка Б. Пескова называлась «Страсть»? Так вот, на обложке первого сборника Романовского было написано «Статуй». Прямо-таки мистика слова какая-то: как вы судно назовете, так оно и поплывет!

Впрочем, проза у Романовского – другая. Если в публицистике им владеет исключительно жесткая партийная целесообразность, то в небольших рассказах, напечатанный в «Подъеме», автор пробует уйти от партийной рациональности в сторону революционной романтики. Есть свидетельства, что Романовский учился писать рассказы по книгам Бабеля. Однако учеба эта привела воронежского литератора не к выработке уникального арсенала художествен-

Николай Романовский

ных средств, а лишь к созданию в своих произведениях подчас вычурной, олитературенной действительности.

Вот, к примеру, такой: «*Дыня упала из рук, ударилась о ступеньку, другую, третью, упала на землю, разбилась пополам. Выглянуло нутро плода. Сукровично-желтая вытекала слизь. Вытекала воедино связанная, подрагивающая масса семечек – дынный мозг и кровь. Красноармеец ахнул, рванулся вперед. Череп его ударился о камень, тупо хрустнул и лег рядом с дыней*». («Вань-Вань»).

Согласитесь, чувствуется привкус бутафорской пошлости. Впрочем, этот рассказ вообще пронизан огромным революционным пафосом, который, как известно, всегда прикрывает пошловатую искусственность страсти.

Главная идея всей довоенной прозы Николая Романовского – мысль о том, что революционный рабочий класс по праву является преемником всего великого и прекрасного, что создано человечеством. В служении народу – истинное назначение искусства, в признании народом – залог бессмертия художника.

«*Флейта свистнула вдруг, как свистит молодой суслик, изумленно взглянувший на мир. Птахами запели скрипки. Умолк барабан. Из звуков рождалась степь. Донская степь – истерзанный тысячами ног и копыт, политый кровью и матерщиной великий шлях гражданской войны… Аплодисменты сорвали музыкантов с мест, аплодисменты склонили перед публикой упрямую голову дирижера… Крутолобов вытер шершавым, как рашпиль, пальцем слезы во впадинках под глазами*» («Концерт»).

В жизни Николай Романовский был несгибаемым сталинистом, реально убежденным в том, что «*Сталинская Конституция – эта поэма о счастье народов*». На писательских собраниях он всегда избирал прокурорский тон и в выражениях не стеснялся. К примеру,

того же Бориса Пескова Романовский публично называл не иначе как «фашистским агентом» только за то, что Песков считал «белогвардейского писателя» Бунина великим.

В 1938 году, накануне праздника Великого Октября, Романовского неожиданно для всех арестовали. Его продержали в воронежской тюрьме ровно (день в день!) семь месяцев. На допросах Романовского обвиняли в том, что среди его студентов (а он преподавал курс советской литературы в местном пединституте) оказались враги народа – Георгий Петров и Николай Якушев и якобы он был их идейным вдохновителем. Все обвинения Романовский отрицал, признавая, правда, что способствовал публикации стихов названных студентов в воронежских газетах и журналах… В начале июля 1939 года его отпустили «за недоказанностью вины». А он вышел и тут же написал абсолютно сервильную статью «Сталин в художественной литературе»: *«Хорошо жить в нашей стране. Легко в ней творить. Весь народ стал творцом. И такой страну сделал Сталин».*

И ещё. Мне не раз доводилось слышать, что Романовский всегда любил застолья. Однако после тюрьмы он все чаще и чаще уходил в беспросветные запои. Когда началась война, страдавший к тому времени жестоким алкоголизмом Николай Романовский стал проситься на фронт. Ему долго отказывали, но в конце концов уступили. Так Романовский оказался в действующей армии рядовым солдатом.

Воевал на четырех фронтах, имел боевые награды. Потом получил офицерские погоны и место фронтового корреспондента в газете «Слово бойца». Погиб в начале января 1944 года в Белоруссии.

Знаете, как это произошло? 13 января, перед старым Новым годом, наши бойцы отбили немецкий склад. Среди прочего там были и ящики с бутылками. Об этом тут же узнал один сотрудник газеты, который сумел умыкнуть несколько бутылок для редакции. Вечером, когда номер уже был сдан, младший лейтенант Николай Владимирович Романовский и его фронтовые товарищи сели за стол и расплескали спирт по кружкам. Одного из них вызвали на вер-

стку: что-то там не получалось… Когда же он вернулся, все лежали замертво. В бутылках был метиловый спирт.

А вот как погиб Борис Песков. Шел с товарищами по лесу и вдруг увидел поспевшие плоды можжевельника. Все пошли дальше, а Песков наклонился, чтобы поближе рассмотреть эту красоту. В этот момент в него прямым попаданием ударил снаряд, и, как предсказал он сам, «от него на земле ничего не осталось. Высоко-высоко, на сучке березы – рукав гимнастерки вместе с окровавленной рукой…».

Песков обожал природу, Романовский – любил выпивку. Смерть настигла обоих, едва они дали волю чувствам. Война – это агрессивное состояние внутреннего и внешнего мира, в котором нет места мирным увлечениям и привязанностям, какие бы они ни были. Расплата за них – смерть.

«ОГОНЬ ЯЗЫКАТЫЙ…»

Поэты никогда не врут. Врёт время, а поэты всего лишь точно фиксируют это.

В 1934 году воронежский поэт Валентин Шульчев написал стихотворение, где, немного подражая жесткой образности модного тогда немецкого экспрессионизма, показал азарт, с которым страна погружалась в эпоху Большого террора.

Красками богатыми горя,
широко разбрызгалась заря…
Эту бодрость взяв наперевес,
молодым ветрам наперерез
шли по пышной луговой траве
сорок с лишним человек.
А в руках у каждого – крючок,
на ремне бутыль через плечо,
а бутыль, конечно, не пуста –

жидкий яд на дне, звеня, дрожит –
не резвиться больше, не свистать
расторопным сусликам во ржи…
Рассыпались цепью, порешив
каждый метр обшарить, осмотреть.
Шариком разбухшим, небольшим
в темь норы закрадывалась смерть.
Суслик бился, корчился в тиши,
замуравленный царапал вход,
но хватал за горло и душил
смертоносный сероуглерод.
Ломит ноги. Сотый пот течет…
Жарко. Начинает ныть спина…
Но за нами – глянь через плечо –
молодая, как и мы, страна.
Мутный сумрак поле затопил…
Даль безлунна… Ветер… Тишина…
Восемь тысяч сусличьих могил –
сотня тонн спасенного зерна…

Время хотело покорять природу и быть безжалостным к врагам, и у его певцов лучше всего получались песни о том, что хотелось времени. Валентин Шульчев был именно таким страстным и самозабвенным певцом своего времени. Его поэтическое наследие небольшое – всего три дюжины стихотворений. И во всех них почти нет никаких раздумий и рефлексий, а есть какая-то неиссякаемая заводная удаль. Та самая, что отличала стихи лучших «комсомольских» поэтов тех лет – Бориса Корнилова, Павла Васильева и Ярослава Смелякова. Вот и Шульчев туда же:

«Трамваи, трамваи бегут звеня. / Мы рядом. Я встал молодой такой. / Взгляни на меня, обними меня. / И на прощанье махни рукой»…

«Был спец на проделки хитрые, / буянил на все лады / и мог осушать пол-литра я, / почти как стакан воды»…

«И в горе не гнусь я ивою. / И статен – хоть на парад. / И личность довольно красивую / имею, как говорят»…

Валентин Шульчев

«Красивая личность» Валентин Шульчев родился в мае 1914 года на Тамбовщине. Первые стихи написал в педтехникуме, куда поступил сразу после школы. В 19 лет стал студентом-заочником филфака Воронежского пединститута. Одновременно с этим в родном селе Староюрьево, в бывшей земской школе, где всю жизнь учительствовал его отец, начинающий поэт стал учить мужиков грамоте, самозабвенно рассказывая им об огненной революции, прокатившейся по его стране.

«В рассветные сумерки синие, / в разлете и гике погони, / одетые пеной, как инеем, / вломились безумные кони. / В предместья, кривые и сонные, / подковами рухнув на камень, / ворвались они, озаренные / косыми – наотмашь – клинками. / И, ветра свистящего полные, / их гривы плясали, как пламя, / и длинные сизые молнии / кипели, клубясь под ногами. / И вровень с пустыми балконами / летел мостовою покатой / над громом, над храпом, над конными / штандарта огонь языкатый»…

В этой революционной романтике не было никакой дешевой сентиментальности. В его стихах, скорее, звучали лихие, своевольные, подчас даже анархические раскаты.

«Тишина, расстрелянная громом. / Молния сквозь тучи – наугад. / Небо ливнем гулким и весомым / рухнуло на пашни и луга. / На краю весны, в зеленом мае, / дождь упал на рощи и сады, / молодые травы приминая / тяжестью стремительной воды. / И казалось, он, широкий, мглистый, / ни границ не знает, ни застав»…

Вообще, в стихах Шульчева много природы. При этом его черноземные пейзажи почти всегда неуклюжи и мрачноваты. Отчасти

это дань стихийному «материализму», процветающему в поэзии тех лет (*«колючий ветер, гулок и суров, / поет о днях метельных и морозных», «молнией разя и угрожая, / он прошел, неукротим и прям», «смяв перезвон ручьев и крик грача, / большое эхо прокатилось гулко»* и т. д.). А еще это – эмоциональный фон, позволяющий лирическому герою Шульчева быть не только созерцателем природы, а деятельным участником ее покорения. Иначе никак нельзя, потому что быть победителем в этом мире – не только социальный идеал тех лет, но и постоянная потребность героя Шульчева. Вот, к примеру, как описывает поэт одну локальную победу над хищной рыбой в стихотворении «Щука»:

«Она мертва; она была / грозою стойбищ карасиных, / разбой вершила и спала / в зеленом полумраке тины; / ломая светлую струю, / ходила плавно, будто в танце, / закованная в чешую, / несокрушимую, как панцирь. / Взгляни – в его руке тугой / теперь лежит оцепенело / пронизанное острогой / ее сверкающее тело»…

До войны стихи Валентина Шульчева печатались не только в воронежской периодике, но и в солидных столичных журналах – «Красной нови», «Новом мире», «Молодой гвардии»… «В последнее время В. Шульчев отошел от поэтического шаблона и заговорил своим голосом. Он сумел достичь определенной самостоятельности и новизны», – отмечала критика.

Как представляется сейчас, «новизной» в те годы выглядел неказенный романтизм, который неиссякаемо бурлил в крови поэта. И дело здесь не в мировоззрении Шульчева, а, скорее, в его мирочувствовании.

«Догнали!.. Догнали!.. Над пашнями / в кипение схватки рябое, / пылая, ударили страшные / лиловые молнии боя. / И битвы гремящее полымя / катилось седыми полями. / Весна… И вставало над селами / огромное жаркое знамя»…

И вдруг этот яростный всесокрушающий напор неожиданно сменялся чистейшей лирикой, скрывающей восхищение вечной природой, так и не покоренной людьми:

«Сейчас по московскому времени – / двадцать четыре часа. / И тишь. / И заря, как премия, / выдана небесам»…

В 1939 году Валентин Шульчев окончил пединститут, подал документы в аспирантуру, но так и не был туда принят. Его призвали в армию.

«Ты плачешь? Не надо. Зачем? О чем? / Мы ждали – и вот долгожданный день, – / когда опоясает мое плечо / армейской винтовки простой ремень»…

СТИХИ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Свою службу красноармеец Шульчев начал на Дальнем Востоке, откуда присылал на родину стихи, которые по-прежнему регулярно появлялись в воронежских изданиях.

«Сюда вовек не приходили люди. / Здесь горы стынут грудою на груде. / На сотни верст рогатый бурелом. / Тайга. Великовозрастные сосны. / Да волчий вой, тягучий, перекрестный, / да к сумрачной берлоге, напролом, / спешит медведь случайною тропой»…

В 1940 году Валентин Шульчев получил первую премию за лучшие армейские стихи на конкурсе, объявленном окружной военной газетой.

А потом началась Великая Отечественная война. Подразделение, в котором служил поэт, было спешно через всю страну брошено на передовую и в августе 1941 года вошло во вновь формируемую после разгрома под Уманью 6-ю общевойсковую армию. Уже в сентябре бойцы этой армии обороняли Донбасс, потом участвовали в форсировании Северского Донца, освобождении Лозовой и, наконец, в мае 1942 года – в печально знаменитом Харьковском сражении. Здесь армия была полностью разбита и прекратила свое существование. Раненый боец Шульчев попал в плен.

«И траурный марш ударил / стремительно и напевно. / И лица бойцов суровы. / И плакать нельзя бойцам. / Вздыхает в знаменах ветер, / и трубы рокочут гневно, / тревожа большое горе, / розданное по сердцам»…

Всё, что было после – реальность, переплетенная с легендами, обросшая свидетельствами очевидцев, мифами и преданиями.

В 1942–1943 годах на территории оккупированных Курской и Орловской областей действовал известный своей дерзостью Дмитровский партизанский отряд. На его счету были десятки пущенных под откос вражеских эшелонов, 12 взорванных мостов, почти 80 тысяч уничтоженных фашистских солдат и офицеров… Однажды партизаны даже выбили фашистов из небольшого районного центра и целый месяц удерживали его, отбивая вражеские атаки. Так вот, среди этих отчаянных «лесных братьев» был знаменитый разведчик, которого все называли «Поэтом».

О нем рассказывали фантастические истории. Будто его взяли в плен тяжелораненым, едва ли не пять раз он ухитрялся бежать из-под охраны, но вновь и вновь попадал к гитлеровцам. Один раз его чуть было не расстреляли, но он опять каким-то образом обманул вражеских солдат.

После очередного побега этот человек набрел на партизанский отряд. Его приняли и, поскольку у него была хорошая армейская выучка, включили в группу разведчиков. Большинство пущенных под откос немецких военных эшелонов – было акциями именно данной группы. Но дело не только в этом. «Поэт» писал стихи, за что и получил свое прозвище. Партизаны переписывали их от руки и расклеивали в оккупированных селах. Позже ветераны той боевой группы вспоминали, что все они были в восхищении от творчества «Поэта»: «Мы заучивали его стихи и часто читали друг другу во время боевых операций».

«Партизанская работа – / немцам горе и забота. / Что ни день, то под откос / летит новый паровоз».

«Полицай и староста, / под конвой, пожалуйста! / Будет тебе туго, / немецкая прислуга»…

«Поэт» писал много. Почти каждый день он читал товарищам по оружию новые частушки, песни, баллады. Однажды сочинил даже партизанский гимн, который отряд сразу сделал своей песней:

«Мсти врагу беспощадно и смело! / Мать-Отчизна, мы слышим твой зов! / В бой выходят за правое дело / Партизаны орловских лесов»…

Но некоторые записи «Поэт» друзьям не показывал. Он хранил их в большой тетради, которую всегда носил с собой.

Ее прочитали 21 февраля 1943 года, когда хоронили «Поэта».

…Это был последний бой их отряда. В тот день советские войска уже выбивали гитлеровцев из окрестных сел и деревень, освобождая орловскую землю. Партизаны решили помочь наступающим частям Красной армии, ударив фашистам в тыл. Отряд вышел из леса и вступил в сражение. В последнее мгновение, когда победа уже была близка, «Поэт» прикрыл раненого товарища, приняв на себя автоматную очередь неожиданно выскочившего из укрытия немца…

В тетради, которую нашли в свертке, снятом с груди убитого «Поэта», был дневник его партизанской жизни. Вот строки оттуда:

«И над сталью, над башен косыми углами, / Над деревьями, сбитыми в тесный привал, / Умирало тяжелое мутное пламя. / И, чадя, раскаленный металл остывал. / Дым качался и падал в окопы и щели, / И по выжженным рощам стелился, космат. / И в далекое небо сурово глядели / Неподвижные лица немецких солдат».

«Я очень люблю детей, – признавался своему будущему читателю автор дневника. – Из-за этого и стал учителем. Кончится война, буду в школе преподавать литературу и – писать, писать… Так что вы еще прочтете в каком-нибудь толстом журнале стихи поэта Валентина Шульчева, мои стихи. Обязательно прочтете, вот только кончится война…»

«Я опять припомню и увижу / сталь ружья, зажатую в руке. / И едва поскрипывают лыжи. / И мерцают рельсы вдалеке. / Провода, гудящие при ветре. / Крыши будок – как ребро ножа. / Там стоят на каждом километре / патрули, посты и сторожа. / Только – что они для партизана! / Скрытый ночью мутной, словно дым, / он придет, негаданный, нежданный, / и опять уйдет, неуловим»…

* * *

Писатели, погибшие на войне… Когда вчитываешься в их звучащие теперь пророчески строки, вновь и вновь, с болью и гордо-

стью понимаешь и то, каких замечательных авторов мы потеряли, и то, что их творчество продолжает оставаться современным.

Ведь подлинно талантливый писатель – всегда летописец не только своего времени, но и вечности. Той, которой принадлежат теперь и вот эти строки, написанные погибшим в сражающемся Воронеже киевлянином Павлом Винтманом:

Короткий гром – глухой обвал,
Рожденье света и озона,
Далеких молний карнавал
Над четко черным горизонтом,
Родиться, вспыхнуть, ослепить,
Исчезнуть, не дождясь рассвета.
Так гаснут молнии в степи,
Так гибнут звезды и поэты.

ДОСЬЕ

ПУБЛИЦИСТЫ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОРОНЕЖЕМ

(далеко не полный список)

АБРАМОВ Анатолий Михайлович (05.12.1917, станица Качалинская, область Войска Донского – 17.02.2005, Воронеж), литературовед, литературный критик, поэт, педагог. Доктор филологических наук (1969), профессор (1971), заслуженный деятель науки РСФСР (1987), член Союза писателей СССР (1955), лауреат литературных премий (1973, 1996). Окончил в Саратове художественное училище (1935), литературный факультет Саратовского государственного педагогического института (1939). Участник Великой Отечественной войны. Преподаватель, доцент кафедры русской литературы (с 1949 года), заведующий (1960–1981), профессор (1982–1999) кафедры современной литературы Воронежского государственного университета, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории на философском факультете Воронежского государственного университета (с 2000 года). Автор сборника стихов «И я вступаю в диалог...» (Воронеж, 2001), а также более 350 исследований, в том числе 9 книг: «Поэма Маяковского “Владимир Ильич Ленин”» (Москва, 1955), «Голоса земли Алексея Кольцова» (Воронеж, 1964),

«Лирика и эпос Великой Отечественной войны: Проблематика, стиль, поэтика» (Москва, 1972, 1975), «В соавторстве со временем» (Москва, 1982) и другие. Поэма «Ермак» опубликована в журнале «Подъем» (2003, № 7).

АНТЮХИН Георгий Владимирович (1922–2003). В 1940 году окончил среднюю школу и был призван в Красную армию. Курсант военной спецшколы, Рига, 10.1940–12.1941; офицер Советской армии, Северо-Западный, Западный, Волховский, Ленинградский, Карельский и 2-й Белорусский фронты, 12.1941–07.1945; офицер штаба МВО и ВВС МВО, Москва, 08.1945–01.1947. В годы Великой Отечественной войны награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1950). Старший научный сотрудник Государственного архива Воронежской области (1950–1955), редактор отдела критики и публицистики журнала «Подъем» (1956–1958). С 1960 года работал на филологическом факультете Воронежского государственного университета. Один из организаторов факультета журналистики Воронежского государственного университета, заведующий (с 1984 года), профессор (с 1989 года) кафедры истории журналистики и журналистского мастерства. Автор около 300 печатных работ, в том числе более 10 изданных в Воронеже книг: «Встречи на воронежской земле» (1969), монографии по истории Воронежской печати 1798–1945 (1973, 1976), «Друзья Л. Н. Толстого Г. А. Русанов и В. Г. Чертков» (1983), «Литературное былое» (1987) и др. Организатор Всероссийской конференции по истории местной печати. Заслуженный работник культуры Российской Федерации (1999), лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области» (2002).

БАЖАН Микола (Николай) **Платонович** (26.09.1904, Каменец-Подольск – 23.11.1983, Киев), поэт, прозаик, переводчик, литературный критик, публицист, член Союза писателей СССР (1934), лауреат многих государственных премий, академик Академии наук Украинской ССР (1951), Герой Социалистического Труда (1974), государственный и общественный деятель (Украина). Главный редактор Украинской советской энциклопедии (с 1958 года). На русском языке вышли «Избранные произведения» в двух томах (Москва, 1984). Во время Великой Отечественной войны был ответственным редактором газеты «За радяньску Україну», предназначавшейся для жителей оккупированных территорий Украины. С осени 1941 года до весны 1942 года находился в Воронеже, где тогда располагался штаб Юго-Западного фронта. Здесь написал и издал историческую поэму «Данило Галицький». Оставил воспоминания о пребывании в Воронеже других украинских писателей.

БРОВКА Петрусь (Пётр Устинович) (12.06.1905, деревня Путилковичи ныне Ушачского района Витебской области, Республика Беларусь – 24.03.1980, Минск), поэт, прозаик, переводчик, народный поэт Белорусской ССР (1962), академик Академии наук Белорусской ССР (1966), Герой Социалистического Труда (1972), дважды лауреат Государственной премии СССР, Ленинской премии (1962). Из крестьянской семьи. Публиковался с 1926 года. Автор многих поэм, лирических стихов, романа «Когда сливаются реки» (1957). В начале Великой Отечественной войны – литературный сотрудник газеты Политического управления Брянского фронта «За Савецкую Беларусь». В октябре – ноябре 1941 года редакция находилась в Воронеже, где вышло несколько номеров газеты.

ВАСИЛЕВСКАЯ Ванда Львовна (21.01.1905, Краков – 29.07.1964, Киев), прозаик, публицист, общественный деятель. Лауреат Государственной премии СССР (1943, 1946, 1952). Писала на

польском языке. Окончила Краковский университет (1927). Эмигрировала в СССР (1939), жила во Львове, Киеве. Литературную деятельность начала в 1923 году. Автор трилогии «Песнь над водами» (1940–1951). Во время Великой Отечественной войны была членом редакционной коллегии газеты Юго-Западного фронта «За Радянську Україну!», осенью 1941 года – весной 1942 года находилась в Воронеже, где была начата работа над повестью «Радуга».

ВОЛОХОВ Фёдор Сергеевич (07.07.1912, село Большетроицкое Новооскольского уезда Курской губернии – 19.12.1990, Воронеж), прозаик, драматург, публицист, член Союза писателей СССР (1955). Окончил агрономический факультет Воронежского сельскохозяйственного института (1935), несколько лет работал по специальности в Сибири, потом в Воронеже. Заведующий отделом в редакции «Молодой коммунар» (с 1938 года), ответственный секретарь редакции альманаха «Литературный Воронеж» (с 1940 года). Участник Великой Отечественной войны. Заведующий отделом литературы и искусства в редакции газеты «Коммуна» (с 1948 года). Собственный корреспондент московской газеты «Литература и жизнь» по Центральному Черноземью (с 1958 года). Главный редактор журнала «Подъем» (декабрь 1959-го – 1973 год). Печатался с 1936 года. Автор более 10 изданных в Воронеже книг, в том числе: «Кленовые листья» (1941), «Не шуми ты, рожь...» (1954), «Всюду жизнь» (1964), «Седой юноша» (1968), «Старый друг» (1979). По пьесе «Топор и крест» в Воронежском драматическом театре поставлен спектакль (1984).

ГАМОВ Николай Сергеевич (10.02.1923–18.08.2010). Родился в городе Острогожске Воронежской области. Окончил историко-филологический факультет Саратовского университета (1953), факультет журналистики Московского университета (1958). В журналистике с 1940 года. Работал в редакции районной газеты «Новая жизнь». В августе 1941 года призван в

ряды Красной армии, участник Великой Отечественной войны. В «Коммуне» работал после войны. В конце 1950-х – середине 1960-х – собственный корреспондент газеты «Советская Россия» в Сибири, на Урале, в Поволжье, корреспондент Агентства печати «Новости» по Центральному Черноземью. Заведующий редакцией массово-политической литературы Центрально-Черноземного книжного издательства (1965–1970). Автор книг «Владимир Ильич просил передать…» (1970, совместно с А. Лазебниковым), «Разведчики» (1995), «Дорогами Пушкина» (1999), «Твой сын, Россия» (2001). Составитель коллективных сборников «Вслед за ленинской строкой» (1967), «Воронежское сражение» (1968), «Курская битва», «Ради жизни на земле» (1969), «Крылья подвига», «Суровые судьбы» и др. Публиковался в журнале «Подъем», местных газетах. Член Союза журналистов СССР (1977). Награжден орденами и медалями.

ГОНЧАРОВ Юрий Даниилович (24.12.1923, Воронеж – 20.02.2013, Воронеж), прозаик, мемуарист, член Союза писателей СССР (1949), лауреат премии Союза Писателей РСФСР (1980), Государственной премии РСФСР (1986), Воронежской областной литературной премии имени А. П. Платонова (1997), почетный доктор наук Воронежского государственного университета (1998), член Высшего творческого совета Союза писателей России (1999). Почетный гражданин города Воронежа (2011). Участник Великой Отечественной войны. Окончил факультет русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического института (1946), Высшие литературные курсы (Москва, 1960). Печатается с 1940 года. Участник 1-й Всесоюзной конференции молодых писателей (1947). Сотрудник Воронежского областного книгоиздательства (1945–1949). Специальный корреспондент газеты «Молодой Коммунар» (начало 1950-х годов). Редактор отдела прозы журнала «Подъем» (1970–1973). Член редакционной коллегии журнала «Подъем». Большой общественный резонанс вызвала

повесть «Неудача» (1964). Член Воронежского историко-культурного общества. Автор более 30 книг, в том числе «Рассказы» (Воронеж, 1948), «Повесть о ровеснике» (Москва, 1957), «Костер над обрывом» (Москва, 1964), «Дезертир» (Воронеж, 1965; Москва, 1966), «Вспоминая Паустовского. Предки Бунина» (Воронеж, 1972), «Сердце, полное света» (Москва, 1975; предисловие Г. Я. Бакланова), «Целую Ваши руки» (Москва, 1981), «Избранные произведения» (Москва, 1983; том 1–2), «Ожидания» (Воронеж, 1985; Москва, 1988), «Верность и терпение» (Воронеж, 2003), «Княжна Джаваха» (Воронеж, 2007). Ряд произведений Гончарова переведен на европейские языки. В городе Бутурлиновка Межпоселенческая центральная районная библиотека носит имя Гончарова Юрия Даниловича. В Государственном архиве Воронежской области имеется личный фонд Гончарова (Р-402).

ГУДОШНИКОВ Яков Иванович (03.09.1924, Москва – 17.02.1994, Тамбов, похоронен в Воронеже), литературовед, фольклорист, педагог. Доктор филологических наук (1982), профессор (1985). В Воронеже с начала 1930-х годов. Участник Великой Отечественной войны. Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1950). Работал в Липецком учительском институте (1950–1952), на кафедре русской литературы Воронежского государственного университета (1952–1977). Декан филологического факультета Воронежского государственного университета (1962–1966, 1970–1973), заведующий кафедрой литературы Воронежского государственного педагогического института (1977–1984), Тамбовского государственного педагогического института (с 1984 года). Руководитель студенческих фольклорных экспедиций на территории Воронежской и Тамбовской областей. Как поэт публиковался в альманахе «Литературный Воронеж» (с 1948 года). Автор около 100 исследовательских работ, в том числе монографий «Язык и стиль песен Великой Отечествен-

ной войны» (Воронеж, 1959), «Очерки истории русской литературной песни XVIII–XIX веков» (Воронеж, 1972), «Русский городской романс» (Тамбов, 1990). Составитель сборника «Песни родины моей» (Воронеж, 1961).

ДОВЖЕНКО Александр Петрович (29.08.1894, село Вьюнище, ныне в черте посёлка Сосница Черниговской области, Украина – 25.11.1956, Москва), украинский прозаик, драматург, сценарист, кинорежиссёр. Заслуженный деятель искусств Украинской ССР (1939), народный артист РСФСР (1950), лауреат Государственных премий СССР (1941, 1949), Ленинской премии (1959, посмертно). С 1926 года работал на киностудиях Одессы, Киева, Москвы. Сценарист и режиссёр фильмов «Арсенал» (1929), «Земля» (1930), «Аэроград» (1935), «Щорс» (1939) и др. На русском языке издано собрание сочинений Довженко в четырех томах (Москва, 1966–1969). В феврале-мае 1942 года Довженко находился в Воронеже, был литературным консультантом газеты Юго-Западного фронта «Красная армия». В Воронеже Довженко писал новеллы («На терновой проволоке» и др.), очерки, публицистические статьи, участвовал в радиопередачах на Украину, печатался во фронтовой газете «За Радянську Україну!» В Воронеже Довженко начал работу над автобиографической киноповестью «Зачарована Десна». В конце июня – начале июля 1942 года Довженко находился в городе Россошь (дневник Довженко в его книге «Україна в огні», Київ, 1990).

ДОЛМАТОВСКИЙ Евгений Аронович (22.04.1915, Москва – 10.09.1994, Москва), поэт, переводчик, прозаик, мемуарист, член Союза писателей СССР (1937), лауреат Государственной премии СССР (1950), нескольких международных и всесоюзных литературных премий. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (1937). Печатался с 1930 года. Участник советско-финляндской войны, Великой Отечественной войны. Многие песни на тексты Долматовского обрели попу-

лярность. Автор многих книг, начиная с 1934 года. Собрание сочинений (Москва, 1978, том 1–3; Москва, 1989, том 1–3). В апреле 1941 года Долматовский побывал в Воронеже, участвовал во встречах с местной общественностью. Зимой 1941 года – весной 1942 года был прикомандирован к газете Политического управления Юго-Западного фронта «Красная армия» (после отъезда А. Т. Твардовского занял его должность в штате), редакция которой располагалась в Воронеже. На слова Долматовского находившийся в Воронеже композитор Марк Фрадкин написал «Песню о Днепре».

ДУВАРОВ Петр Васильевич (1926–2006). Родился в городе Морозовске Ростовской области. Окончил Харьковский техникум железнодорожного транспорта (1951), Высшую партийную школу (1964). Участник Великой Отечественной войны. Трудовой путь начинал рабочим на железной дороге. Затем на комсомольской работе. Занимал различные должности в нескольких районных газетах Воронежской области. Был редактором газеты «Вперед» Юго-Восточной железной дороги. В «Коммуне» с 1970-х по 2001 год: ответственный секретарь, заместитель главного редактора. С 1994 года – редактор газеты «Воронежская неделя», с 1996 по 2001 год – редактор еженедельника «Коммуна плюс».

ЕВТУШЕНКО Владимир Яковлевич (1925–2013). Родился в селе Белогорье Острогожского уезда Воронежской области. Участник Великой Отечественной войны. Участвовал в Курской битве (1943), разминировании Варшавы (1944), освобождении Брно (1944). Имеет ранение в бою. Окончил исторический факультет Воронежского пединститута (1953). Работал в райкоме ВЛКСМ (1947–1951), редактором Белогорьевской районной газеты в Воронежской области (1951–1957), а с 1959 по 1964 год – заведующим сектором печати Воронежского обкома КПСС. С 1965 по 1989 год – главный редактор газеты

«Коммуна». Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Был председателем Воронежской областной организации Союза журналистов СССР (1965–1989). Автор 20 книг прозы, изданных в Москве и Воронеже тиражом более 4 миллионов экземпляров. Среди них: «Яблоня раздора» (1972), «Дыхание весны» (1977), «Гарусеновский летописец» (1981, 1985), «Тропа разведчика» (2005) и др. Имеет государственные награды: медали «За отвагу» (1943, 1945), ордена Красной Звезды (1944, 1945), медаль «За победу над Германией», ордена Трудового Красного Знамени (1967, 1975), «Знак Почета» (1985), Дружбы народов (1987). Лауреат премии Союза журналистов СССР и России.

КЛИМОВ Всеволод Владимирович (1922–1993). Родился в городе Покровске Саратовской губернии. Поступил в школу художественной миниатюры (1938, Ивановская область). Участник Великой Отечественной войны. Начинал творческую деятельность в 1948 году. Редактор воронежского облрадиокомитета (1948). Председатель (1958–1960), заместитель председателя (1965–1986) Воронежского комитета по радиовещанию и ТВ. Главный редактор газеты «Коммуна (1960–1965). Член Союза писателей (1958), член Союза журналистов, почетный радист СССР (1966). Автор сценариев нескольких телефильмов: «Донские берега» (1967), «Кривые тропы» (1972) и др. Автор книг «Честь “Ракеты”» (1954), «Гул далеких орудий» (1958), «Воспоминание о пехоте» (1966), «Приключение маленьких разведчиков» (1978), «Таинственная дорога» (1982), «Фронтовая сторона» (1988).

КОЗЬМИН Александр Александрович (1924–2006). Родился 23 декабря 1924 года в селе Торногский городок Вологодской области. Окончил отделение журналистики филологического факультета Ленинградского государственного университета (1953). Участник Великой Отечественной войны (1942–

1944), артиллерист. Служил комсоргом артдивизиона, секретарем редакции газеты Мозырской Краснознаменной дивизии морской пехоты (1944–1947), ответственным секретарем районной газеты в Вологодской области (1947–1949), работал литсотрудником в газете «Тюменская правда» (1953–1956). С 1956 года – корреспондент отдела сельского хозяйства в «Коммуне». В 1960–1970-е годы считался непревзойденным очеркистом «Коммуны». За участие в боях на Курско-Орловской дуге награжден медалью «За отвагу» (1943). Автор книги очерков и сказов «Белый донник» (1973).

КОЛОСОВ Горислав Валентинович (1922–1996). Родился в селе Джурин Винницкой области, Украина. В сентябре 1940 года призван в Красную армию. Служил сначала в Коломне, в 403-м гаубичном артиллерийском полку красноармейцем. После начала Великой Отечественной войны, в июне 1941 года, командованием полка был направлен в 1-е Московское Краснознаменное артиллерийское училище имени Л. Б. Красина. В составе группы курсантов училища участвовал в боях за Москву. Сражался на Ленинградском, Волховском, 3-м Прибалтийском и Карельском фронтах. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Окончил факультет журналистики Казахстанского государственного университета (Алма-Ата, 1951), где работал старшим преподавателем, доцентом (1953–1975). Заведующий кафедрой журналистики (1975–1978), теории и практики журналистики (1978–1985) филологического факультета, первый декан факультета журналистики (1985–1989) Воронежского государственного университета, где работал до 1993 года. С 1994 года жил в Новосибирске. Автор многих работ по проблемам становления, развития и современного состояния теории журналистики.

КОРНЕЙЧУК Александр Евдокимович (12.05.1905, станция Христиновка Киевской губернии – 14.05.1972, Киев), украинский драматург, общественный деятель, член Союза писателей СССР, академик Академии наук Украинской ССР (1939) и Академии наук СССР (1943), Герой Социалистического Труда (1967), лауреат многих Государственных премий СССР, Международной Ленинской премий (1960). Окончил литературный факультет Киевского института народного образования (1929). Печатался с 1925 года. Автор многих пьес, в том числе «Гибель эскадры», «Платон Кречет», «В степях Украины», «Макар Дубрава». Во время Великой Отечественной войны был членом редакционной коллегии газеты Юго-Западного фронта «За Радянську Україну!», осенью 1941 года – весной 1942 года находился в Воронеже, где была начата работа над пьесой «Фронт». В марте 1942 года выступил на литературном вечере в Доме Красной армии с докладом о Тарасе Григорьевиче Шевченко.

КРАМИНОВ Даниил Федорович (1910–1994). Родился в селе Большовка Воловского района. Окончил Ленинградский институт истории, философии и литературы. С 1929 работал репортером деревенского отдела в воронежской областной газете «Коммуна». Был собственным корреспондентом газеты «Известия» в Сибири. С 1939 года – корреспондент ТАСС в Швеции, с 1943 года – в Англии, с 1944 года – военный корреспондент в войсках союзников. Заведовал отделением ТАСС в Берлине, освещал ход Нюрнбергского процесса. После войны работал в Гостелерадио, газете «Правда» (1952–1959). С 1960 года – главный редактор еженедельника «За рубежом». Автор книг очерков «Второй фронт», «Американские встречи», «По Индии», «В Англии», «В пяти частях света» и др. Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, многими медалями.

КРАПИВА Кондрат (настоящее имя Кондрат Кондратьевич Атрахович) (22.02.1896, деревня Низок Минского уезда Минской губернии – 07.01.1991, Минск), поэт-сатирик, прозаик, драматург, переводчик, народный писатель Белорусской ССР (1956), академик (1950), вице-президент (с 1956 года) Академии наук Белорусской ССР, Герой Социалистического Труда (1975), трижды лауреат Государственной премии СССР. Из крестьянской семьи. Публиковался с 1922 года. Автор многих сборников стихотворений, басен, рассказов. Успехом пользовались комедии «Кто смеётся последним» (1939), «Поют жаворонки» (1950) и др. В начале Великой Отечественной войны – литературный сотрудник газеты Политического управления Брянского фронта «За Савецкую Беларусь». В октябре – ноябре 1941 года редакция находилась в Воронеже, где вышло несколько номеров газеты.

МОЦКИН Марк Давидович (1916–?). Родился в Воронеже. Журналист, член Союза журналистов, почётный радист СССР, лауреат областного творческого конкурса имени М. С. Ольминского (1971, 1972). Окончил Высшие центральные курсы стенографии, преподавал стенографию в средних школах Воронежа и на специальных курсах. Участник Великой Отечественной войны. С 1953 года – корреспондент отдела радиоинформации при Управлении культуры Воронежского областного исполнительного комитета (позднее – областного комитета по телевидению и радиовещанию, ныне – Воронежская государственная телевизионная и радиовещательная компания). Автор многих передач, посвящённых проблемам культуры и деятелям литературы и искусства. Опубликовал цикл очерков и воспоминаний в воронежской периодике («Кольцовский сквер», «Коммуна», «Воронежская неделя»). В 2005 году Моцкин передал еврейской благотворительной организации «Хесед» (Воронеж) множество кассет со своими радиопередачами (из фондов Воронежской государственной телевизионной и радиовещательной компании).

ПЕРВОМАЙСКИЙ Леонид Соломонович (настоящее имя Илья Шлемович Гуревич) (04.05.1908, Константиноград Харьковской губернии – 09.12.1973, Киев), украинский прозаик, поэт, переводчик, драматург, член Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии СССР (1946). Печатался с 1924 года. Автор многих книг прозы, в том числе романа «Дикий мёд» (1963), и сборников стихов. Во время Великой Отечественной войны был сотрудником радиоуправления Юго-Западного фронта, осенью 1941 года – весной 1942 года находился в Воронеже, где вышла его книга «Партизан Вернигора» (1942). Первомайскому принадлежит стихотворение «Воронеж» (в переводе на русский язык опубликовано в книге «Вчера и завтра», Москва, 1977).

ПОГРЕБЕНЧЕНКО Сергей Васильевич (1922–2009). Родился в городе Лиски Воронежской области. Окончил Ленинградское военное воздушно-техническое училище (1942), Воронежский государственный педагогический институт (1951), Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1960). Работал на Воронежском областном радио (1946–1953), в районных газетах (1953–1958). С 1960 по 1988 год – заведующий промышленным отделом в «Коммуне». После выхода на заслуженный отдых помогал выпускать еженедельник «Коммуна спорт» (1997–2004). Всероссийское признание имел как футбольный статистик, авторитетный составитель справочников, программ. Одна из последних написанных им книг – «Век футбола» (2008) – была посвящена 100-летию отечественного футбола. Член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры РСФСР (1977). Участник Великой Отечественной войны, майор в отставке. Награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета» (1981), 14 медалями.

ПУЛЬВЕР Евгений Александрович (1926–1983). Участник Великой Отечественной войны. Корреспондент и заведующий отделом воронежской газеты «Молодой коммунар» (1951–1957);

собкор ТАСС по Воронежской области, редактор комитета по телевидению и радиовещанию, заведующий Воронежским отделением издательства «Известия». Автор и соавтор сорока историко-краеведческих книг, статей и заметок, а также путеводителей по городу.

РЫЖМАНОВ Григорий Никандрович (1907–1985). Родился на хуторе Дядин Богучарского уезда Воронежской губернии. Окончил Богучарский педагогический техникум (1928), литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета Воронежского государственного университета (1931). Литературный сотрудник областной газеты «Коммуна», «Молодой коммунар», «Будь готов!», журнала «Подъем», Воронежского областного книжного издательства. Участник Великой Отечественной войны. Участвовал в обороне Сталинграда, в битвах под Курском и Харьковом. Свои стихи часто публиковал во фронтовой газете. С октября 1943 года и до окончания войны – на 2-м, 3-м Украинских фронтах. После гибели гвардии капитана и тоже поэта Григория Доронина, секретаря дивизионной газеты «Боевая красногвардейская», Григорий Рыжманов назначается секретарем редакции и вступает в ВКП (б). В составе 252-й стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии освобождал Будапешт, Белград, Вену и Прагу. В мае 1945 года награжден орденом Красной Звезды. После окончания войны работал в военной газете, затем вернулся на родной хутор, потом переехал в Воронеж. Печатался с 1928 года. Поэт, член Союза писателей СССР (1935). Автор изданных в Воронеже книг «Отрада» (1937), «Стихи и поэмы» (1954), «Мастерёнок» (1962), «Лепта» (1968).

СОЛОМАХИН Владимир Дмитриевич (24.01.1925, Богучар – 03.07.2014, Воронеж), работник партийных органов, журналист. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Тамбовское пулеметное училище (1943). Воевал минометчиком

(Калининский фронт), разведчиком (Прибалтийский фронт). Технический секретарь Бутурлиновского районного комитета КПСС (1946), заведующий отделом Бутурлиновского районного комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (1948), ответственный секретарь Воронежского областного комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (1950), первый секретарь Сталинского районного комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи Воронежа (1951). После окончания Центральной комсомольской школы Центрального комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи в 1952 году работал литературным сотрудником газеты «Молодой коммунар» (1954), заместителем редактора бутурлиновской газеты «Зори коммунизма» (1956), редактором газеты «Землянская правда» (1958), редактором Таловской газеты «Заря» (1962), корреспондентом областного радио (1964). Сотрудничал с газетой «Коммуна». С 1987 года на заслуженном отдыхе. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалью за «За боевые заслуги».

СТУКАЛИН Борис Иванович (1923–2004). Родился в селе Чуповка Тамбовской губернии. Окончил педагогическое училище в Острогожске (1941) и Воронежский педагогический институт (1951). Участник Великой Отечественной войны. Путь в журналистике начинал в Острогожской районной газете «Новая жизнь» (1940–1941), затем – инструктор Острогожского райкома КПСС (1946–1948), редактор абрамовской и россошанской районных газет Воронежской области, собственный корреспондент областной газеты «Коммуна» (1948–1952), редактор областной газеты «Молодой коммунар» (1952–1956). Главный редактор газеты «Коммуна» (1956–1960). Работал в аппарате ЦК КПСС (1960–1963), председателем Государственного комитета Совета министров РСФСР по печати

(1963–1965), первый заместитель главного редактора «Правды» (1965–1970). С 1970 по 1982 год – председатель комитета по печати при Совете министров СССР, заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС (1982–1985) и чрезвычайный и полномочный посол СССР в Венгрии (1985–1990). Автор книги мемуаров «Годы, дороги, лица» (2002).

СУСЛОВ Лев Иванович (1923–2006). Родился в городе Лисичанске Луганской области (Украина). Окончил Высшую школу контрразведки (1943), участник Великой Отечественной войны. С 1954 по 1984 год – собственный корреспондент, заведующий отделом информации в «Коммуне». Его перу принадлежат сборники рассказов «Мальчишка» (1957), «Неведомые тропы» (1969), «Я найду тебя, Иван!» (2008). Входил в состав редакционной коллегии областной Книги Памяти воронежцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Лауреат областной премии имени М. С. Ольминского. Кавалер боевых и гражданских государственных наград.

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович (08.06.1910, деревня Загорье Смоленского уезда Смоленской губернии – 18.12.1971, поселок Красная Пахра Московской области, похоронен в Москве), поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, публицист, культурный и общественный деятель, лауреат нескольких Государственных премий СССР, Ленинской премии (1961). Главный редактор журнала «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970). Автор многих произведений, в том числе поэмы-эпопеи «Василий Теркин». В Воронеже находился как сотрудник газеты Юго-Западного фронта «Красная армия» (ноябрь 1941 – апрель 1942). В феврале 1951 года как кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР встречался с избирателями в селах Нижнедевицкого, Хохольского, Синелипяговского и Шаталовского районов, выступал в Воронеже перед коллективом Воронежского государственного университета,

встречался с местными писателями. Сыграл большую роль в литературной судьбе Г. Н. Троепольского, А. В. Жигулина, А. Т. Прасолова. Воронеж стал одним из центров по изучению творческого наследия Твардовского (прежде всего работы А. М. Абрамова и особенно В. М. Акаткина). Посвященные Твардовскому мемориальные доски установлены в поселке Хохольском (1973) и Воронеже на здании (проспект Революции, 41), где размещалась редакция газеты «Красная армия» (1986). Пребывание Твардовского в военном Воронеже отражено в его сборнике «“Я в свою ходил атаку...”: Дневники. Письма. 1941–1945» (Москва, 2005).

ТИМОШЕЧКИН Михаил Федорович (1925–2013). Родился в селе Васильевка Верхнекарачанского района Воронежской области. Призван в советскую армию в 1943 году, будучи учащимся 10-го класса. Участник Великой Отечественной войны. Участвовал в боях за Днепр, был ранен. Окончил Новохоперское педучилище (1946), исторический факультет Борисоглебского учительского института (1949), исторический факультет Московского заочного пединститута (1952), Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ по специальности «журналистика» (1951), заочную аспирантуру Воронежского госуниверситета (1957). Литсотрудник газет «Комсомолец Забайкалья» (1951–1953, Чита), «Борисоглебская правда» (1953–1954), «Балашовская правда» (1954), собственный корреспондент газеты «Балашовская правда» (1954–1957). С 1957 по 1967 год – собственный корреспондент в «Коммуне» в Новохоперском, Верхнекарачанском, Полянском районах. Награжден медалью «За Победу над Германией».

УДОДОВ Борис Тимофеевич (27.06.1924, село Новая Усмань Воронежского уезда – 29.10.2009, Воронеж), литературовед, педагог, доктор филологических наук (1974), профессор (1977), заслуженный деятель наук Российской Федерации (2000),

дипломант творческих конкурсов вузовской литературы (Москва, 1973–1975). Участник Великой Отечественной войны. Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1950). Работал диктором Воронежского областного радиокомитета (1947–1951). Преподаватель, старший преподаватель, заместитель декана историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1954–1959). Доцент (с 1960 года), старший научный сотрудник (1969–1972), заведующий (1975–1991, 2002 – январь 2008), профессор кафедры русской литературы филологического факультета Воронежского государственного университета, декан факультета (1960–1962, 1973–1976). Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе монографий «К. Ф. Рылеев в Воронежском крае» (Воронеж, 1971), «М. Ю. Лермонтов: художественная индивидуальность и творческие процессы» (Воронеж, 1973), «Роман М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» (Москва, 1989), «Пушкин: художественная антропология» (Воронеж, 1999), а также учебного пособия «Очерки истории русской литературы 1820–1830-х годов» (Воронеж, 2004). Один из авторов «Лермонтовской энциклопедии» (Москва, 1981, 1999), биографических словарей «Русские писатели: 1800–1917» (Москва, 1989–1999), вузовских учебников по истории русской литературы 1800–1830-х годов (Москва, 2001).

ШУМИЛОВ Виктор Егорович (1920–2009). Родился 9 февраля 1920 года в селе Тимошино Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии (ныне Верхнетоемского района Архангельской области). В 1939 году поступил на заочные годичные курсы при фотохронике ТАСС, которые окончил в 1940 году. В 1940 году был призван на службу в Красную армию. Служил на Западной Украине, в городе Станислав (ныне Ивано-Франковск) рядовым бойцом, старшим наборщиком красноармейской малотиражки. Участник Великой Отечественной войны

с 22 июня 1941 года. В качестве военного фотокорреспондента 1-й гвардейской танковой бригады гвардии ефрейтор В. Е. Шумилов сражался под Москвой, защищал Воронежскую землю, участвовал в Курской битве, освобождал Правобережную Украину, Прикарпатье, Польшу. Войну закончил в Берлине, оставил свой автограф на рейхстаге. В своих снимках запечатлел все основные этапы боевого пути бригады, многие эпизоды – вручение гвардейского знамени и орденов бригаде, клятву гвардейцев на верность Родине, танки в походе и в бою, суровые будни военных лет и образы своих боевых товарищей. Член ВКП (б) с 1945 года. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды (дважды), медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и др. Член Союза журналистов России. Более 25 лет своей жизни посвятил военной журналистике. После войны гвардии лейтенант (с 1947 года – в запасе) В. Е. Шумилов был внештатным корреспондентом ТАСС, работал в газетах «Отважный воин» Архангельского военного округа, «Знамя Родины» Воронежского военного округа. До 1962 года работал в Воронежском технологическом институте в кинофотолаборатории, которую сам же организовал. Затем 7 лет работал в Венгрии, в газете «Ленинское знамя» Южной группы войск. В. Е. Шумилов проводил большую военно-патриотическую работу среди молодёжи. Им созданы и работают семь школьных музеев и уголков боевой славы, занимался организацией мемориального фотомузея на Чижовском плацдарме. Умер 24 июля 2009 года в Воронеже. Почётный гражданин города Чорткова Тернопольской области Украины. За большой вклад в военно-патриотическое воспитание молодёжи награждён знаком «Отличник народного просвещения».

ЮЩЕНКО Валентин Тимофеевич (10.12.1913, Александровск-Грушевский, ныне Шахты Ростовской области – 22.10.1986, Воронеж), прозаик, публицист, член Союза писателей СССР (1958). Окончил Северо-Кавказский краевой политехникум печати

(Ростов-на-Дону, 1933). Сотрудник Воронежского книжного издательства (1933–1941). Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации – ответственный секретарь редакции газеты «Молодой Коммунар» (1950–1957), журнала «Подъем». Публиковался в журнале «Подъем» (с 1933 года), альманахе «Литературный Воронеж». Автор около 10 книг, в том числе «Встречи» (Воронеж, 1941), «Всегда с тобою» (Ростов-на-Дону, 1954; Воронеж, 1958, 1967), «Вечный огонь» (Воронеж, 1962, 1964, 1976), «Берег трех тайн» (Воронеж, 1963; Чебоксары, 1977, на чувашском языке). Инсценировка по роману «Вечный огонь» осуществлена на сцене драматического театра имени Н. Погодина (Шахты, 1967).

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ РЕКИ ПО ИМЕНИ ФАКТ

Дмитрий Дьяков. ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ ВОЙНЫ 5

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ГАЗЕТЫ

Борис Песков. ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК..... 35

Николай Романовский. ЗАПИСКИ ФРОНТОВОГО ЖУРНАЛИСТА 66

Михаил Аметистов. МЫ ИЗ ВОРОНЕЖА..... 101

Пётр Прудковский. РОДНОЙ ГОРОД 107

Алексей Шубин. ДЕД ГАРНИЗОН 119

ДОРОГА НА СЕМЕНИХУ 128

Митрофан Умывакин. «У НАС БЫЛ ДРУЖНЫЙ, БОЕВОЙ КОЛЛЕКТИВ…»
(Из «Автобиографии») 134

В ПРОРЫВ! 140

Иван Сидельников. ТРЕТИЙ КОМИССАР.
(Из цикла «Портреты защитников Воронежа») 142

Семён Борзунов. «С ПЕРОМ И АВТОМАТОМ».
(Из книги фронтовых очерков) 168

Ольга Кожухова. ПОКА НЕ ЗАБЫЛОСЬ… (Страницы из дневников)..... 187

Михаил Домогацких. ОТРЫВОК ИЗ «ПОВЕСТИ О ДЕСАНТНИКАХ» 217

Борис Кривенко. ПУТЬ К БЕРЛИНУ (Воспоминания с отступлениями)..... 243

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Дмитрий Дьяков «ИСЧЕЗНУТЬ, НЕ ДОЖДЯСЬ РАССВЕТА…»
Воронежские литераторы, погибшие в годы
Великой Отечественной войны 255

ДОСЬЕ

Публицисты – участники Великой Отечественной войны,
связанные с Воронежем (далеко не полный список) 275

Информационное издание

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛАБОРАТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Выпуск 7

Редактор-составитель *Д. С. Дьяков*

Редактор-корректор *Е. С. Котлярова*
Компьютерная верстка *Е. Е. Комаровой*

Подписано в печать 14.09.2020. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 16,3. Усл. п. л. 17,2. Тираж 100 экз. Заказ 259

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

75
ПОБЕДА!
1945–2020
ЗНАМЯ РОДИНЫ
Ежедневная красноармейская газета
№ 247
Вторник
25
ноября
1941 года
Взят крупный населенный пункт
МОГУЧИМИ УДАРАМИ КРАСНАЯ АРМИЯ УНИЧТОЖАЕТ ЗАКЛЯТОГО ВРАГА
Советские воины! Беспощадно разите, истребляйте фашистских оккупантов! Очищайте от них нашу священную землю!
УДАР ПО ВОЙСКАМ ВРАГА
ЧЕТЫРЕ БОМБОВЫХ НАЛЕТА
КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПРАВДА
ЕЖЕДНЕВНАЯ ФРОНТОВАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА
Воскресенье
24 июня
1945 года
№ 147 (7352)
XII Сессия Верховного Совета СССР утвердила Закон о демобилизации старших возрас
ПРИКАЗ
Верховного Главнокомандующего
ГРОМИЛКА
№ 1
30 ноября 1941 г. воскресенье
Еженедельное сатирическое приложение к фронтовой газете «Красная Армия»
Били, бьем и будем бить